РОССИЙСКИЙ МИНИСТР ОБОРОНЫ В ПОИСКАХ ВРАГА Стр.10

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 14 ЯНВАРЯ 1997

Итоги

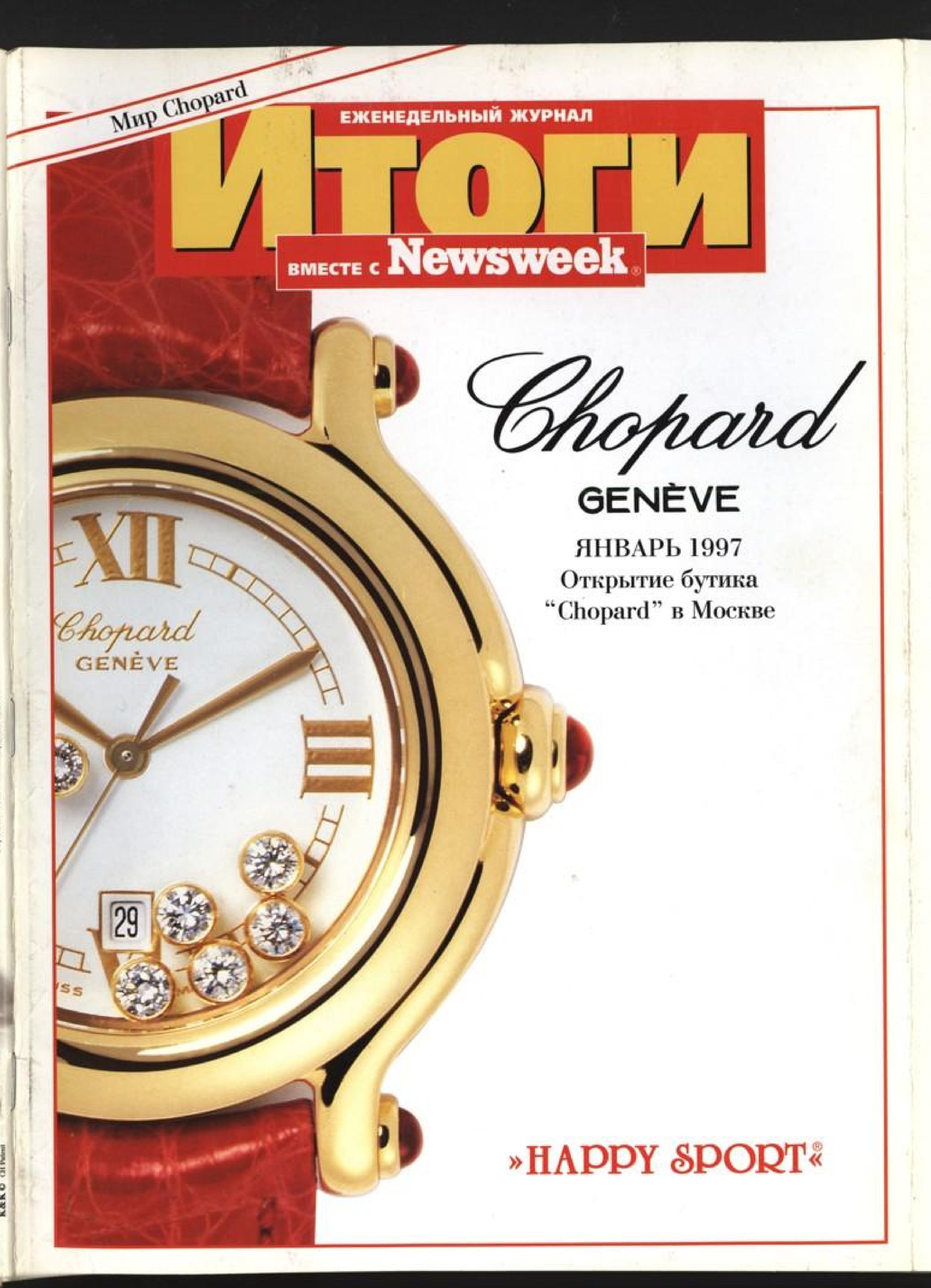
ВМЕСТЕ С Newsweek®

ТЕРРОР

Пояс страха через весь мир. От Перу до Японии.

Почти месяц жизнь десятков заложников остается игрушкой в руках банды леваков

Стр.26-38

Мир Chopard
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
Итоги
вместе с Newsweek
Chopard
GENÈVE
ЯНВАРЬ 1997
Открытие бутика
"Chopard" в Москве
»HAPPY SPORT®«
K&K©

»HAPPY DIAMONDS®«
Очарование плавающих бриллиантов…
только от Chopard
79/2206 - 20
79/2208/3 - 20
» HAPPY CLOWN «
Радость жизни
79/1315 - 20
CAŠMIR®
Прикосновение
Восточной магии
84/2088 - 43
43/5854
85/1548 - 43
82/1722 - 43
Modèle déposé
РОССИ

Мир Chopard

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

Итоги

вместе с Newsweek

Chopard

GENÈVE

ЯНВАРЬ 1997

Открытие бутика
"Chopard" в Москве

»HAPPY SPORT«

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 14 января 1997 **Итоги** № 1-2

ГЛАВНАЯ ТЕМА

Террор: пояс страха через весь мир.
Торжественный прием по случаю дня рождения императора в японском посольстве в Лиме обернулся кошмаром для многих дипломатов и высоких чинов Перу. Почти месяц жизнь десятков заложников остается игрушкой в руках банды леваков.
Стр.26–38

Время от времени в небольшом особняке в центре Москвы собираются немолодые мужчины. На этих встречах они говорят только по-английски, пьют исключительно виски, и никогда не упоминают имени Олега Гордиевского. Все они — провалившиеся в свое время советские разведчики. Это **«Лондонский клуб» шпионов.** **Стр.60**

Начиная с этого номера, вы всегда будете находить на последней странице «Итогов» заметки о наиболее популярных интеллектуальных играх, за которыми многие наши соотечественники с удовольствием и увлечением проводят досуг. Сегодня мы **играем в преферанс.** В игру, которая не одно десятилетие занимала у нас то же место, какое в Европе и Америке занимает бридж. **Стр.80**

На обложке фото SIPA/SEL

Итоги

Еженедельный журнал
№ 1–2, 14 января 1997 года
Издатель ЗАО «Журнал «Итоги»
Генеральный директор Дмитрий Бирюков

Главный редактор Сергей Пархоменко
Заместитель главного редактора Маша Липман
Арт-директор Аркадий Троянкер
Консультанты (Newsweek) Рон Джаверз, Майкл Джоунз, Лиза Мичурски, Доринда Эллиотт
Ответственный секретарь Андрей Збарский
Заместитель ответственного секретаря Виталий Колбасюк
Выпускающие редакторы Владимир Орлов, Ирина Фрейдлин
Отдел дизайна Алексей Афанасьев, Ирина Борисова, Петр Бородин, Галина Грозная **(ведущий дизайнер)**, Максим Любановский, Федор Радлов
Фотослужба Олег Иванов **(директор)**, Галина Величко, Владимир Иванов, Дмитрий Иванов, Ирина Иркина, Алиса Петрова
Отдел политики («В России»)
Сергей Авдеенко **(зав. отделом)**, Александр Гольц, Петр Журавлев, Галина Ковальская, Дмитрий Пинскер, Никита Соколов **(редактор)**, Дмитрий Хитаров, Александр Щербаков **(редактор)**
Отдел международной жизни («Вокруг России»)
Дмитрий Сабов **(зав. отделом)**, Рубен Бекназар-Юзбашев **(редактор)**, Евгений Пахомов, Дмитрий Погоржельский **(корпункт в Бонне)**, Сергей Строкань
Отдел экономики («Дело»)
Ирина Розенберг **(зав. отделом)**, Елена Кузнецова, Андрей Серов, Светлана Солодовник **(редактор)**
Отдел общества («Медицина», «Путешествия» и проч.**)**
Андрей Быстрицкий **(зав. отделом)**, Татьяна Аскери **(редактор)**, Маша Гессен, Денис Драгунский, Борис Жуков, Елена Каменская **(редактор)**, Игорь Рябов, Борис Старцев
Отдел искусства («Искусство», «Художественный дневник»)
Дина Годер **(зав. отделом)**, Юрий Гладильщиков, Марианна Голубовская **(редактор)**, Лев Рубинштейн, Ярослав Седов, Ольга Солнцева **(редактор)**, Андрей Толстой
Отдел информационного обеспечения и досье Егор Быковский
Переводы с английского Александр Богдановский, Екатерина Лазарева
Служба проверки Лидия Верина, Татьяна Воронина
Корректура Наталья Александрова, Белла Бурт, Лариса Долбина, Ирина Комарова, Лия Кройтман, Александра Пряжникова
Бухгалтерия Елена Пальчевская, Светлана Родионова, Оксана Ростокина
Референты Оксана Артюкова, Ирина Костылева, Анна Лощихина, Ольга Никушкина, Анна Старостина, Мария Стаценко, Елена Черкасова
Водители Михаил Егоров, Александр Жафяров

Автор дизайн-проекта Аркадий Троянкер

Отдельные редакционные материалы публикуются на основании лицензии, выданной **Newsweek, Inc.**

Постоянный представитель в редакции Newsweek Екатерина Корсунская

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а
E-mail ITOGI@TOD.NEWSBOX.MSK.SU
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение № 014592 от 14.03.96
Подписной индекс 75587
Учредитель ЗАО «Издательство «Семь дней»
Исполнительный директор Артур Селищев
Финансовый директор Сергей Крупенков
Управляющий делами ЗАО «Издательство «Семь дней» Мария Дмитриева
Служба рекламы ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Нана Цобехия **(директор)**, телефоны (095) 753.4145, 753.4146, факс 753.4148
Служба маркетинга ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Ирина Келина **(директор)**, Ольга Лытаева, телефон (095) 195.9236
Служба распространения:
Александр Магатаев **(директор)**, телефон/факс (095) 753.4104
Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой «Инком-Пресс», телефон (095) 195. 2149, факс (095) 195.0060
Телефон для справок по вопросам распространения (095) 753.4103
Фотослужба газеты «Сегодня» Алексей Дитякин **(директор)**
Верстка, цветоделение и компьютерное обеспечение — компьютерный центр ЗАО «Издательство «Семь дней»:
Василий Черный **(директор)**,
Павел Балаченков, Роман Балашов, Марина Балабанова, Алена Гаранина, Лев Галустов, Олег Детинин, Андрей Дугин, Илья Дьяков, Анатолий Капчинский, Андрей Корзун, Андрей Борщевский, Александр Мелешкин, Владимир Останцев, Валентин Писаревский, Владимир Скок, Алексей Чарский, Валерий Чиж, Вера Долматовская, Жанна Махмутова
Номер подписан в печать 9 января 1997 года
Отпечатано в типографии **Algraphics** (Финляндия). Тираж 55 000 экз.

О смертной казни

В номере 30 главной темой была смертная казнь. Правомочно ли государство лишать своих граждан жизни? Правомочно. Ибо государство — это конкретные люди, договорившиеся жить по конкретным правилам. Жизнь человека священна. Лишение человека жизни — это нарушение фундаментального правила государства. Поэтому и наказание должно быть адекватно. Все разговоры о гуманизме имеют только один объект применения — убийц. Но нет вовсе речи о гуманизме по отношению к жертвам. Поэтому мы должны определиться со шкалой ценностей: что для нас важнее — жизнь человека или жизнь человека-убийцы? Если мы даже уравняем их в ценности, то тем самым уже дадим право убийцам на убийство.

А.Е. Рази, г. Ломоносов

О пожеланиях

Возможно, я бы добавил рубрику «Итоги столетия» или что-то вроде этого для помещения аналитических исторических материалов и параллелей, например, итоги Брестского мира с сегодняшних позиций; помощь США в первой пятилетке (реалии, причины и резоны), российский конструктивизм и «авангард» и борьба с «опиумом для народа» и т.д., и т.п. Сейчас, например, модно говорить об аналогии сегодняшних дней в России с концом прошлого века — так ли это? Можно было бы привести еще множество тем, которые было бы интересно рассмотреть сегодняшним и «би-позиционным» взглядом (Newsweek присутствует не только на обложке, верно?)

И еще: то, что мне очень не нравится, — это появление (проявление) сексуальной тематики. Оставьте это для бульварных изданий! Неужели нельзя обойтись без «клубнички»? Даже в самой красивой упаковке? Я отнюдь не пуританин и не против посмотреть это в Playboy, но в «Итогах» я жду и ищу других и серьезных материалов. Поверьте, увидев в последнем номере «чулочную» тему, я задумался: стоит ли подписываться?

Евгений Шильников, Москва

О междометиях

Недавно родители подписали меня на ваш журнал в качестве подарка к новому учебному году. Мне очень нравятся ваши статьи, особенно когда вы рассказываете истории из жизни знаменитых людей, таких как русские политики. Я могу читать уже, наверно, половину всего журнала сам. А мой брат Кевин, которому 5 лет, читает всегда страницу с МЕЖДОМЕТИЯМИ, потому что она написана большими буквами. Кевин, который хочет стать мэром Москвы, когда вырастет, очень хорошо научился изображать всех русских политиков, и с помощью ваших МЕЖДОМЕТИЙ он устраивает дома и в детском саду настоящий театр. Я ему помогаю. Лучше всего у Кевина получается Анатолий Борисович Чубайс — это его самый любимый политик. Про Чубайса Кевин сочиняет уже второй год сказки, очень страшные. В каждой сказке Чубайс сначала ужасный, но потом все кончается хорошо. Мы очень вас просим печатать в каждом номере две или лучше три страницы МЕЖДОМЕТИЙ, иначе наш театр получается не очень длинный и зрители недовольны. Только обязательно все пишите большими буквами.

Серж Моррелл
Мне 8 лет, и я учусь в третьем классе.

О версиях

Так как я живу на периферии, то та пресса, которая заслуживает серьезного внимания, доходит до меня не сразу, однако я рад, что в конце концов и ваш журнал добрался до Западно-Сибирской равнины. В номере от 26 ноября г-н Дмитрий Ухлин в весьма неплохой статье «Горы, с которых хорошо видно Кремль» упомянул о том, что существует версия, будто бы имам Шамиль был вовсе не чеченцем, а аварцем. Не могли бы вы подтвердить это предположение?

Анвар

Мы приносим свои извинения уважаемым читателям, а также Петру Вайлю — автору некролога Марчелло Мастроянни в «Итогах» № 33 за то, что по нашему недосмотру статья вышла без подписи.

Уважаемые читатели!

Мы будем рады узнать ваше мнение о наших публикациях, облике журнала.

Адрес редакции: 125871, Москва, Ленинградское шоссе, дом 5а.
Телефон: **(095) 753-33-04**
E-mail ITOGI @TOD. NEWSBOX. MSK. SU

Напоминаем, что подписка на журнал **«Итоги»** на территории Российской Федерации принимается повсеместно без ограничений.

Наш подписной индекс 75587

Подписка вне территории Российской Федерации осуществляется фирмой **«Инком-Пресс»**.
Телефон: **(095) 195-21-49,** Факс: **(095)195-00-60.**
Телефон для справок по вопросам распространения:
(095) 753-41-03.

Общеевропейская Сибирь

Когда существовал СССР, западноевропейцы любили пугать друг друга Сибирью. По иронии истории вполне вкусить прелести сибирского климата европейцы смогли только сейчас.

Небывалые морозы стоят в Европе. В общем, такой стужи не было уже тридцать лет. В Англии термометр показывает минус 10. В Германии минус 20. Повсюду дуют ледяные ветры, лопаются трубы, миллионы людей ежатся от холода в неотапливаемых домах. Счет жертв стихии идет уже на десятки. В Германии замерзло около 50 человек, в Испании — 20, в Англии — 14. Сильнейшим образом нарушено автомобильное сообщение.

Понятно, что Европа, особенно такие страны, как Испания, Италия и Франция, оказалась совершенно не готова к холоду и снегу. Поэтому в пожарном порядке принимаются меры по облегчению положения тех, кто в наибольшей степени страдает от холода. В Польше, например, людей учат носить меховые шапки — искусству, почти что полностью утраченному в Европе. В Германии и в Испании официально разрешили «бомжам» (а именно среди них больше всего жертв) ночевать и отогреваться в зданиях метро, железнодорожных вокзалов и станций. Сложнее с просто бедными людьми, которые не в состоянии купить для обогрева своего жилища электроприборы или заплатить за дополнительный расход электроэнергии, а также с теми, чьи квартиры оказались вовсе лишены тепла. К примеру, только в городе Эссен из-за прорыва трубопровода центральной системы отопления без тепла остались 60 тысяч квартир, вода залила десятки улиц, превратив их в каток.

Есть, конечно, в диком холоде, охватившем Европу, и свои маленькие плюсы, особенно для хорошо обеспеченных любителей зимних видов спорта, к примеру, коньков. Катков появилось множество, причем бесплатных, а подчас даже и весьма живописных: приятно прокатиться по средневековым улочкам на коньках. Голландцы, известные своей любовью к скольжению по каналам, вполне могут удовлетворить свою страсть и кататься с утра до вечера. Некоторые теперь на коньках добираются до работы.

Небывалая стужа обрушилась не только на Европу. От холода страдают и в Индии, и в Бангладеш. В районе Рангпур, например, по ночам температура достигает минус 5, в домах нет воды и электроэнергии, уже погибло около 50 человек — преимущественно дети и старики.

Впрочем, проблемы испытывают не в одной Европе. В США, в Калифорнии из-за разлива рек многие дома превратились в острова. Чрезвычайное положение объявлено в 41 из 50 графств этого штата.

Нам же в России к холодам не привыкать. Минус 20 для нас не проблема, автомобильное движение не затихает, разве что возрастает расход какой-то едкой гадости, от которой по швам расползаются ботинки и гниют днища машин. Правда, по весне, наверное, опять оборвутся провода троллейбусов. Но и это не беда — все равно их взрывают.

Впрочем, метеорологи обещают потепление: и верно, уж к маю оно точно наступит (чтоб не сглазить). Но это не радует городские службы многих европейских городов: при потеплении разрушатся многие городские коммуникации, и их придется восстанавливать. До следующих морозов. ■

Гримальди в собственном соку

Не сходящее со страниц скандальных журналов семейство монакских князей Гримальди — самая старинная из ныне правящих в Европе династий — начала празднества, посвященные 700-летию основания династии. Мероприятия, посвященные этому событию, растянутся на целых десять месяцев. Начало же этому марафону было положено торжественной мессой, праздничным концертом балетной и оперной труппы княжества Монако, приемом в самом дорогом и роскошном ресторане Монте-Карло «Луи XV». Множество свободных мест в отелях Изабель Петерс, начальник пресс-службы фестиваля, объяснила тем, что князь повелел, чтобы все прошло по-домашнему, «между княжеской семьей и народом Монако».

ЖИТЕЛЯМ РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО МАЛО ЕЖЕГОДНОГО КАРНАВАЛА.
НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ НА НАБЕРЕЖНОЙ КОПАКАБАНА ПРОШЛИ ГОНКИ НА БОЛЬНИЧНЫХ КРОВАТЯХ. ПОБЕДИТЕЛИ, БЫСТРЕЕ ВСЕХ ПРЕОДОЛЕВШИЕ ДИСТАНЦИЮ В ОДИН КИЛОМЕТР, ПОЛУЧИЛИ БИЛЕТЫ НА САМОЛЕТ В ЛЮБУЮ ТОЧКУ МИРА

Хмельной улов

Неожиданный новогодний подарок получил экипаж североирландского траулера, рыбачивший на северо-востоке от берегов острова. В один из последних дней декабря во время вечернего лова рыбаки извлекли из сетей несколько сотен бутылок «горячительного» — виски и вина. Предположительно спиртное попало в море из контейнера, смытого волной с борта одного торгового судна около полутора лет тому назад. Как рассказал в интервью ирландскому радио капитан судна Арнольд Смит, команда тут же решила проверить, не ухудшилось ли качество напитков от длительного пребывания под водой. «На пути домой отведали мы немало. Штука хорошая». ■

ШЛАГБАУМ

Митрофанов ↓

По натуре он редкостный нытик,
В деле якобы геополитик,
Дал чеченцам приказ:
«Все ко мне — на намаз!»
К Магомеду — гора? Аналитик!

Лебедь ↓

Генерал, что в опале тоскует,
Все о выборах новых горюет,
Он кипит и клокочет,
Смерть Борису пророчит.
А в ответ ему фигу рисуют.

Ельцин ↔

За здоровьем следить было велено,
Спать, гулять, если пить — то умеренно.
Он старался как мог,
Но себя не сберег.
Пневмония. А сердце проверено?

Лужков ↑

Мэр — столицы большой патриот,
Ненавидит он слово «банкрот»:
«Я вам ЗИЛ не продам,
И «Москвич» не отдам,
А убытки покроет народ».

Опасное плавание

Плавание в южной части Индийского океана считается среди моряков очень опасным занятием из-за постоянно плохой погоды и угрозы столкнуться с айсбергом. Всю прошлую неделю спасатели Австралии искали в штормовом море участников кругосветной регаты «Венде Глоб» Тьери Дюбуа и Тони Буллимора, которые вынуждены были подать сигналы бедствия, после того как их яхты не выдержали удара стихии и перевернулись. Яхту Дюбуа нашли довольно быстро, но спортсмена подобрали лишь два дня спустя, как позволила погода. А вот судно Тони Буллимора отнесло к Антарктиде, и его обнаружили только в четверг к этому времени моряк уже начал замерзать. Эти два спортсмена замыкали регату, которая стартовала 3 ноября во Франции. Пятнадцать человек в одиночку должны обойти вокруг планеты, не заходя в порты. В этом плавании приняли участие почти все известнейшие мастера парусного спорта. Рекорд установил в 1992 году Татуан Ламазу — он обогнул шарик за 109 дней 8 часов и 48 минут. После того, как спасли двух яхтсменов, пришло сообщение, что пропала связь с канадцем Джери Роуфом, который к этому времени подходил к мысу Горн. ■

Российские ракеты защитят Кипр

Теперь, кроме вилл и яхт, купленных россиянами на Кипре, на этом средиземноморском острове будут стоять зенитно-ракетные комплексы С-300. Сообщения о покупке киприотами российской военной техники вызвали бурю негодования в Турции и США. Одна из главных причин такой реакции — успех России на мировом рынке вооружения. Зенитно-ракетный комплекс С-300 способен поражать самолеты тактической и стратегической авиации на расстоянии от 120 до 150 км на высотах от 10 метров до 27 км. Вероятность поражения воздушных целей приближается к 0,95, что превышает боевые возможности современных комплексов, выпускаемых на Западе, в том числе американского «Пэтриота». Теперь у киприотов будет самая мощная система ПВО в регионе, и РЛС комлекса смогут контролировать все самолеты НАТО, которые летают над Средиземным морем. Ранее были достигнуты договоренности о продаже Кипру боевых машин пехоты БМП-3 и танков Т-80у.

В кругосветку на воздушном шаре

Воздушный шар «Верджин Глобл Челленджер» — самый большой и технически совершенный из известных сегодня — отправился на прошлой неделе в кругосветное плавание. Заполненный смесью горячего воздуха и гелия, он может набирать высоту до 9 тыс. метров и развивать скорость до 380 км/ч. Герметическая капсула для команды стоимостью 3 миллиона долларов состоит из двух отсеков. Первый предназначен для управления полетом, во втором находится все необходимое для отдыха. Путешествие началось в городе Марракеш (Марокко) на базе королевских ВВС. Его организатор — бизнесмен и миллионер британец Ричард Брэнсон. В экипаж входят также швед Пер Линдстрэнд и британец Алекс Ричи. ■

Макаки вернулись на Землю

Лондонский констебль Джон Пирс был удивлен, встретив у российского посольства женщину в маске обезьяны с плакатом, который можно перевести примерно так: «Обезьянам эксперименты на мозгах ни к чему». Экзальтированная англичанка в одиночестве протестовала против того, чтобы русские запускали в космос обезьян. Накануне спускаемый аппарат спутника «Бион-11» с двумя макаками-резус Лапиком и Мультиком на борту вернулся на Землю. Во время двухнедельной экспедиции этого необычного экипажа был выполнен ряд биологических исследований. К сожалению, в ночь со среды на четверг обезьянка Мультик погибла. ■

Гавел — полный трезвенник

Вацлав Гавел начал новую жизнь. Он не только во второй раз женился, но и бросил пить и курить. Выступая в своем очередном радиообращении к нации, он сказал, имея в виду недавно перенесенную операцию по удалению злокачественной опухоли, что судьба показала ему: надо остановиться. «Я стал полным трезвенником», — сказал президент. «Но, надеюсь, не навсегда», — добавил он. ■

Рождество на отдельно взятом острове

Не только русская и сербская православные церкви отказываются вводить для своей паствы григорианский календарь. В Западной Европе тоже есть приверженцы этого стиля. Население отдаленного шотландского островка Фоула тоже живет по времени, введенному еще римским императором Юлием Цезарем. Для 75 островитян Рождество наступило 7 января. ■

ТАК ВСЕГО ЗА 10 ДОЛЛАРОВ МОЮТ МАШИНЫ В КОЛУМБИЙСКОМ ГОРОДЕ ПЕРЕЙРА.
МОСКОВСКИЕ ЖЕ УЛИЧНЫЕ МОЙЩИКИ ЗА ЭТУ СУММУ ЛИШЬ ОКАТЯТ ВАШЕ АВТО ХОЛОДНОЙ ВОДОЙ, ВЗЯТОЙ ИЗ БЛИЗЛЕЖАЩЕГО ВОДОЕМА, А ТО И ПРОСТО ИЗ ЛУЖИ

Трудом праведным не наживешь палат каменных

Эта старая русская поговорка, похоже, сегодня так же близка гражданам России, как и тогда, когда она появилась. Согласно опросу ВЦИОМ, мнение соотечественников о том, что чаще всего ведет к богатству, выглядит в процентах так:

	часто	редко	никогда	не знаю
Связи с нужными людьми	84	11	0	5
Нечестность	75	20	1	4
То, что экономическая система позволяет наживаться за счет бедных	74	15	3	8
Больше возможностей в начале самостоятельной жизни получить хорошее образование и работу	55	33	2	10
Способности и таланты	47	44	3	6
Везение	41	52	3	4
Упорный труд	36	53	8	3

Из таблицы видно, что состояние российского общества не слишком хорошо для процветания экономики, что в нем господствуют зависть и недоброжелательность, стремление оправдать свои собственные неудачи дурными качествами тех, кто преуспевает. Однако многие не оставляют надежды на то, что талант и упорный труд могут привести к успеху. Такое состояние умов могло бы послужить указанием элите на то, что пропаганда должна сконцентрироваться на образе успеха, достигнутого путем личных усилий.

По информации «Итогов», REUTER, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP
ФОТО REUTER, AP, AFP

«Мы с Россией должны жить в мире»

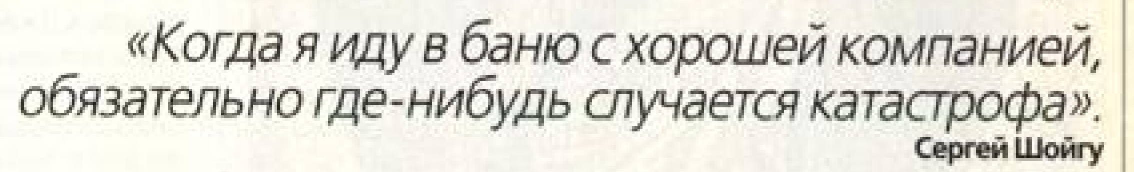
Геннадий Зюганов

«А именно он дал мощный импульс, он скоординировал тех, кто обязан был. Обязан работать над этими вопросами, поставил сроки, поставил задачи... Ну неудобно, могли как-то его... Ну не знаю... Сами... Но, видно, есть вопросы, где без президента пока не получается».

Александр Лившиц

«И выяснилось, что у нас к 2005 году, вообще говоря, складывается благоприятная для роста производственной активности ситуация: у нас на одного работоспособного человека будет все меньше пенсионеров».

Яков Уринсон, 1-й замминистра экономики РФ

«Когда я иду в баню с хорошей компанией, обязательно где-нибудь случается катастрофа».

Сергей Шойгу

«Я просто лишний раз убеждаюсь о том, что умственные способности нашей мафии намного выше, чем у наших новых членов правительства».

Владимир Ямников, генеральный директор ликеро-водочного завода «Кристалл»

Проект

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О вступлении в силу 1997 года

В целях обеспечения мира и стабильности в Российской Федерации, гарантий прав и свобод граждан, незыблемости стандартов времени, мер и весов, преемственности исторического процесса, **постановляю:**

1. С 24.00 часов 31 декабря 1996 года признать утратившим силу год тысяча девятьсот девяносто шестой.

2. С 00.00 часов 1 января ввести в действие на всей территории Российской Федерации (в соответствии с часовыми поясами и по согласованию с руководителями соответствующих субъектов Российской Федерации) тысяча девятьсот девяносто седьмой год.

3. Контроль за исполнением настоящего указа возложить на Главное контрольное управление Президента Российской Федерации.

4. Указ вступает в силу с момента подписания.

Президент Российской Федерации — Б.Ельцин

Автор не установлен. Проект прошел все необходимые процедуры и был «отловлен» помощниками президента непосредственно в папке документов, подготовленных на подпись

«Исполнение закона не будет механическим вводом его в действие».

Андрей Николаев, директор Федеральной пограничной службы

«Двести — триста тысяч. Как можно прожить на такие деньги, да еще не получая их?».

Борис Ельцин о задержке пенсий

«Ну, не устраивает нас в комитете комсомола... в комитете по бюджету конкретно две позиции».

Константин Титов, член СФ, губернатор Самарской области, об изменениях в НДС на сессии СФ

«Нельзя допустить, чтобы законное желание средств массовой информации докопаться до истины привело к дискредитации благородного дела».

Михаил Горбачев

«Работая над памятником, я еще раз прошел путь калмыцкого народа».

Эрнст Неизвестный

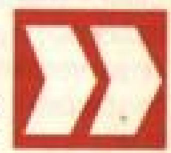

«У меня характер такой: не влезать очень близко к вождям».

Сергей Шахрай

«Да, конечно, появление президента — это вообще-то некоторое взведение в состояние большой напряженности всех».

Виктор Илюшин

Слушали и записывали Вова Белозерцев и Рита Богданова

«ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА»
АНДРЕА ДОРИА

Фиаско Фиески

Сергей Иванов

РОВНО 450 ЛЕТ НАЗАД

Разве незаслуженно получил Андреа Дориа свой титул «отец отечества»? Ведь это он в 1528 году вернул Генуе гордое звание республики. Разве не Дориа искоренил пиратство, громил турок, на равных разговаривал с испанцами? Разве был во всей Европе более умелый флотоводец? И разве не его племянник Филиппо разбил австрийцев? Когда французский король пообещал выполнить любое желание Андреа Дориа в благодарность за его заслуги, разве не просил тот лишь об одном — о свободе для родной Генуи? А когда король отказал, Дориа, ни секунды не колеблясь, пошел на разрыв с Францией — и вернул родине независимость. Неужели нашелся бы в Генуе человек, который дерзнул бы поднять руку на власть Дориа?

Нашелся. Против восьмидесятилетнего патриарха на двадцатом году его безраздельного правления составил заговор желторотый юнец Джан-Луиджи де Фиески Младший, граф Лаванья. В его ненависти к «отцу отечества» сплелись разные мотивы, и трудно понять, что было важным, а что второстепенным. Семейства Дориа и Фиески соперничали в Генуе с тринадцатого века, позднее их вражда нашла себе выражение в борьбе двух партий, расколовшей всю Италию, — борьбе гвельфов и гибеллинов. В Генуе за гвельфов стояли Фиески и Гримальди, за гибеллинов — Дориа и Спинолы. Впрочем, к шестнадцатому веку это противостояние уже утратило остроту. В конце концов «отцом отечества» тяготились и аристократы, возвысившиеся в недавнее время, — Адорни, Фрегози да все хорошие дома Генуи, оттертые от власти и от выгодных финансовых операций в Испании самоуправным и популярным Дориа. И это при том, что старик множество раз отказывался от предложений принять титул герцога и продолжал именоваться просто — флотоводец.

Куда сильнейшую ненависть вызывал Джанеттино, внучатый племянник старого правителя, постепенно забиравший себе все больше полномочий у дряхлевшего «отца отечества». Юный Фиески имел с Джанеттино личные счеты, которые были для него важнее, чем науськивания Франции и поддержка со стороны князя Пьяченцы.

Чтобы усыпить любые подозрения, Джан-Луиджи втерся в дружбу к Джанеттино, прикидываясь легкомысленным повесой. Одновременно заседал тайный штаб заговора. 2 января 1547 года было выбрано потому, что ежегодно 1 января слагал с себя полномочия дож Генуи, а выборы нового происходили лишь 4-го. Накануне Фиески купил у папы Римского четыре галеры под предлогом того, что собирается на войну с турками. Между делом, на балу, вечером 2 января он попросил Джанеттино впустить их на время в городскую гавань Дорсена. Тот согласился. На том же балу испанский посол шепнул на ухо старому Дориа, что Фиески плетет заговор — однако тот лишь рассмеялся: как раз в этот момент Джан-Луиджи трогательно играл с его внуками. Еще позже ночью по приказу Фиески все его вассалы и зависимые крестьяне с гор Валле Сервиа спустились в Геную. Как условились заговорщики на тайном совещании в Палаццо ди Виалята, их силы предприняли одновременное нападение на порт, городские ворота и дворец. Атака оказалась на удивление успешной. Переворот был поддержан городским населением. Джанеттино, пытавшегося утихомирить взбунтовавшуюся чернь, растерзали у Ворот св.Томмазо. Старому Андреа Дориа удалось бежать из города.

Заговорщики праздновали победу. Плебс громил дома патрициата. Все недоумевали, куда подевался вождь восстания Джан-Луиджи де Фиески. Предприняли розыски. Оказалось, что в последний раз его видели во время боя за корабли стоявшего в гавани флота. Однако и среди убитых там тела Фиески не было. Растерянность среди восставших нарастала. В конце концов нашлись свидетели, которые видели, как Джан-Луиджи, по доске перебегая с одной галеры на другую, оступился, упал в воду и под тяжестью доспехов камнем пошел ко дну. Пленившая впоследствии Фридриха Шиллера идея, будто его подтолкнул соратник Веррина, якобы разочаровавшийся в своем предводителе, — просто красивый миф. Эта нелепая смерть совершенно парализовала волю заговорщиков. Хотя Генуя была по-прежнему в их руках, они в полнейшем отчаянии отрядили к Дориа парламентеров, предлагая ему вернуться к власти, при условии полной амнистии повстанцам. Конечно же, тот согласился на это. И конечно же, нарушил свое обещание. Труп Джан-Луиджи был выловлен через четыре дня — с тем чтобы опять быть брошенным в море. Почти все заговорщики были казнены сразу, и лишь Джироламо де Фиески, запершись в родовом замке Монтоджо, просидел в осаде до 11 июня. Его тоже казнили. Тем, кто успел бежать, пришлось прожить в эмиграции долгие годы: «отец отечества» Андреа Дориа умер в возрасте 94 лет. ■

Зелень

Евгений Попов

ИСТОРИИ

Как, в сущности, быстро бежит время!

Чтобы иллюстрировать простыми словами эту несомненную истину, я вынужден вспомнить две обыденные человеческие истории.

Первую из них мне рассказал лет пятнадцать назад молодой тогда врач «Скорой помощи» и непризнанный поэт, назовем его Л.Т. К ним поступил вызов: один постовой упал в обморок, героически простояв на Садовом кольце две смены, как Павка Корчагин на строительстве узкоколейки из романа «Как закалялась сталь». Был он тяжелый, кряжистый, что твой дуб, и, не подавая видимых признаков жизни, был привезен в соответствующую больницу.

РАЗГОВОРЫ ЗАПРОСТО

Когда его стали раздевать и стащили сапоги, то правый оказался набит «трешками» — если кто помнит, это были такие советские деньги зеленого цвета с изображением панорамы древнего Кремля через Большой Каменный мост. Много было веселья среди персонала соответствующей больницы, особенно все обрадовались, когда страдалец открыл глаза и тихо спросил: «Товарищи, где я?» То есть жизнь советского человека была спасена, и вскоре он уже вновь смог приступить к своим повседневным обязанностям.

А вот и другая история. Врач «Скорой помощи» (не Л.Т., а совершенно другой врач, врач нового поколения, стихов не пишет, склонен к бизнесу) ехал на своей машине Audi по Садовому кольцу и был остановлен гаишником за проезд на желтый с переходом в красный свет светофора.

Вечерело. Данный отрезок г. Москвы уже погружался в темноту, а фонарей еще не зажгли. Гаишник был ладный, подтянутый, пахнущий английским одеколоном «Old ship» и сигаретами «Marlboro», имел поверх кожаной куртки светящуюся в наступающем мраке белую портупею.

Кратко обрисовав нарушителю суть его провинности, он в ответ на вопрос, что ждет неаккуратного водителя, сообщил, что немедленно приступает к изыманию его ПРАВ за это грубейшее нарушение, которое вполне могло бы повлечь за собой человеческие жертвы или создать угрозу ДТП на вверенном участке охраны и регулирования дорожного движения.

Нарушитель уверял, что не имеет времени отдавать права и получать их обратно по месту жительства, и предлагал, учитывая чистосердечное раскаяние, ограничиться штрафом, который он согласен оплатить на месте.

На том и сговорились. Офицер посетовал, что у него нет с собой квитанций на оплату штрафа, а водитель — что у него нет необходимых 50 тысяч российских рублей или каких-либо там старосоветских «трешек» (шутка), а есть лишь тоже зеленого цвета, но совсем другая бумага, где изображен пожилой лысый американский человек и написано «$100».

Однако и это препятствие было блестяще преодолено. «Я дам вам сдачу», — сказал гаишник и действительно сделал это, честно отсчитав виновнику инцидента 20+20+10+10+10+10+5+5=90 — восемь бумажек зеленого цвета с изображением других американских людей. Отчего штраф при нынешнем курсе доллара по отношению к российскому рублю и составил ровно 50 тысяч рублей, ну, может быть, чуть-чуть больше.

Усталые, но довольные друг другом они разъехались, а мне остается только вздохнуть: как, в сущности, быстро бежит время — врач Л.Т. два года назад умер, стихи напечатаны, прежний гаишник, очевидно, на пенсии, выращивает черноплодную рябину «от давления», новые люди вступают в новые увлекательные взаимоотношения, но это уже, как говорится, совсем другая история. ■

Саморазоблачение

Игорь Померанцев

ИСТОЧНИКИ

«**Все кончено. Ничего не поде**лаешь. — Так утешают в Турции, отрубив голову по ошибке». Какой мудрец это сказал? Не Диккенс ли? А кто сформулировал вот такой закон: «Где нищета, там устрицы, и наоборот»? Неужели тот же Диккенс?

Не верьте моей вопросительной интонации и вообще не верьте в безграничную эрудицию журналистов. По крайней мере журналистов из Западной Европы и Америки. В библиотеке радио «Свобода», где я работаю, целая полка заставлена словарями цитат. Диккенса я цитировал по сборнику издательства «Пингвин». А есть еще оксфордская антология, антология известных и антология необычных цитат, есть сборник латинских цитат, иностранных афоризмов, сборник высказываний о великих людях, есть антология выдающихся речей, антология тематических цитат, например целая книга цитат о любви или о гастрономии.

Честно говоря, антология издательства «Пингвин», по которой я цитировал Диккенса, задела мои национально-патриотические чувства: Шекспиру в ней отдана дюжина страниц, а из Льва Толстого — всего три цитаты. Среди них, конечно же, о счастливых и несчастливых семьях.

Зато в антологии политических цитат русско-советская тема представлена с размахом, хотя на обложке этой антологии — фотопортрет угандийского политика и людоеда Иди Амина. Тут же цитата из его выступления: «Я арестовал нескольких людей, которые собирались убить меня. Я съел их, чтобы они не съели меня».

Листая эту книгу, я собрал свою мини-антологию. Вот несколько щепоток из этих золотых россыпей. «Благодаря коммунизму Россия стала одним из самых могущественных государств в мире. Значит, что-то есть в этом коммунизме» (генералиссимус Франко). Или вот реакция английского премьер-министра Макмиллана на выступление Никиты Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН в 1960 году (напомню, что Хрущев тогда разулся и в знак протеста колотил по столу туфлей): «Может быть, кто-нибудь переведет мне это выступление?»

А вот как рекламировал Москву в качестве возможного устроителя Олимпийских игр мэр столицы Промыслов: «Все двери будут открыты. Икра, водка, никаких проблем с визами». В 1925 году Лев Троцкий констатировал: «Англия наконец-то дозрела до революции».

Еще один деятель международного коммунистического движения, Готвальд, так полемизирует с идейными оппонентами: «Вы спрашиваете, почему коммунистические лидеры так часто ездят в Москву? Я отвечу. Мы учимся, как получше сломать ваши капиталистические шеи».

Среди политиков почему-то представлен поэт Геббельс: «Это все похоже на сказку» (о приходе к власти Гитлера). Другой поэт, Сталин, тоже не обойден вниманием: «Было бы ошибкой считать, что в нашей стране все в полном порядке» (1933 год).

Я листаю антологии цитат и отмечаю, что еще мне может пригодиться. Как не позариться на это богатство? Все-таки богатство приятней нищеты. Где нищета, там устрицы. Какой мудрец это сказал? ■

Игорь Родионов в поисках врага

Болезнь Ельцина лишь отсрочила очередной конфликт с участием министра обороны

Александр Гольц

БИТВЫ

Хотя Игорь Родионов меньше всего похож на человека, склонного к публичным конфликтам, за довольно короткий период ему удалось стать причиной нескольких как внутри-, так и внешнеполитических кризисов, получивших самое широкое освещение в печати. Достаточно вспомнить обстоятельства, сопровождавшие появление на свет его приказа об отстранении от должности главкома Сухопутных войск генерала Семенова. Не успел забыться этот скандал, как последовал другой.

Аккурат на Рождество, 25 декабря, выступая на международной научно-практической конференции «Развитие стратегического партнерства и военно-политической интеграции государств—участников СНГ», Родионов делает сенсационное заявление. Желая, очевидно, способствовать этой самой интеграции, глава российского военного ведомства принялся доказывать, что все постсоветское пространство находится в кольце врагов. К самым серьезным потенциальным угрозам СНГ Родионов отнес рост глобального влияния США и расширение НАТО. При этом в «список Родионова» в качестве потенциальных противников оказались включены Турция, Иран, Пакистан, Япония, Китай — короче говоря, практически все соседи в Азии. Геополитические открытия Родионова тем интереснее, что в Иране Москва собирается строить атомную электростанцию (и, стало быть, как минимум поставляет ядерные материалы потенциальному противнику).

Еще забавнее получается с Китаем, с которым мы, по мнению Бориса Ельцина, строим отношения стратегического партнерства. Кстати, в рамках этого самого партнерства мы продаем Пекину не только современные вооружения, но и технологии, позволяющие их производить непосредственно в Китае.

При этом оборонное ведомство опять-таки с милой небрежностью присвоило себе президентские функции определения не только военной, но и внешней политики страны. Единственное, что в этой ситуации радует, так это в высшей степени спокойная зарубежная реакция на откровения Родионова. Наши иностранные партнеры, видимо, привыкли к залихватским заявлениям российских политиков и перестали обращать на них внимание. Представим только, какую истерику закатили бы в Москве, скажи министр обороны США, что Россия является потенциальным противником Америки.

Наконец, на прошедшей неделе только болезнь президента отсрочила новый скандал с участием Игоря Родионова. Как сообщают весьма информированные источники, на заседании Совета обороны РФ, который 8 января должен был проходить под председательством Бориса Ельцина, случилось бы нечто беспрецедентное. Вниманию участников были бы предложены два взаимоисключающих варианта концепции военной реформы. Один из них представлен Министерством обороны и Генеральным штабом. Другой — аппаратом Совета обороны. Из чего следует, что Игорь Родионов по существу вступил в открытую борьбу с секретарем Совета обороны Юрием Батуриным, на которого и возложен контроль за исполнением президентского указа «О мерах по обеспечению военного строительства в Российской Федерации».

Когда военный руководитель, пользовавшийся долгие годы репутацией человека неконфликтного и разумного, вдруг начинает искать внешних и внутренних противников, то естественно задуматься о причинах. На поверхности лежит объяснение «по Жванецкому» — все дело в консерватории. То есть в нашем случае — в академии Генерального штаба, где Игорь Николаевич пребывал несколько лет. Там, а также в Штабе по координации военного сотрудничества провела последние годы и большая часть команды министра. Некоторая отстраненность от центров принятия решений и привела к тому, что министр и его ближайшие сотрудники просто не умеют действовать в соответствии с существующими правилами и уже сложившейся традицией. Однако этим обстоятельством можно объяснить лишь скандал с Семеновым.

Что же до поиска внешних врагов и нежелания сотрудничать с аппаратом Совета обороны, то причина здесь лежит глубже — в принципиальных взглядах Родионова на важнейшие проблемы обеспечения обороны страны.

Армия для России или Россия для армии?

Суть конфликта, который почти наверняка разразится на Совете обороны, когда бы ни состоялось наконец его заседание, заключается в том, что ряд его членов, поддержанных аппаратом, полагают: военную реформу надо начинать немедленно, исходя из тех средств, которые имеются сегодня в бюджете. Причем составной частью военной реформы должно стать в среднем 30-процентное сокращение всех вооруженных структур, включая Вооруженные Силы, МВД, Пограничные войска. Насколько можно понять, основой этих предложений послужил документ, подготовленный группой военных экспертов («Итоги» № 32, 1996 год).

А вот военное ведомство полагает, что реформу можно начинать только при выделении огромных дополнительных средств. Причем, по некоторым данным, Министерство обороны требует, чтобы государство расходовало на Вооруженные Силы 15 процентов валового внутреннего продукта России. По сути дела это означает, что страна должна направить все свободные ресурсы не на экономическое развитие, а на поддержание Вооруженных сил. Более того, руководство военного ведомства считает преждевременным сокращение армии и флота до 1,2 миллиона военнослужащих, из неотвратимости которого исходил аппарат Совета обороны.

При этом Игорь Родионов забыл, очевидно, как в первые недели своего пребывания на министерском посту сам говорил о неизбежном сокращении численности солдат и офицеров до этого предела. При этом звучали и слова о неизбежности «болезненных мер». Что же привело к столь кардинальному изменению взглядов министра?

Не исключено, что причиной стала искренняя озабоченность тем, что государство, как это уже не раз бывало, просто проигнорирует свои обязательства в отношении служивых людей. Эти опасения небеспочвенны. Но тогда надо не сопротивляться планам сокращения, а добиваться твердых правительственных гарантий тем, кто будет уволен.

Но военное ведомство почему-то никак не желает понять очень простую вещь: если бюджет способен удовлетворить менее половины запросов Вооруженных Сил, то хоть проси, хоть требуй, пугая катастрофой, необходимых денег все равно не получишь. Выходит, кошмару с многомесячными невыплатами зарплаты, с нищенским положением военных конца не будет.

В итоге, как не без горечи отметил один высокопоставленный эксперт, у нас будет армия, но не будет обороны. Средств не хватит не только на закупку нового вооружения и техники, но и на элементарное поддержание боеспособности имеющегося вооружения. В результате страна будет иметь полуголодную армию, не занятую ничем, кроме обеспечения собственного выживания. Понимает ли это Родионов? Конечно, понимает. Но, очевидно, не может не уступить давлению российского генералитета. Те полтысячи генералов, которые должны быть уволены при сокращении армии, оказались более чем влиятельны. А Родионов, как и предсказывали «Итоги», став гражданским человеком, по большей части озабочен тем, чтобы демонстрировать свою лояльность военному истеблишменту. Однако он не может и прямо заявить: я против сокращения армии, потому что хочу сохранить в армии десятки тех, кого воспитывал в академии Генштаба. И вот, чтобы обосновать необходимость поддержания высокой численности армии, Министерство обороны занялось поиском внешних врагов.

К прошлой войне готовиться бессмысленно, зато удобно

Весь этот длинный список вероятных противников по сути дела и должен подтвердить подход, который отстаивает военное ведомство в Совете обороны. А именно: России необходима армия, которая была бы уменьшенной копией советской. То есть армией, предназначенной, как и в прошлом, для ведения войны на всех направлениях сразу. Доказательством возможности подобной войны служит исключительно теоретическая способность одного государства или группы стран причинить России ущерб.

Такой подход, безусловно, имеет первостепенное значение в военном планировании.

ДВОЕ В ШТАТСКОМ **ГОТОВЯТСЯ К БОЮ**

Но если он оказывается единственным, это приводит к весьма серьезным искажениям реального положения дел. Теоретическое допущение незаметно превращается в вероятность, а потенциальный риск — в реальную угрозу. И вот уже нас начинают потчевать выдумками про неизбежное развертывание ядерного оружия НАТО на российских границах или замыслы Китая овладеть российским Дальним Востоком.

Между тем именно сейчас у России сложились уникальные условия для проведения военной реформы: широкомасштабная война маловероятна. И не только потому, что благополучно закончилась конфронтация. Как раз противостояние Востока и Запада, как выяснилось, позволяло военным игнорировать серьезнейшие перемены, произошедшие в мире за последние десятилетия. Однако именно эти перемены создают возможность подлинной революции в военном деле. Если прежде такие революции были связаны исключительно с появлением принципиально новых видов оружия, то ныне мы имеем дело с уникальным сочетанием многообразных факторов.

Прежде всего значительная часть государств Европы и Азии достигла такого уровня экономического и политического развития, который делает ведение ими агрессивной войны по меньшей мере бессмысленным. Так, если допустить всерьез, что США и их западноевропейские союзники по НАТО «вынашивают агрессивные замыслы» в отношении стран СНГ, тогда следует признать, что Запад готов распространить свои стандарты (в том числе и социальные) на все «завоеванное» постсоветское пространство. Даже наши несметные природные богатства не сопоставимы с затратами, которые агрессор будет вынужден понести.

Уже сейчас приходит конец, если не истории, то геополитике в ее примитивном понимании: захват чужой территории становится просто бессмысленным. Помимо этого происходит кардинальное изменение отношения общества к войне: даже минимальные по меркам прошлых войн потери ныне выглядят в глазах общественности уже неприемлемыми. Всему этому способствует деятельность средств массовой информации, которые теперь доносят до каждого дома свидетельства ужасов войны. Рассказывают, что директор ЦРУ приказывал выключать в штаб-квартире разведывательного ведомства канал CNN в момент, когда эксперты готовят рекомендации президенту, полагая, что вид кровопролития может повлиять на объективность даже этих людей. Не случайно и то, что США тратят немалые средства на разработку так называемых несмертельных видов вооружений. Наконец, то, что ведущие страны мира обладают ядерным оружием, является достаточно надежной гарантией безопасности: вероятный ущерб от «ответного» удара будет многократно превосходить все приобретения агрессии.

Однако следует признать: отнюдь не только российские военные не торопятся использовать эти реалии в оборонном планировании. Генералы по всему миру продолжают готовиться к прошлой войне. Оправдание все, не сговариваясь, находят одно: «Наш главный враг — неопределенность». За последние год-полтора эти слова не раз приходилось слышать в штабах армий ведущих держав. Генералы испытывают немалую растерянность, вдруг «потеряв противника», которого можно было «посчитать», противодействие которому поддавалось анализу и планированию. Ведь это требует серьезных изменений и в военной стратегии, и в военном строительстве.

В США дали, или, что точнее, попытались дать ответ на новые «вводные» в 1993-м, когда Пентагон обнародовал доклад «Кардинальный пересмотр структуры вооруженных сил», несколько легкомысленно названный остряками «Вверх тормашками». Основная цель и заключалась в том, чтобы разработать такую структуру вооруженных сил, которая соответствовала бы современной ситуации. Согласно нынешней американской военной стратегии таких вооруженных сил должно быть достаточно, чтобы принять участие и одержать победу в двух происходящих почти одновременно крупных региональных конфликтах. При этом даже Пентагон не предполагает участвовать в глобальной войне.

Чтобы вести одновременно военные действия на двух театрах, Пентагон планирует сформировать для каждого по ударной группировке из 4—5 армейских дивизий и 4—5 бригад морской пехоты. Флот выделяет 4—5 ударных авианосных групп на каждую из войн. ВВС должны направить по 10 эскадрилий тактической авиации и до сотни тяжелых бомбардировщиков на каждый из театров военных действий.

Правда, в Пентагоне прекрасно понимают, что часть наиболее эффективных средств, прежде всего системы связи и разведки АВАКС и ДжейСТАР, эскадрильи самолетов F-117 , B-2, EF-111, разделить не удастся из-за их ограниченного количества. Предполагается маневрировать ими между театрами военных действий, как и морскими и авиационными средствами переброски войск. Это обстоятельство заставляет пентагоновских стратегов тактично говорить о ведении двух войн «почти одно-

временно». Даже Пентагону необходима пауза в несколько недель для концентрации сил и переброски войск.

Однако сегодня и на путях реорганизации и сокращения, и в поисках новых сфер приложения усилий вооруженные силы США сталкиваются с немалыми проблемами. Судя по официальным документам, пентагоновские аналитики в отличие от Игоря Родионова до сих пор не решили, что или кто именно будет представлять угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов в будущем. К этим весьма расплывчатым документам так и хочется приложить универсальный штамп одного из героев Ильфа и Петрова со словами «а также все, что понадобится впредь». Ныне в ходу стратегия «избирательной вовлеченности». Сие, если переводить с военно-стратегического жаргона, означает, что Соединенные Штаты не желают четко сформулировать условия, вызывающие применение американской военной мощи. Сегодня практически никто не рискует открыто провозгласить, с каким противником придется столкнуться вооруженным силам США. Когда заходит речь о безопасности, американские стратеги указывают прежде всего на такие проблемы, как угроза распространения оружия массового уничтожения, международный терроризм, этнические и религиозные конфликты, не связывая их с конкретными государствами. И лишь во вторую очередь вспоминают о режимах, которые США считают авторитарными и диктаторскими: об Иране, Ираке, Северной Корее, Кубе. Совершенно очевидно, однако, что ни одна из этих стран поодиночке, ни все они вместе и одновременно не являются серьезными противниками США.

Однако почему практичная Америка содержит мощную военную машину? Дело здесь не только в том, что в будущем могут появиться угрозы и опасности, о которых ныне ведут разговор только философы, размышляющие о грядущих конфликтах между цивилизациями, и российские генералы, испуганные перспективой безработицы. Очевидно, способность вести боевые действия в любой части земного шара, которой в той мере, как США, не обладает ни одно государство, самым решительным образом подкрепляет американскую претензию на мировое лидерство. Согласимся, что России еще не время претендовать на мировое лидерство и уж тем более бряцать ради этого министерскими докладами.

Богатая Америка, несмотря на явное стремление к мировому лидерству, не позволила себе сохранять армию эпохи конфронтации. Вооруженные силы США планомерно сокращаются на 300 тысяч военнослужащих, на что никак не может решиться российское военное ведомство. Численность вооруженных сил США должна уменьшиться до 1,4 миллиона человек. И не будем забывать: речь о богатейшей мировой державе.

У России же нет возможности содержать армию «на всякий случай». Однако, с другой стороны, у нас нет необходимости выдумывать угрозы. Даже если не брать в расчет Чечню, наша страна практически находится в кольце тлеющих локальных конфликтов: абхазского, юго-осетинского, приднестровского, таджикского. Однако для противодействия как раз таким конфликтам нынешняя российская армия и не приспособлена. Готовность к урегулированию этих и подобных им конфликтов требует от Вооруженных Сил прежде всего высокой мобильности. То есть способности быстро реагировать на складывающуюся ситуацию, способности разрешать локальные конфликты еще до того, как они разгорелись.

Но о какой мобильности в принципе может идти речь, если в кризисной ситуации боеготовые части и подразделения приходится с бору по сосенке собирать по всей стране и потом уже в ходе конфликта формировать из них соединения. И выход здесь один — если Россия желает иметь полностью боеготовые соединения, их должно быть меньше. А обновить парк военно-транспортной авиации в нынешней ситуации можно, лишь сэкономив деньги, сократив количество воздушно-десантных соединений. Такого же плана большинство проблем, от которых стремится уйти российское оборонное ведомство.

ТЯГОТЫ И ЛИШЕНИЯ ВО МНОГОМ СХОЖИ

Однако даже если в результате бюрократических ухищрений заинтересованным ведомствам удастся замотать обсуждение вопроса о военном строительстве, он снова встанет очень скоро. Как только в очередной раз выяснится, что армии нечем платить. Кстати, единственное, что всерьез пугает американских стратегов, так это хаос, который может возникнуть в результате утраты контроля над Вооруженными Силами России и российским ядерным потенциалом. Унизительная перспектива, когда ведущие государства мира в связи с развалом российской армии смогут требовать поставить ядерные силы России под международный контроль, куда реальнее тех угроз, о которых упорно ведет речь руководство Министерства обороны. ■

Здравствуй, страна прекрасная!

Президент начал новое восхождение. А уж как будет называться его последняя вершина – Олимп или Голгофа, теперь зависит только от самого президента

Петр Журавлев,
Александр Клин

ЯВЛЕНИЕ

Вспоминая старую шутку, можно уверенно сказать: Россия досрочно встретила Новый год. Правда, только политический. 23 декабря с закрытым бюллетенем и зарядом здорового оптимизма Борис Ельцин твердой поступью вошел в Кремль и занял привычное место у штурвала. Событие это было безусловно омрачено известием о новой болезни президента — спустя всего две недели Ельцина госпитализировали с воспалением легких. Однако ни отечественные медицинские светила, ни Майкл ДеБейки не выразили по этому поводу серьезной тревоги, поэтому будем надеяться на лучшее и мы.

Новость дня

Приезд президента в Кремль получился очень торжественным, несмотря на отсутствие зрителей. По сути единственными свидетелями исторического мгновения, кроме официальных лиц, были тележурналисты.

Вообще канун Рождества и Нового года считается у репортеров своеобразным «мертвым сезоном», за что крайне нелюбим. И впрямь, если бы не третье чтение бюджета-97 в Думе, манифестации в Белграде и заложники в Перу, долгожданный приезд Бориса Ельцина в Кремль был бы вообще единственной стоящей «новостью» (в понимании профессионалов, разумеется). Но даже если бы возвращение президента совпало по времени с какой-нибудь серьезной войной или обострением политической обстановки сразу во всех странах G7, в новостях все равно показали бы сначала въезжающий в Боровицкие ворота кортеж, а уже затем все остальное. Потому что возвращение президента — действительно новость. Вернее, не само по себе возвращение, а цепь событий, которое оно замыкает.

Народу впервые в новейшей отечественной истории более-менее вовремя сообщили о проблемах с президентским здоровьем.

Впервые власть, пусть на сутки, но легально, в полном соответствии с Конституцией перешла из одних рук в другие. И вернулась обратно!

Иными словами, рапорт коменданта Кремля: «Товарищ президент! За время вашего отсутствия...» явился свидетельством того, что Россия, хоть и вынужденно, сдала экзамен на право называться демократическим государством.

Гром не грянул

Комендант, объявивший президенту, что ничего не случилось, душой, конечно, не кривил. В Кремле, за который он отвечает, никаких изменений, кроме ремонта в президентских апартаментах, не произошло. Да и страна непредвиденными политическими катаклизмами президента не огорчила.

Комендант всея Руси Анатолий Чубайс полностью оправдал оказанное ему доверие и из рук в руки вернул президенту государство, практически готовое к употреблению:

война в Чечне остановлена, а глобальное решение судьбы мятежной республики отложено на длительный срок;

коммунисты, жертвуя принципами, исторической памятью и презрев давление своего левого крыла, все-таки проголосовали за бюджет;

брошенный без присмотра генерал Лебедь, хоть и бродит на спонсорские деньги по странам и континентам, демонстрируя при этом плоды дурного воспитания и любовь к казарменному лексикону, никакой реальной опасности уже фактически не представляет;

и даже новоиспеченные губернаторы, шедшие на выборы под красными знаменами, громогласно заявляют о необходимости диалога с Центром, повергая в растерянность своих высоких покровителей.

То есть если бы не экономический кризис, политическая ситуация для возвращения на престол сложилась почти идеальная.

Таким образом, сама логика развития событий предопределила тот факт, что для демонстрации способности выздоровевшего президента управлять государством была избрана именно экономическая сфера. Страна немедленно узнала, что старики должны получать пенсии, шахтеры — зарплату, нерадивые чиновники — быть уволены, а воры — сидеть в тюрьме. Кроме того, выяснилось, что народы России не перестали пить водку и за нее платить. Сразу возник вопрос: а где же наша (то есть государственная) доля?

На первом же заседании ВЧК президент, не найдя среди присутствующих подходящего вице-премьера, с которого можно было бы спросить за невыплату пенсий и зарплат, остановил свой взор на Викторе Черномырдине. Казалось, вот-вот разразится гроза. Но пронесло. В чем, правда, никто не сомневался.

Отставка же главы Госкомитета по обеспечению госмонополии на алкогольную продукцию Аллы Вдовенко — чистой воды ритуальная. Нельзя же было в конце концов совсем никого не выгнать.

Судя по всему, и президент, и его ближайшие помощники-советники прекрасно понимали, что с ходу, как танк в березки, вламываться в стройные ряды федеральных чиновников главе государства не следует. Во-первых, это деморализует. Во-вторых, это слишком примитивно, а главное — просто не нужно.

Зачем идти на поводу у оппозиции, традиционно требующей отставки Анатолия Чубайса? Если его уволить, левые незамедлительно начнут искать себе нового «врага №1». И кто им станет, заранее не известно. К тому же президенту Чубайса не в чем реально упрекнуть, а еще — некем заменить. Уж лучше пусть он пока по-прежнему раздражает Зюганова со товарищи, в то время как Черномырдин будет с ними «конструктивно взаимодействовать». Старая схема: добрый и злой следователи...

Учли в Кремле, судя по всему, и чисто психологический фактор, рассудив, что отставки, которых и так все ждут, не произведут должного впечатления. Ведь слухи о снятии, например, Анатолия Куликова или о грядущей перетряске Минфина циркулируют чуть ли не с ноября.

Так что для начала вполне достаточно строгим, даже жестким тоном выговорить министрам, да еще посмотреть на них фирменным президентским взглядом, от которого, как справедливо заметил Виктор Шендерович в последнем номере «Итогов», удавы падают в обморок. Ничто же не мешает уволить Куликова и перетрясти Минфин, если это так уж необходимо, и через пару месяцев.

БОРИС ЕЛЬЦИН — ГЕЛЬМУТУ КОЛЮ: НЕ БОЛЕЙ, ДРУГ!

Друг поймет

Наши соотечественники — публика в большинстве своем невзыскательная. Оправившемуся после болезни президенту достаточно гаркнуть, зыркнуть и стукнуть кулаком по столу, чтобы верноподданные оставили кухонно-заваленочные дискуссии на тему «А ну, как хирург этот, Ренатка, вшил Нашему в сердце чавой-то не то» и вернулись к повседневным делам.

Убедить в том, что доктор Акчурин вшил «то», нужно было не только соотечественников, но и западных державоправителей. Их-то начальственным окриком да грозным видом не возьмешь. Чай, не первый день у руля. Дома достаточно было взглянуть исподлобья на министров. На экспорт пошел точно такой же взгляд, только в сторону НАТО.

Выдержать, а затем ретранслировать этот взгляд на Запад выпало старинному другу Гельмуту Колю.

Улетая домой, канцлер в аэропорту улыбался: дескать, хоть расхождения и есть, но что-нибудь придумаем. И придумывать действительно придется. России, явно стремящейся подороже продать свою несговорчивость, нельзя упорствовать бесконечно. Например, надежда на пересмотр фланговых ограничений в рамках договора по обычным вооружениям в Европе пока существует. Но если перегнуть палку, Западу может просто надоесть, сбиваясь с ног, искать за Москву и для нее компромиссные контрпредложения.

Последний шанс

Казалось бы, болезнь и политический имидж — две вещи несовместные. Но политик тем и отличается от обычного человека, что обречен до конца карьеры продумывать каждый свой шаг (даже первый послеоперационный).

Первые лица в СССР никогда не болели. Теперь страна начала привыкать к тому, что президенты могут как болеть, так и выздоравливать. Глава государства победил и оппонентов, и собственную хворь, то есть стал героем вдвойне.

Благополучное, почти чудесное выздоровление было обставлено по-женски тонко и со всей тщательностью. Президент поправлялся не как простой смертный, а потрясающе быстро, поражая пользующих его медицинских светил. Каждый допущенный пред ясны очи возвращался и с умилением докладывал журналистам об успехах президента. При этом глаза теплели у всех, даже у Селезнева.

Особый упор делался на то, как президент втягивается в работу. Только-только очнувшись от наркоза, Ельцин начал работать с ядерной кнопкой, отобрав ее у Черномырдина, через день — с документами, потом настала очередь строго хронометрируемых рабочих встреч, продолжительность которых все увеличивалась и увеличивалась.

Таким пристальным вниманием к сугубо частному, почти интимному происшествию в жизни человека, пусть даже он и президент, преследовалась одна очень важная цель: народ должен проникнуться небанальностью происходящего. Народ проникся. Выздоровление встало в один ряд с победой на выборах и сыграло существенную роль в политической борьбе. Перед общественностью предстал как бы новый, «возрожденный» Ельцин, за плечами у которого никогда не было войны в Чечне, натужных реформ, сомнительного окружения.

Ельцин — везучий политический деятель, и сегодня судьба предоставила ему еще один уникальный шанс: начать сначала и оставить после себя страну, граждане которой с уверенностью смотрят в будущее. Правда, до сих пор он не всегда использовал свои шансы оптимальным образом.

У президента на все про все 4 года. Совершенно не правы те, кто утверждает, что теперь у Ельцина развязаны руки и ему можно не думать о выборах. Напротив, они должны стать его основной заботой.

Конечно, пенсии и зарплаты выплачивать тоже надо. Но если в 2000 году альтернативой Зюганову будут Лебедь и Жириновский, последний предоставленный судьбой президенту шанс так и останется неиспользованным. ■

В РОССИИ

Лоббистов загнали в цейтнот

Результат первых трех чтений бюджета — рекорд скорострельности

Андрей Серов

ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

Их даже не приходится упрашивать. Депутаты почти без давления со стороны правительства приняли бюджет уже в трех чтениях. Для этого им понадобилось всего две недели — рекордно короткий срок. И если свое одобрение главного финансового закона в первом чтении коммунистическая фракция еще обставляла бутафорскими одиннадцатью требованиями, то в дальнейшем соратники г-на Зюганова позволили склонить себя к лояльности, не сопротивляясь. После первого чтения, когда на бюджетном поле истекло время для так и не начавшейся крупной политической игры, должен был состояться матч с участием лоббистских группировок. Ко второму и третьему чтению лоббисты готовились основательно — предложили около двух тысяч поправок. Ведь именно на этих этапах рассмотрения законопроекта производится разбивка расходов по основным разделам, а затем и по статьям. Уникальная возможность побороться за дополнительное финансирование тех или иных отраслей, ведомств и программ. Особый энтузиазм заинтересованных лиц был вызван нововведением, согласно которому к распределению средств по разделам стали привлекать членов не только бюджетного, но и отраслевых комитетов.

Обманутые надежды

Разочарования начались с заявления премьера Черномырдина на заседании правительства. Он в весьма решительных выражениях запретил правительственным чиновникам проталкивать в парламенте свои бюджетные запросы, если они противоречат законопроекту, официально представленному кабинетом министров. Раньше такая практика была весьма распространенной. В 1995 году приходилось наблюдать совершенно неприличную картину, когда представитель Министерства обороны, выступая перед депутатами, ругательски ругал правительственный проект в части расходов на армию. На этот раз Черномырдин пригрозил уволить раскольников.

Но такие строгости не обескуражили лоббистов, гнездящихся на исполнительной ветви власти. Они просто переместились с трибуны в кулуары.

По-настоящему подкосили «толкачей» сроки рассмотрения бюджета во втором и третьем чтениях. Дело дошло до скандала. Когда выяснилось, что у членов бюджетного комитета на рассмотрение каждой предложенной поправки — по нескольку минут, их коллеги-отраслевики взбунтовались. Зампред промышленного комитета Степан Сулакшин обвинил команду Михаила Задорнова в узурпации власти. Ревниво заметив, что бюджетный комитет «дошел до пределов лоббизма», г-н Сулакшин потребовал его роспуска. Но распустить бюджетный комитет сейчас не представляется возможным, поскольку, кроме него, вряд ли кто сможет завершить, даже формально, процедуру рассмотрения поправок и учета некоторых из них в законопроекте. Бюджетный поезд, пущенный экспрессом благодаря взаимопониманию, достигнутому на ранней стадии между Черномырдиным и Зюгановым, пролетал мимо лоббистских полустанков с оглушительным свистом. Но наиболее прытким удалось-таки вскочить на подножку.

Самый жалостливый мытарь

Брать на испуг или на жалость — обычный прием лоббистов. Гораздо эффективнее рассказывать о трагедии, которая приключится без финансирования, чем пытаться живописать чудо, совершающееся при правильном финансировании. На этот раз в искусстве рисовать апокалипсис преуспели представители Госналогслужбы. Правительственный проект действительно ставил их в незавидное положение. Содержание мытарей отнесли в раздел «Прочие расходы». Обидно, конечно, собирать львиную долю денег в бюджет и сидеть при этом на голодном пайке. Руководители ГНС собрали поэтому накануне обсуждения бюджета большую пресс-конференцию и живописали портрет налогового инспектора, которому задерживают мизерную зарплату, но отправляют проверять отчетность богатой коммерческой структуры. Рассказ о несчастном инспекторе возымел свое действие, и Дума «положила» Госналогслужбе финансирование отдельной строкой в объеме 4,9 триллиона рублей.

Самыми успешными лоббистами сезона стали военные. Раздел «Национальная оборона» получил наибольшую прибавку (на военную реформу) и остался самым крупным (104,3 триллиона). Деньги в эту корзину бросали со всех сторон. За увеличение расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в рамках оборонного заказа ратовали НДР и «Яблоко», за расширение других статей — коммунисты.

Махровыми лоббистами остались, безусловно, аграрии. И хотя ряды бойцов сильно поредели по сравнению с Думой прошлого созыва, крестьянская смекалка выручает их по-прежнему. Увидав, что деньги потекли в военный бюджет, они тут же внесли предложение половину армейского продовольствия обеспечивать централизованными поставками. Так им будет проще организовывать заказы. В конце концов аграрии провели через бюджетный комитет поправку, согласно которой у раздобревшей «Национальной обороны» были забраны 500 миллиардов и переданы на господдержку сельского хозяйства.

В четвертом чтении, которое ожидается во второй половине января, депутатам предстоит рассмотреть оставшиеся поправки, а также поквартальное распределение доходов, расходов и дефицита. Если не произойдет ничего экстраординарного, «шкура неубитого медведя» будет поделена Думой быстро и безболезненно. Совет Федерации, куда закон направят на утверждение, вряд ли взбунтуется, поскольку в проекте учтена просьба сената выделить 233 миллиарда на его содержание отдельной строкой. ■

Не Чечней единой

Иван Рыбкин продолжает дело Александра Лебедя: ищет новые формы обеспечения национальной безопасности

Дмитрий Пинскер

КУХНЯ

Больше двух лет Совет безопасности ассоциировался исключительно с чеченским конфликтом. Заседаний СБ ждали с замиранием сердца. Именно там готовилось решение о вводе войск в мятежную республику и о начале мероприятий по наведению «конституционного порядка», назначались виновники трагедии в Буденновске и предпринимались отчаянные попытки найти мирное разрешение кризиса. При этом собственная деятельность Совета безопасности как самостоятельной структуры, преследующей свои особые цели и задачи, наблюдателями не обнаруживалась.

Пожалуй, впервые о Совете безопасности заговорили всерьез после 18 июня прошлого года, когда его секретарем стал генерал Лебедь. Из его уст тогда впервые прозвучали слова о том, что эта структура должна заниматься всеми вопросами, связанными с национальной безопасностью, толкуемой предельно широко. Зазвучали новые или слегка подзабытые старые термины: экономическая, экологическая, продовольственная, социальная, технологическая. И все — безопасность, безопасность и безопасность (Лебедь на одной из первых пресс-конференций включил в перечень угроз национальной безопасности даже мормонов и разных заокеанских проповедников).

Если учесть постоянные в то время разговоры о придании бывшему кандидату в президенты дополнительных почти неограниченных полномочий, то вполне естественно возникало ощущение, что генерал собрался взять на себя полное руководство страной. Впрочем, дальше деклараций дело не пошло: прежде всего Лебедь занялся самым неотложным делом — Чечней, а достигнув успеха, переключился на политические интриги и войну с ельцинским окружением. И тут уж ему стало не до национальной безопасности во всем ее многообразии.

Сменивший Лебедя Иван Рыбкин — человек спокойный, временами занудный, временами убаюкивающе-обволакивающий, всеми своими прежними действиями дававший повод предположить, что СБ станет теперь этаким политическим захолустьем, — довольно быстро все подобные расчеты опрокинул. В отличие от Лебедя он не стал просить у президента дополнительных полномочий, а удовлетворился теми правами, которые дали: готовить документы, организовывать и координировать разработку стратегии подхода к тем или иным проблемам, осуществлять контроль за исполнением решений СБ.

Никто точно не знает, какими такими «особыми» полномочиями обладал Александр Лебедь, которыми он первое время неустанно козырял, и обладал ли вообще. В новой же редакции положения о Совете безопасности есть только один абзац в статье о полномочиях секретаря, который позволяет судить о его реальном политическом весе. В соответствии с ним Рыбкин в его нынешнем качестве имеет право вносить президенту «предложения о привлечении к ответственности руководителей федеральных органов исполнительной власти, на которых возложены функции по обеспечению безопасности Российской Федерации».

Но Иван Петрович никогда не был замечен в склонности к интригам, так что вряд ли он без надобности будет использовать «особые» полномочия.

СБ не МПД ЧР

Совет безопасности не может и не должен стать министерством по делам Чеченской Республики. Он должен заниматься вопросами национальной безопасности. То есть, если говорить понятнее и проще, — защищать простых граждан. Идея эта, выдвинутая еще Лебедем, была подхвачена Рыбкиным.

Впрочем, урегулированием кризиса на Северном Кавказе, кроме Рыбкина, непосредственно занят лишь один из пяти его заместителей — Борис Березовский. Все остальные выявляют потенциальные очаги напряженности в стране и мире, ведут контроль за региональным законодательством и, наконец, разрабатывают предложения по выведению экономики из кризиса. Как считают в руководстве СБ, ключевыми мерами являются «определение позиции государства по вопросу внешнего и внутреннего долга» и серьезная налоговая реформа, без чего невозможно вывести часть экономики из «тени», избавиться от неплатежей, стимулировать инвестиции в промышленность и приступить наконец к смягчению социальной напряженности.

Надо отметить, что в отличие от своего предшественника Иван Рыбкин не только развил бурную деятельность по всем направлениям, но и регулярно убеждает соседей по московскому Олимпу в том, что не собирается дублировать действия правительства в целом или отдельных министерств. По его замыслу, Совбез должен стать одновременно и мозговым центром для выработки принципиальных решений (для чего планируется создать Научный совет из ста крупнейших российских ученых), и координатором более детальной подготовки документов, совершающейся в недрах многочисленных межведомственных комиссий.

Так что возбуждения острых конфликтов между высшими чиновниками, тем более скандалов в стиле Александра Лебедя от нынешнего Совбеза ждать не следует. Не приходится, правда, ожидать и заметных результатов работы реформированного СБ. Для этого у его секретаря недостает властных полномочий. Уж если даже железный Чубайс не может заставить государственных служащих исполнять президентские указы, надеяться, что с подобной задачей справится мягкий Рыбкин, было бы наивно. ■

Донцы без лампас

Двести лет назад армяне пришли на юг России и остались здесь навсегда

Александр Рыклин

МНОГО В НЕЙ...

АЛЕКСАНДР РЫКЛИН

КИЛОМЕТРАХ В ДВАДЦАТИ ОТ РОСТОВА-НА-Дону по Таганрогской трассе стоит село с необычным для этих мест татарским названием Чалтырь. Однако населяют его вовсе не татары.

Стоит остановить машину у обочины и войти в придорожный магазинчик, чтобы с удивлением обнаружить: совершенно неожиданно ты оказался в другом мире — продавщица разговаривает с покупателями на незнакомом гортанном языке.

Крымчане

Армян в низовья Дона переселила из Крыма Екатерина II. Многие погибли в пути. Но те, что остались живы, обосновались здесь навсегда, и сегодня их потомки воспринимают эту землю как свою родину. Близких родственников в Армении нет практически ни у кого. Да и где нынче та Армения? А вот тема переселения, разумеется, уже во многом мифологизированная, до сих пор является предметом постоянных пересудов и жестоких споров. Стороннему наблюдателю может показаться, что речь идет не о событии двухсотлетней давности, а о том, что случилось вчера, — так горячатся собеседники. Почти каждый род сохранил свою собственную историю о том, как это происходило, и передает ее из поколения в поколение.

Чалтырь не единственное армянское село. Небольшая деревушка Крым славится своим луком и молочными продуктами. Сыр, творог и сметану возят на рынок в Ростов.

Район, где живут армяне, называется Мясниковским. Название это не совсем точное, поскольку подлинная фамилия знаменитого революционера была Мясникян. Однако рассказывать о роли Мясникяна в отечественной истории не брался никто. Только улыбчивый водитель Артур многозначительно поднял вверх указательный палец: «Очень близкий был к Ленину человек».

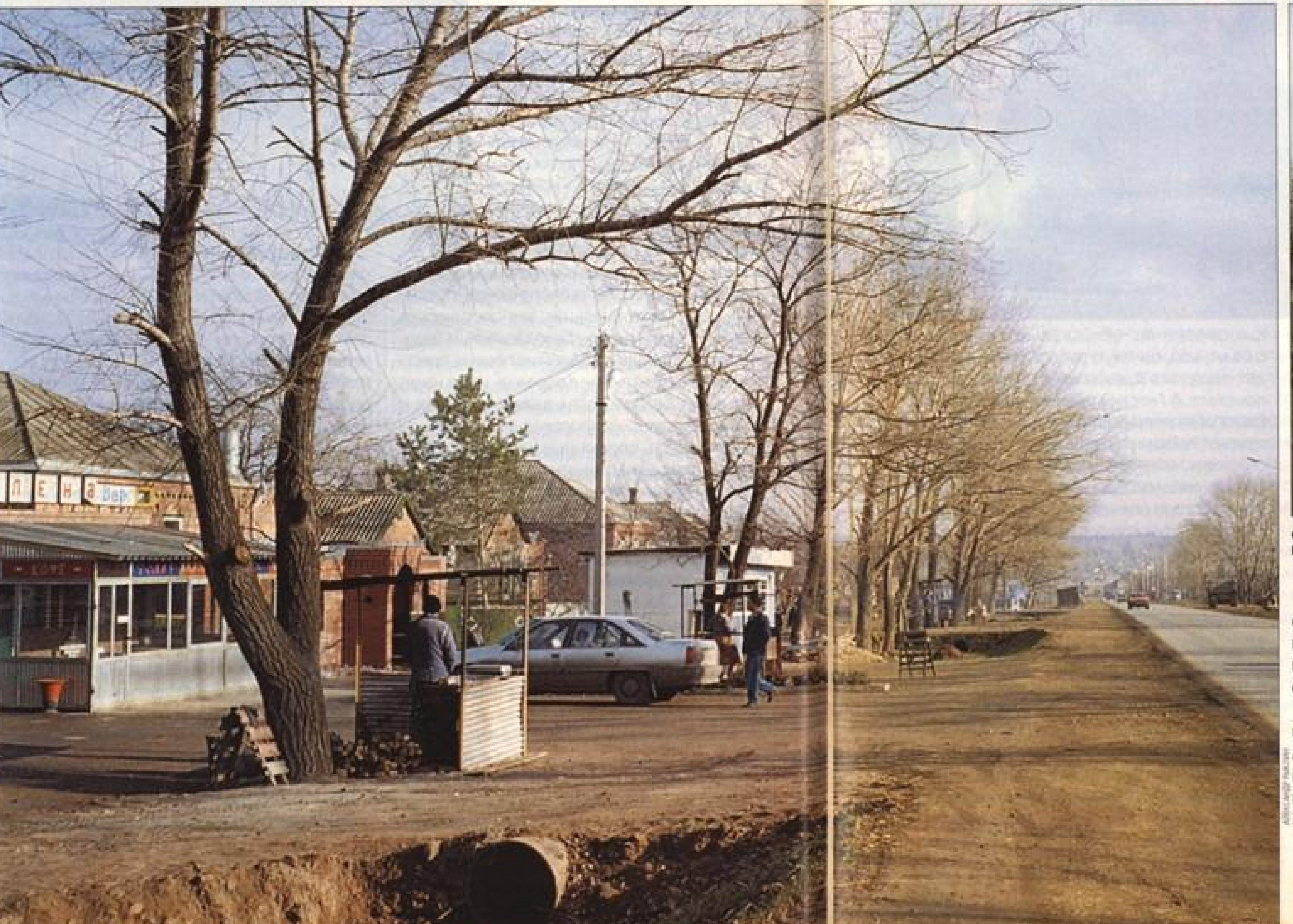
Платить — не платить

Мясниковский район — единственный в Ростовской области, предприятия которого практически ничего не должны ни федеральному, ни местному бюджету. Чиновники из Ростова, комментируя это экономическое чудо, как правило, разводят руками: «Что вы хотите? Там же армяне живут. Они и зарплату всем вовремя выплачивают».

Колхоз имени Степана Шаумяна теперь переименовали в Акционерное общество имени Степана Шаумяна. Одноименный бюст красуется перед правлением, как и много лет назад. Правда, помпезности вокруг поубавилось — давно не крашен парадный фасад, не подстрижены кусты и газоны. Непорядок терзает сердце председателя: «Конечно, слушай, неаккуратно совсем. Но где на все деньги взять?»

АЛЕКСАНДР РЫКЛИН

АЛЕКСАНДР РЫКЛИН

АЛЕКСАНДР РЫКЛИН

СЕКРЕТ ОБЫКНОВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА ПРОСТ — **ПРИХОДИТСЯ КРУТИТЬСЯ**

Арсентий Георгиевич Цхяян — человек обстоятельный и неспешный. Разговаривает он с не свойственным местным жителям спокойствием, ходит неторопливо. По всему видно — очень уважаемый человек.

«Год тяжелый был — засуха. Хлеба мало вырастили. Да и то почти все на фураж пойдет. А как иначе? Удобрения не клали, самолетом не опрыскивали. Все равно: колхозникам (извини, акционерам) заплатил, налоги отдал. Хотя, наверное, зря отдал. В прошлом году приезжал к нам Заверюха. Собрали всех, председатели галдеть начали — Заверюха взял да списал долги за 1995 год. Я, дурак, все уплатил до копейки. Спрашивается: зачем? Лучше бы правление покрасил, технику бы прикупил. На следующий год опять Заверюха приедет, все спишет, я снова за голову буду хвататься. Но не платить, знаешь, как-то неудобно, вроде должен кому-то остаешься. Я так не привык».

Может быть, как раз в этом «как-то неудобно» и кроется секрет платежеспособности Мясниковского района?

Средняя зарплата в хозяйстве около 300 тысяч. Половину выдают деньгами, остальное — зерном. Разумеется, у каждой семьи свой приусадебный участок. С него и кормятся. Опытная хозяйка на ростовском рынке ищет в ряду продавцов армянское лицо — у них товар и лучше, и дешевле.

Деловые люди

Можно, конечно, проскочить Чалтырь за несколько минут, так и не поняв, что проехал через армянское село. Но не заметить неимоверного числа шашлычных просто невозможно. Село растянулось вдоль дороги на три километра. На этой дистанции сосредоточено 37 заведений. Отнести их к уныло-кафельному разряду «предприятий общественного питания» не поворачивается язык. Пусть убранство не отличается ни роскошью, ни изысканным вкусом, но внутри всегда по-домашнему чисто и уютно. Семьи, чьи дома оказались поближе к трассе, пристроили шашлычные прямо к верандам. Другие поставили отдельные павильоны. Днем здесь обедают дальнобойщики, вечером отдыхают местные. Заведения называются «кайфушечками». Праздники отмечаются только тут. Приезжают и из Ростова. Иногда семьями, иногда веселыми компаниями. Совсем не обязательно гости — армяне.

Конкуренция между «кайфушечками» бешеная. Каждая семья имеет свой собственный секрет приготовления маринада для мяса. Он

ПОДРАБАТЫВАЮТ ВСЕ ПО-РАЗНОМУ.
КТО ВЕНИКИ ПРОДАЕТ НА СТУПЕНЬКАХ МАГАЗИНА, КТО ЯБЛОКИ У ШОССЕ

хранится в строжайшей тайне. Есть и фирменные блюда: кто-то готовит пельмени, кто-то, за неимением виноградных листьев для долмы, — голубцы. К слову сказать, порция пельменей (полная глубокая тарелка) стоит 9 тысяч. Порция голубцов (6 штук, за один присест съесть крайне тяжело) — 11 тысяч.

Семья Роберта зажиточной никогда не была. Но он быстро осознал выгодное местоположение своего дома — прямо перед заправкой. Их шашлычная стала одной из первых.

«Ты доесть не можешь, потому что водки не пьешь. На сто граммов мяса надо минимум пятьдесят граммов водки. Тогда получается: килограмм легко скушали, бутылку на двоих выпили и спокойно пошли дальше жить. Это горные армяне мясо красным вином запивают, равнинные — только водкой».

Несмотря на основательность теории, пьяных равнинных армян в селе не видно. Да и нищих не бывает — родственники никогда не допустят, чтобы кто-то из семьи просил милостыню. Это страшный позор. Конечно, живут неодинаково — не у всех дома вдоль дороги. Но никто никогда не признается, что он беднее соседа. Подрабатывают по-разному: кто ремонтирует машины (автомастерские Чалтыри славятся своими умельцами и в Ростове), а кто занялся и более серьезным бизнесом.

Директор Мясниковского агроснаба Асватур Берекчиян давно перестал заниматься только запчастями к продукции Ростсельмаша: «На одних комбайнах сегодня не проживешь, приходится крутиться: автозаправку открыли, рядом маленькую гостиницу поставили — не пустует. Торгуем потихонечку. Но с этим сейчас большие проблемы — денег ни у кого нет. Я в июле в Пятигорске взял прекрасную минеральную воду. Очень дешево, между прочим. Сюда привез, кое-что продал, но не все — я много взял. Чувствую — зависаю. Зимой-то она никому не нужна. Загрузили полную фуру, приехали в Москву на Пушкинскую улицу — там у меня знакомый в магазине работает. Денег ужас сколько по дороге отдали. Ваше ГАИ думает, если армянин, значит, печатает. Приезжаем, а знакомый мой уволился и магазин на ремонт закрыли. Беда. Пришлось ехать в Белгород. Там воду на лес поменял. Лес всем нужен. Приехал, продал — как раз на зарплату хватило. Себе, клянусь, ничего не осталось. Жена ругается: что ты за бизнесмен: два месяца возился — ни копейки не заработал. А что поделаешь? И так случается».

Разговоры под музыку

Вечером Чалтырь не менее живописно, чем днем. В кромешной тьме зазывно высвечиваются разноцветными огнями многочисленные «кайфушечки». Отовсюду доносится музыка.

Каждый уважающий себя хозяин обзаводится собственным оркестром. Как правило, это два скрипача и клавишник. Музыканты все местные, и репертуар у них необычайно богатый: от Комитаса до Николаева.

К ночи Роберт переоделся: на нем темный костюм и белая рубашка с галстуком: «Понимаешь, мы электронную музыку из ящика не любим — она мертвая, под нее не отдохнешь как следует».

Постепенно комната заполняется, и к десяти часам нет уже ни одного свободного места. Разговоры становятся все оживленнее. Асватур, перегнувшись через столик, охотно переводит: «Видишь, толстый такой, с усами — главврач. Возмущается, что электрики свет все время отключают. Действительно, слушай, обнаглели совсем, никакой совести у людей нет. В районе две воинские части задолжали за электроэнергию. Так они вырубают весь район: больницу, детский сад. Мы какое отношение имеем к этим частям? Там даже ни один армянин не служит...»

«А вот за соседним столом, — продолжает мой переводчик, — Тофик с Георгием Чубайса обсуждают. Третий вечер уже обсуждают. Тофик считает, что Чубайса Ельцин ни за что не снимет: мол, он такую работу с регионами ведет, порядок в Кремле навел, Черномырдину помогает. А Георгий говорит, что Ельцин Чубайса обязательно снимет, потому что он напрасно Рыбкину Березовского подсунул — слишком непопулярный в Думе человек. Только лишнюю напряженность создает. ... Ничего, скоро они кончат спорить — за Тофиком жена через полчаса придет».

К четырем шашлычная пустеет. А в шесть женщины уже встают и начинают разводить огонь в жаровнях — дальнобойщиков надо накормить на завтрак чанахи — наваристым супом с мясом и картошкой.

На ступенях еще закрытого продмага сидит старик и продает веники: «Купи, дорогой, веник. Твоя жена таких сроду не видела. Дешево совсем, а подметать три года будете — прутик не выскочит».

Так и живут — помнят о прошлом, хлопочут о будущем и мясо запивают только водкой.

От суда не зарекайся

Владимир Туманов перешел «в состояние отставки». Основной претендент на освобождающееся место в составе Конституционного суда – определен

Еще с 25 декабря минувшего года председатель Конституционного суда Российской Федерации Владимир Туманов официально находится «в состоянии отставки», обусловленной достижением им 70-летнего возраста. Речь идет, между прочим, о пятом, по формальной иерархии, лице российского государства (после президента, премьера и председателей верхней и нижней палат парламента). Все-таки вакансии подобного уровня открываются в стране не слишком часто. Тем не менее этот факт остался абсолютно не замеченным политически заинтересованной публикой, что, впрочем, легко объяснить той нетерпеливой рассеянностью, которая охватывает страну в преддверии каникул, разросшихся от Рождества до Рождества.

Высший орган конституционного правосудия впервые переживает ситуацию, когда один из судей переступил возрастной порог, зафиксированный принятым в 1994 году федеральным законом о КС. Потому судьи впервые же обнаруживают множество процедурных дыр, зияющих и в самом этом законе, и в формально утвержденном регламенте КС, и в скудных судейских традициях.

К примеру, на вопрос, каким образом было оформлено заявление председателя об отставке, сотрудники аппарата КС отвечают только, что «Туманов сам так сказал», и все. О существовании какого бы то ни было официального документа на этот счет никому в здании на Ильинке ничего не известно. Да к тому же не ясно, как этот документ должен выглядеть, кто и когда должен его составить. Непонятно также, кому бы такое прошение об отставке можно было вручить. Ведь и президент, и Федеральное собрание, как следует из Конституции, участвуют только в процессе формирования суда, а все дальнейшие процедуры, в том числе и отставки судей, должны считаться внутренним делом самого КС, и в них никто уже не вправе вмешаться. Остается только предполагать, что Владимир Туманов сообщил о своей отставке устно на пленарном заседании суда, и единственным документальным свидетельством об этом акте стала официально заверенная стенограмма.

Ничуть не более ясно просматриваются и процедурные последствия этого заявления. Опять-таки сам судья Туманов сообщает, что «в состоянии отставки» может находиться два месяца. Кстати, откуда взялся этот двухмесячный срок — также не известно, но ясно, что завершиться он может лишь в момент утверждения Советом Федерации нового члена Конституционного суда взамен выбывающего.

При всем том пока нет никаких формальных оснований считать г-на Туманова сложившим свои судейские и председательские полномочия или превратившимся в «вр.и.о. судьи». Межеумочные положения, отдаленно напоминающие то, в котором он находится, более или менее знакомы, пожалуй, только юристам, занимающимся семейным правом: они иногда употребляют термин «в состоянии развода» по отношению к человеку, вроде уже не женатому, но как бы еще и не свободному.

Наивно было бы думать, будто профессор Туманов согласится объявить о своем переходе в этот странный статус хоть на день раньше, чем обретет полную уверенность в том, что его опыту и профессиональной квалификации будет найдено достойное применение на адекватном (если не по масштабу влияния, то хотя бы по уровню престижа) посту. Поиски его продолжались недолго: сотрудники аппарата КС вполне уверенно подтверждают сообщения, что их нынешний патрон почти немедленно после реальной отставки переберется в Страсбург, где его уже ждет мантия судьи Европейского суда.

Вряд ли новое назначение может обернуться для Владимира Туманова излишне напряженным рабочим графиком. Зато оно сулит профессору прекрасные возможности для удовлетворения творческого голода: понятно, что обширная практика российского КС предоставляет уникальный материал для серьезной монографии, в мечты приняться за которую Владимир Туманов публично пускался уже не раз. Страсбургский кабинет обещает почти идеальные условия для воплощения этого замысла.

Кроме того, открывающиеся перспективы не могут не волновать и не радовать Владимира Александровича еще и как человека, имеющего стойкую репутацию бонвивана, знающего толк в хороших винах, а также способного оценить грубоватую прелесть эльзасской кухни (choucroute, знаете ли, это такая особая кислая капуста, тушенная в вине, в которую тут и там закопаны разнообразнейшие копчености — гусиные, телячьи и свиные: она чрезвыча-а-айно тяжела для желудка, но... гм... гм-м-м...).

Любопытно, что Франции, судя по всему, суждено сыграть некую особую роль на нынешнем этапе истории российского Конституционного суда. Совсем неподалеку от места, готового предоставить творческое убежище уходящему председателю, Кремль не так давно обнаружил весьма достойного претендента на освобождаемую судьей Тумановым вакансию. По многократно подтвержденным сведениям, Борис Ельцин намерен рекомендовать для утверждения в Сенате кандидатуру Михаила Федотова, проведшего последние три года в Париже на должности главы российской миссии при ЮНЕСКО.

Известность в политических и журналистских кругах Михаил Федотов приобрел в качестве одного из соавторов знаменитого закона о печати Союза ССР, юридически закрепившего завоевания горбачевской гласности. Вершиной его карьеры стал пост министра печати и информации России, на котором г-н Федотов сменил Михаила Полторанина.

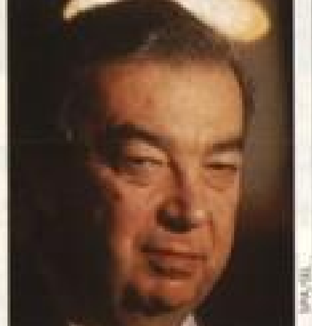
Но еще раньше, на рубеже 90-х годов, за ним закрепилась слава изощренного юриста-«формулировщика», виртуозно владеющего правовым инструментарием, и именно благодаря ей Михаил Федотов летом 1992-го оказался — в компании Сергея Шахрая, Андрея Макарова, Геннадия Бурбулиса и Юрия Батурина — одним из представителей президентской стороны на историческом «процессе о КПСС» в Конституционном суде.

Впрочем, свое участие в неудавшемся «российском Нюрнберге» г-н Федотов вряд ли причисляет теперь к особенно славным эпизодам собственной биографии. Более того, как раз в тот момент, вероятно, его любовь к конституционному судопроизводству подверглась серьезному испытанию. Журналисты, освещавшие «процесс о КПСС», помнят, что Михаил Федотов чрезвычайно тяжело переживал поражение, понесенное тогда президентской стороной. Выслушав от Валерия Зорькина вердикт, подтверждающий право компартии на дальнейшее легальное существование, он покинул зал заседаний, раздраженно бормоча фразу, которая по праву заняла место в списке лучших перлов, когда-либо доставшихся репортерам: «Вон из суда! Суда я больше не ездец!»

От суда, как и от сумы, тоже, оказалось, лучше не зарекаться. Меж тем именно воспоминания политически уцелевших с той поры коммунистов об активности, проявленной г-ном Федотовым в роли разоблачителя злодеяний «организации, именовавшей себя КПСС», могут теперь добавить сложностей процедуре его избрания судьей. Впрочем, сведения о неплохом взаимопонимании, установившемся в последнее время между президентом Ельциным и председателем Совета Федерации Строевым, заставляют все-таки достаточно высоко оценивать шансы этого кандидата на утверждение сенаторами.

Хотя интрига, что разворачивается в эти недели вокруг грядущих выборов председателя КС, в любом случае обещает быть гораздо запутаннее и увлекательнее. Но она, несомненно, достойна отдельного комментария.

Нога Москвы

ОН НЕ ЛЮБИТ МНОГО говорить. Не любит появляться на публике. Особенно не любит общаться с журналистами. А столкнувшись с ними, бывает предельно немногословен.

Евгений Примаков мало изменился за год, что возглавляет Министерство иностранных дел. И хотя теперь его высказывания время от времени появляются в средствах массовой информации, по сравнению со своим предшественником Андреем Козыревым он просто-таки монах-отшельник, хранящий обет молчания.

Еще меньше, чем светскую жизнь, Евгений Максимович любит Запад, Америку и НАТО. В интервью агентству ИТАР–ТАСС, которым Примаков отметил первую годовщину пребывания на посту министра, он четко обрисовал те изменения, которые, по его мнению, произошли в российской внешней политике: «Мы постарались исправить «перегиб» в сторону Запада, который имел место в прошлом. Такая держава, как Россия, с огромными интересами в Азии, на Ближнем Востоке, не может ходить на одной, западной, ноге». И тут же министр с воодушевлением рассказал об успехах, достигнутых в переговорах по демаркации границы с Китаем, охарактеризовав отношения с соседом как «доверительное партнерство, причем со стратегической перспективой взаимодействия в XXI веке».

Заявление это довольно симптоматично: последние два года Москва грозится создать свой военный союз в ответ на приближение НАТО непосредственно к границам бывшего СССР и нынешней России. Однако со своей давнишней идеей сформировать блок в рамках СНГ президенту РФ пришлось расстаться. Вполне возможно, по этой причине Москва не упускает из виду великого восточного соседа. И даже если союз с Китаем не сложится (пока все это очень похоже на старания известного персонажа выдать дочь замуж за Рокфеллера), возникает соблазн попугать Запад самой возможностью альянса двух больших ядерных держав.

Но сильно испугать не получится. На Западе страх давно прошел и сменился известным пренебрежением. Так было при Козыреве. Так осталось и при Примакове.

Григорий Воскобойников

У чекистов опять сорвалось

Г-НА ЛУЖКОВА НА испуг не возьмешь. И если другой влиятельный региональный лидер, президент Татарстана г-н Шаймиев, убоявшись чекистских планов по банкротству КамАЗа, отдал в федеральный бюджет республиканские деньги в виде отступных, то столичный мэр решил сражаться с ВЧК ее же методами – судебными. На прошлой неделе Московский арбитражный суд отказался признать АО «Москвич» банкротом, фактически поддержав позицию столичного правительства, настаивающего на проведении санации с отсрочкой погашения долгов предприятия на два года, введением льготного налогообложения, предоставлением кредита и т.д.

В связи с очевидной дороговизной для государства предложенного мэрией плана санации напрашивается вопрос: а на что той козе баян? Вероятно, Лужков исходит из того, что слово «банкротство» в массовом сознании ассоциируется со словами «развал», «снос», «поруха». Следовательно, тот, кто ему препятствует, как минимум крепкий хозяйственник. В московском бюджете пока, видимо, есть деньги на то, чтобы помогать тяжелым предприятиям. Поэтому г-н Лужков может себе купить на средства налогоплательщиков немножко популярности. В федеральной казне, напротив, свищет ветер, поэтому ВЧК, во-первых, стремится выбить деньги из недоимщиков типа «Москвича» и, во-вторых, переложить расходы по выводу их из кризиса на плечи частных инвесторов.

Удастся ли мэру выиграть успешно начатую партию? Возможно. Для этого необходимо заставить федералов забыть о налоговой задолженности завода. Поскольку даже при введении внешнего управления, которого требовал агент ВЧК – Федеральное управление по делам о несостоятельности, – получить хотя бы минимальные отчисления в бюджет у полумертвого завода в ближайшее время никак не удастся, можно предположить, что чекисты махнут на «Москвич» рукой. Правда, в этом случае они потеряют лицо. Впрочем, финального свистка еще не было. Как сообщил «Итогам» первый заместитель генерального директора ФУДН Георгий Таль, если будет установлено, что решение суда противоречит законодательству о банкротстве, на него будет подана апелляция. В конце концов если банкротом не признавать «Москвич» с налоговой задолженностью в 1,4 триллиона рублей и давно остановившимся производством, то зачем тогда некоторые другие предприятия в России еще пытаются платить налоги?

Андрей Серов

Мятеж детоубийцы

У ПОЛКОВНИКА МАХмуда Худобердыева – самого известного офицера таджикской армии – нет семьи. Во время конфликта с отрядами Народного фронта люди лидера НФ Сангака Сафарова окружили дом, в котором находились жена и четверо детей Худобердыева. Полковник нашел самый неожиданный выход из этой ситуации: по его личному приказу по дому, где держала осаду его семья, была выпущена ракета большой мощности. Позднее он объяснял свой поступок тем, что хотел избавить жену и детей от неизбежных издевательств и мучений. Большинство курган-тюбинских, откуда родом Худобердыев, таджиков и узбеков аплодировали столь героическому с их точки зрения поступку. Более вдумчивые, однако, задались вопросом, почему Худобердыев не вступил в переговоры с Сафаровым и в конце концов не договорился с ним.

Решительность, проявленная Махмудом Худобердыевым в отношении собственной семьи, видна и в маниакальном стремлении захватить небольшой городок Турсун-заде, знаменитый алюминиевым заводом, мощности которого составляли в советское время почти полмиллиона тонн первичного алюминия в год. Каждый раз, конечно же, находится повод. На этот раз – самоуправство местных постовых милиционеров, убивших офицера отдельной бригады быстрого реагирования, которую возглавляет Худобердыев.

Претендующий на лавры «таджикского Робин Гуда» полковник утверждает, что он хочет навести порядок вокруг завода, однако этот «порядок» превращается в разгром окрестностей Турсун-заде и осаду центра города. При этом старший офицер регулярной армии отказывается выполнять приказы своего командующего – президента Рахмонова.

Не исключено, что очередной мятеж Худобердыева прошел бы незамеченным, если бы вновь не высветил зависимость душанбинского правительства от крупных армейских отрядов, сформированных по региональному признаку. Единой таджикской армии не существует, и исламской оппозиции, похоже, осталось сделать только один шаг, чтобы занять столицу. И шаг этот, видимо, не столько военный, сколько политический – необходимо убедить мировую общественность и Москву в своей способности навести порядок в стране лучше, чем Эмомали Рахмонов. К примеру, приструнить детоубийцу Махмуда Худобердыева.

Евгений Корнилов

Одиночество Горби

Жизнь реформатора после реформы

Дэвид Ремник

С о дня его падения минуло уже несколько лет... Михаил Горбачев, забравшись на заднее сиденье своей «Волги», едет с подмосковной дачи на Ленинградский проспект, где расположен его офис, и разглядывает очертания новой Москвы. Реклама и нищие. Ночные клубы и заторы на дорогах. Небольшая демонстрация фашистов. Повсюду неоновые огни и строительные леса — на берегу Москвы-реки возведен храм, который обойдется в четверть миллиарда долларов; неподалеку от кремлевских ворот рабочие все глубже зарываются в землю — скоро там возникнут торговые ряды и места для гулянья.

Михаил Горбачев был последним Генеральным секретарем Коммунистической партии и первым и последним президентом СССР. Он сложил с себя полномочия в последние дни 1991 года, и это событие ознаменовало собой конец советской эпохи, а в известном смысле — и двадцатого века. Такой жребий выпадает раз в тысячу лет: низложенный царь, за границей он волен срывать аплодисменты и получать гонорары за свои лекции; дома он получает полной мерой презрение народа, для освобождения которого сделал так много.

И его больше не удивляет то, что он видит из окна своего автомобиля, — ни блистающие мрамором и стеклом фасады банков, ни бронированные лимузины, ни старики, продающие у входа в Музей Революции бюстики Ленина, ни иностранные туристы, для потехи покупающие их.

«Я — шокирован? — спрашивает Михаил Горбачев. — Теперь уже ничто на свете не может меня шокировать»*.

Поначалу он был унижен своим стремительным падением. Всякий раз, когда Ельцин, его антагонист и преемник, третировал его, всякий раз, когда журналисты отказывали ему в уважении, к которому он так привык, Горбачева это очень больно задевало. И всякий раз он и не думал таить свои чувства. Он багровел, обращаясь к кучке репортеров, он терял дар членораздельной речи, и в словах его клокотала откровенная ярость. Помощники научились успокаивать его или делать так, чтобы подобных казусов не происходило. Но и это со временем изменилось. Анатолий Черняев, сохранивший преданность Горбачеву и после 15 лет совместной работы, сказал мне: «В первое время после того, как Михаил Сергеевич потерял власть и стал работать в фонде, его буквально убивало, когда в газетах появлялись сообщения о том, какой у него якобы огромный и роскошный дом, о том, сколько «золота партии» он присвоил лично себе, и прочая чепуха. Потом он привык».

Да был ли в истории политический деятель столь высокого уровня, который бы так просто «отрекся от престола», а потом жил бы себе да поживал? Даже Хрущев, в 1964 году свергнутый Брежневым, находился под неусыпным присмотром КГБ в фактическом заточении на своей подмосковной даче и не мог ни публично, ни печатно высказываться о политике своих преемников. Горбачев же, напротив, и в отставке заявляет о себе постоянно — он описал события августовского путча, предшествовавшего распаду Советского Союза, и — с помощью команды помощников — издал двухтомник воспоминаний «Жизнь и реформы». В Москве они особенного ажиотажа не вызвали — книги дороги и расходятся плохо.

Уходя в отставку, Михаил Горбачев заявил, что «в тайгу не поедет», хотя никто не верил, что он способен когда-либо вернуться в большую политику. И дело было даже не в возрасте и не в том, что нельзя войти в одну реку дважды, — политика в России претерпела сильные изменения: Горбачев был виртуозом игры по другим правилам, Нижинским однопартийной системы, а потому никогда не подвергал себя искусу свободных выборов, само существование которых — его заслуга. А когда решился наконец на это испытание и в 1996 году выставил свою кандидатуру на пост президента, то получил ничтожный процент голосов. Над ним откровенно смеялись, и в глазах подавляющего большинства людей он выглядел дураком и болтуном, полагающим, что совершил нечто блистательное, — как если бы главный инженер Чернобыльской АЭС распространялся о «новом мышлении» в атомной энергетике.

Поговорив с Черняевым в «Горбачев-фонде», я сделал несколько шагов по мраморным ступеням, ведущим в кабинет Горбачева. В этом здании, где раньше помещалось одно из множества партийных учреждений, до сих пор сохранились старомодные колонны, портьеры, красные ковровые дорожки и прочие приметы советской эпохи. В результате нескольких стычек с ельцинским аппаратом Горбачев лишился изрядной части выделенной ему площади.

Я увидел перед собой подтянутого, аккуратно подстриженного, загорелого человека в темно-синем двубортном итальянском пиджаке. Это была уже не первая наша встреча после его отставки, и сейчас, сидя в этом просторном кабинете, где почти совсем нет книг, и вновь слушая его хозяина, я думал о том, что свойственные ему тщеславие, обаяние и способность к самообману вполне заменяют мудрость. Я сидел по другую сторону стола и, как идиот, благоговел перед Горбачевым, и беспрерывно кивал в знак согласия с застывшей улыбкой на лице: он покоряет собеседника еще прежде, чем тому удается разобраться в истинном смысле того, что он произносит.

Только благодаря ей, ей одной — магической силе личности, — сумел он в свое время повести коммунистическую партию к обновлению, к очищению и — к краху. Различные силы в обществе заявляли о необходимости реформы в экономике и технологии, но КПСС незачем было двигаться радикальным горбачевским курсом. Виталий Воротников, консервативный член Политбюро, в своих мемуарах, озаглавленных «Вот как это было», вспоминает, как на заседаниях высшего партийного руководства он слушал Горбачева, предлагавшего перемены, которые — это было ясно каждому из присутствовавших — приведут к ослаблению, если не к гибели однопартийного правления. «Почему же мы не возражали? Почему принимали его предложения?» — недоумевает он сейчас, как недоумевал тогда. Я задал эти вопросы Егору Лигачеву, одному из главных противников Горбачева в Политбюро, и тот усмехнулся в ответ: «Михаил Сергеевич нас дурачил как хотел. А спохватились — было уже поздно».

Сподвижники Михаила Горбачева видят в двуличии этого человека, в том, что для него все средства хороши и не существует моральных запретов, проявление его политического таланта. «Личностью Горбачева опровергается закон, по которому доброй цели невозможно достичь дурными средствами, — считает драматург Александр Гельман, недолгое время входивший в состав Центрального Комитета. — Он лгал людям своего коммунистического круга. Он вел двойную игру. Он был двуличен по отношению едва ли не к каждому. По сравнению с ним Лигачев — воплощение морали: в конце концов он-то говорил, что думал, и обладал ясными и четкими принципами. Михаилу Горбачеву приходилось действовать среди тех, кто уничтожил бы его, узнай они, что он замышляет на самом деле. Но иногда он обманывал и самого себя. А потому, исходя из понятий классической морали, — это дурной человек, бесчестный человек. Но свершил он нечто колоссальное. Во многом благодаря ему произошел новый и бескровный передел мира».

Горбачев и сам отлично знает, сколь мощно воздействие, которое оказывает он на людей. «Я думаю, что это заложено от природы, — сказал он мне. — Я еще в детстве верховодил среди сверстников. Это врожденное качество — такое же, как любопытство, побуждающее меня докапываться до самого донышка. Я никогда и не помышлял идти в политику. Но потом я стал заниматься комсомольскими делами, и [на собрании] кто-то спросил: «Кто тут будет Горбачев?» Я поднялся, а потом влез на стул. И тут под общий смех стул этот из-под меня выдернули, и я оказался на полу. Так началась моя политическая карьера. Но я твердо усвоил, что надо подниматься и идти дальше. Идти дальше. Этому учит меня мой опыт».

На страницах его мемуаров описывается провинциальный паренек, который поднимается по ступеням единственной иерархии, существующей в его стране, — иерархии тирании. Не ища себе оправдания, Михаил Горбачев пишет о своем несравненном даре брать верх над старыми партийными лидерами, прикидываясь, что слушает их наставления, о своей всегдашней готовности поступиться собственным мнением и сдержать смех в присутствии одряхлевших «старших товарищей». Горбачев один за другим приводит эпизоды, где он льстит Брежневу, который к тому времени уже настолько впал в старческое слабоумие, что не способен был не то что родить мысль, но даже ясно высказать ее. Он вспоминает, что в 1982 году Андрей Кириленко, один из «кремлевских старцев», согласился выйти на пенсию лишь после того, как ему было обещано оставить дачу и другие блага, а когда пришло наконец время написать заявление, он со слезами на глазах попросил Андропова сделать это за него — самому Кириленко было уже не под силу удержать перо в руке.

«Боже мой! Я не обо всем мог написать... Но Кириленко!.. — сотрясаясь от хохота, сказал мне Горбачев. — Он двух слов связать не мог! Это создавало некоторые — как бы сказать — проблемы. Я думаю, что когда мы сейчас оглядываемся на все это, то просто и представить себе такого не можем».

Язык был основой прежнего строя. Коммунистическая партия контролировала язык полностью (запрещая книги тех или иных писателей, вводя «новояз», на котором изъяснялись официальные лица и СМИ) и, уподобясь Творцу Вседержителю, твердь называла небом, а сушу землею, всему давая имя. То, что Брежнев не способен был говорить отчетливо и связно, лучше всего символизировало упадок режима. И когда в 1985 году пришедший к власти Михаил Горбачев заговорил бойко и плавно, он создал иллюзию того, что режим, вновь во всеоружии своих достоинств, способен будет выразить себя, воскреснуть и продлиться.

Самую значительную речь в пору своего пребывания у власти Горбачев произнес в ноябре 1987 года по случаю 70-й годовщины большевистской революции. Привычными оборотами — теперь они мучительно режут ухо — клянясь в своей верности ленинской теологии, он вновь поднял антисталинскую тему, впервые затронутую Хрущевым в так называемом «секретном докладе» 1956 года. Михаил Горбачев назвал сталинский режим «преступным» и в дальнейшем отталкивался от этого определения. Хотя он тут же вновь вознес акафист Ленину, словом не обмолвясь о многочисленных зверствах, сотворенных по его приказам, слово было сказано — публично, на транслируемом по телевидению форуме, Горбачев открыл историю Советского Союза — а значит, и его политическую систему — для критики, для вопросов и для сомнений. Вопреки его собственным намерениям воскресить и обновить систему, «пошел процесс» ее гибели.

Теперь он готов произнести все, что угодно. Не так давно, встретившись с Горбачевым в Нью-Йорке на приеме по случаю выхода американского издания его книги, я упомянул, что непосредственно перед его мемуарами прочел работу «Неизвестный Ленин», которая состоит из писем, телеграмм, циркуляров, до сей поры хранившихся в секретных архивах. Эти документы выставляют Ленина в самом черном свете — он кровожаден, он склонен к заговорам и подозрителен по отношению к своим ближайшим соратникам. Он постоянно требует расстреливать противников («чем больше, тем лучше») и без промедления высылать за границу писателей и редакторов, которые высказывают ошибочные взгляды.

«Могу сказать лишь, что жестокость Ленина породила много сложностей, — говорит Горбачев. — Если бы Россия продолжала двигаться путем Февраля, путем политического плюрализма, ситуация была бы совершенно иной. Россия в конце прошлого и в начале нынешнего столетий очень динамично развивалась, и, пойди русские тогда другим путем, мы жили бы теперь гораздо лучше».

Какое замечательное признание! Человек, который стремился занять высшее положение в партии и достиг своей цели, теперь заявляет, что жизнь в России была бы легче, если бы двух идолов, которым он поклонялся всю жизнь — Ленина и Октябрьской революции, — не существовало бы вовсе! И страна расцвела бы, окажись у вождей буржуазной февральской революции достаточно сил, чтобы предотвратить выступление большевиков, и сделать так, чтобы Россия развивалась более или менее синхронно с демократическим капиталистическим Западом.

Если это прозрение, то оно пришло к Горбачеву слишком поздно. С новыми или старыми взглядами он никогда не станет пророком в своем отечестве. Менее одного процента голосов на президентских выборах стали убедительным аргументом даже для него самого.

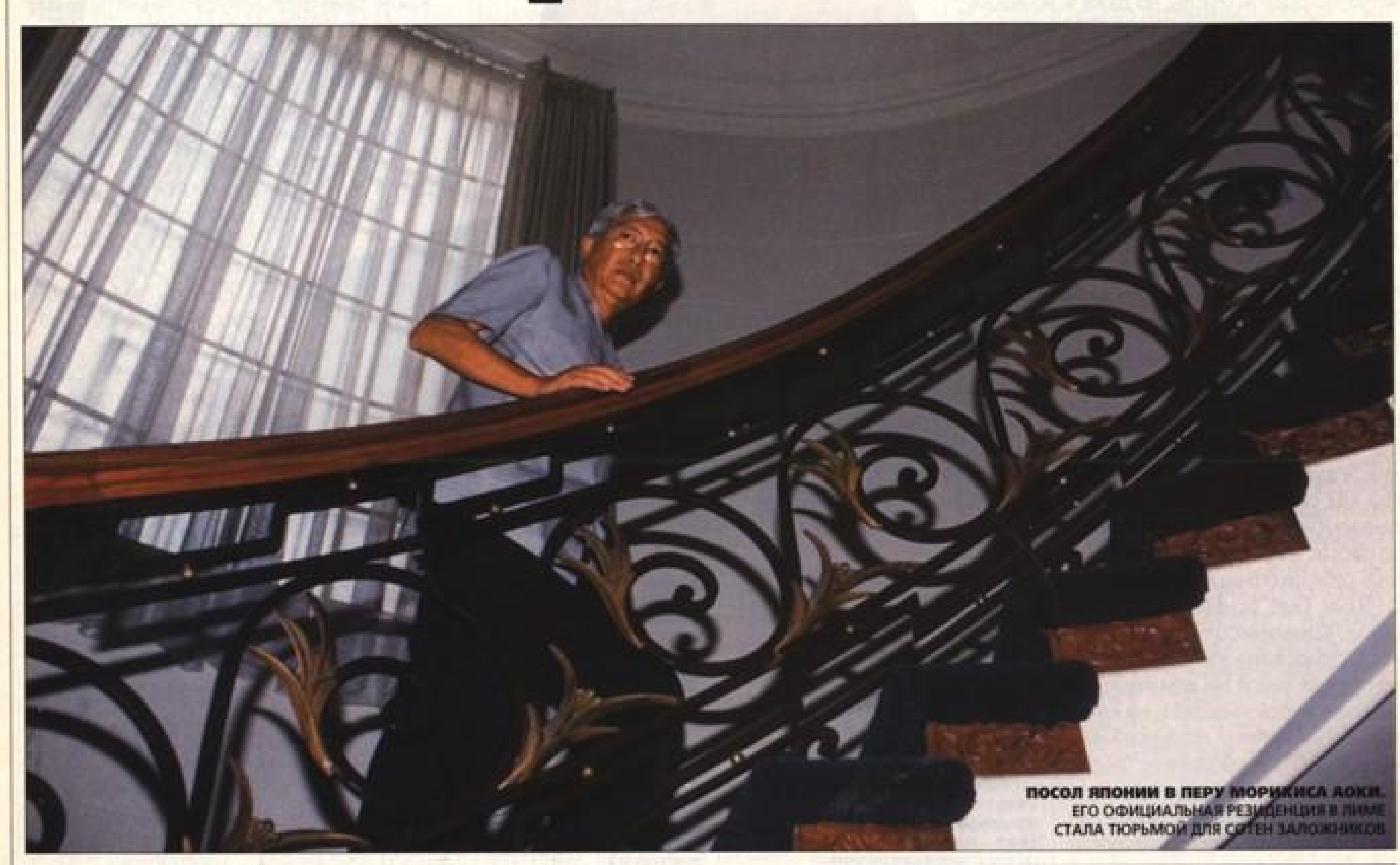
«Это судьба всякого лидера, задумавшего преобразовать свою страну, — говорит он. — Кто-то из великих сказал, что счастливых реформаторов не бывает. Многие начинали с реформ, а кончали реакцией. Русский царь Александр I приблизил к себе либерала Сперанского, а потом сменил его на мракобеса Аракчеева. Ту же эволюцию проделал Наполеон. Каждый реформатор, реализуя свои идеи, приводит в действие новые пружины, высвобождает новые силы. И неизбежен его конфликт с современниками — и прежде всего с теми, кто стоит у власти и не желает поступаться ею. Это еще больше осложняет дело. Вспомните Французскую революцию. Многие сейчас проклинают Октябрь 1917-го, но ведь Французская революция была явлением еще более сложным. Робеспьера всего за день до казни восторженно приветствовал народ, а назавтра его гильотинировали. Таков удел политиков, которые взваливают на себя бремя реформ и пытаются потом ввести революционный поток в берега, повлиять на новые течения и тенденции, ими же и вызванные к жизни. Такие люди не просчитывают своих ходов». ■

2 МАРТА 1931 ГОДА — РОДИЛСЯ В СЕЛЕ ПРИВОЛЬНОМ НА СТАВРОПОЛЬЕ В СЕМЬЕ КРЕСТЬЯНИНА.
1950 — ОКОНЧИЛ ШКОЛУ И ПОСТУПИЛ НА ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ.
1955—1985 — НА ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ.
1985 — ИЗБРАН ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ЦК КПСС. ПРОВОЗГЛАШАЕТ ЛОЗУНГИ «УСКОРЕНИЕ» И «ПЕРЕСТРОЙКА».
1986 — ВОЗВРАЩАЕТ ИЗ ССЫЛКИ АКАДЕМИКА АНДРЕЯ САХАРОВА.
1987 — НА ОКТЯБРЬСКОМ ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС ВПЕРВЫЕ ГОВОРИТ О ПРЕСТУПНОЙ РОЛИ СТАЛИНИЗМА.
1988 — ВЫДВИГАЕТ ЛОЗУНГ «ГЛАСНОСТЬ».
1989 — ВО ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ С ПРЕЗИДЕНТОМ США ДЖОРДЖЕМ БУШЕМ ВПЕРВЫЕ ЗАЯВЛЯЕТ, ЧТО СССР ГОТОВ НЕ РАССМАТРИВАТЬ США КАК СВОЕГО ВОЕННОГО ПРОТИВНИКА.
25 МАЯ 1989 — ИЗБРАН ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР.
1990 — ИЗБРАН ПРЕЗИДЕНТОМ СССР.
1991 — ПОДПИСЫВАЕТ СОГЛАШЕНИЕ С ЕЛЬЦИНЫМ И ЛИДЕРАМИ ЕЩЕ 8 РЕСПУБЛИК О СОВМЕСТНОЙ РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТА НОВОГО СОЮЗНОГО ДОГОВОРА.
АВГУСТ 1991 ГОДА — ПОПЫТКА СВЕРЖЕНИЯ ГОРБАЧЕВА ПУТЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА.
25 ДЕКАБРЯ — ОБЪЯВЛЯЕТ ОБ УХОДЕ С ПОСТА ПРЕЗИДЕНТА СССР
В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ — ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ФОНДА ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ГОРБАЧЕВ-ФОНД)

Дэвид Ремник — штатный сотрудник журнала «Нью-Йоркер». Удостоен Пулитцеровской премии за книгу «Могила Ленина» об истории России эпохи перестройки. В настоящее время в печати находится его вторая книга «Возрождение» о России после 1991 года.

* Все цитаты приведены в обратном переводе с английского языка. — **«Итоги»**.

Кошмарный месяц в Лиме

ПОСОЛ ЯПОНИИ В ПЕРУ МОРИХИСА АОКИ. ЕГО ОФИЦИАЛЬНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ В ЛИМЕ СТАЛА ТЮРЬМОЙ ДЛЯ СОТЕН ЗАЛОЖНИКОВ

Гости, собравшиеся на званый вечер в японском посольстве в Перу, оказались заложниками у террористов. Некоторые из них провели «в заключении» целый месяц

Брук Лармер

(Newsweek)

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

ПРОШЕЛ УЖЕ ПОЧТИ МЕСЯЦ С ТОГО ДНЯ, КАК перуанские повстанцы явились нежданными гостями на самый пышный прием в Лиме — на званый вечер в честь японского императора Акихито в японском посольстве. Престижное светское мероприятие обернулось самым черным Новым годом в жизни многих дипломатов и других высокопоставленных лиц, многие из которых до сих пор удерживаются в качестве заложников террористами из «Революционного движения имени Тупака Амару » (известного в испанской аббревиатуре как MRTA). Корреспондент «Ньюсуика», встречавшийся с освобожденными пленниками и членами правительства, полицейскими и военными, собрал воедино полученную информацию и попытался представить события так, как их пережили пленники повстанцев.

Захват. 17 декабря в 20 час. 14 мин. в саду резиденции японского посла в Лиме собралось свыше 500 гостей. Они спокойно потягивали виски, лакомились суши (рыбное блюдо японской национальной кухни. — **«Итоги»**), обменивались сердечными приветствиями — и никто еще не подозревал о том, что карета «скорой помощи» уже привезла два десятка людей в пустой дом по соседству. Через секунду раздался мощный взрыв — праздничное веселье тут же стихло. Как и большинство гостей на приеме, редактор газеты Мануэль Ромеро Каро решил было, что взорвалась бомба, подложенная в один из автомобилей на улице, но тут он заметил людей с автоматами, перелезавших через остатки стены с криками «Да здравствует MRTA!». Повстанцы из «Революционного движения имени Тупака Амару» взорвали стену и в полном боевом снаряжении ворвались на прием. Завязалась перестрелка между повстанцами и полицией, и до смерти перепуганные гости бросились на землю.

Когда стрельба прекратилась, повстанцы повели заложников в здание резиденции посла, а их главарь (позже выяснилось, что его имя Нестор Серпа Картолини) стал сверять имена своих пленников со списком приглашенных. Перекличка превзошла самые смелые ожидания террористов: 35 японских бизнесменов, восемь военных и полицейских генералов (в их числе руководители служб разведки и борьбы с терроризмом), семь иностранных послов, шесть членов парламента, пять членов Верховного суда, три близких родственника президента Перу и два министра. Из упомянутых в списке отсутствовал лишь один человек. Это был президент Перу Альберто Фухимори. Он был приглашен, но на прием не явился.

Страх. Самыми страшными для заложников были первые 48 часов. Когда террористы, вооруженные гранатами, взрывчаткой, противотанковыми гранатометами и автоматами, стали «рассортировывать» своих пленников по важности и роду занятий, многие запаниковали. Некоторые офицеры и конгрессмены стали рвать свои документы, а пластиковые удостоверения личности пытались спускать в унитаз. (Последняя идея оказалась неудачной, т.к. унитаз засорился и карточки всплыли.) В первую ночь один из заложников, сотрудник президентской охраны, сплел из собственного белья нечто вроде веревки и сумел сбежать — в этот момент террористы как раз освобождали официантов. На другой день мэр Лимы выпрыгнул из окна ванной комнаты на третьем этаже и тоже сумел покинуть посольство. В обоих случаях террористы заметили убегающих, но стрелять не стали.

Тем не менее оставшимся было чего бояться. Утром на второй день заточения, когда все ждали начала полицейского штурма, молодой повстанец вошел в комнату на третьем этаже, где террористы удерживали 25 армейских офицеров, и обратился к генералу Карлосу Домингесу Солису, который ранее возглавлял отдел по борьбе с терроризмом в полиции Перу. «Позвони своим приятелям-ге-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ПОЛИЦИЯ СТЕРЕЖЕТ ТЕРРОРИСТОВ — А ТЕ ПОКА НЕ СОБИРАЮТСЯ ВЫХОДИТЬ (ВВЕРХУ). **1 ЯНВАРЯ ПОВСТАНЦЫ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВЫПУСТИЛИ ПАРТИЮ ИЗ СЕМЕРЫХ ЗАЛОЖНИКОВ.** В ЦЕНТРЕ — **МИШЕЛЬ МИННИГ** ИЗ КРАСНОГО КРЕСТА, СПРАВА — ПОСРЕДНИК МЕЖДУ ТЕРРОРИСТАМИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ПЕРУ ЕПИСКОП **АЯКУЧО СИПРИАНИ**

нералам и скажи, чтобы к полудню отодвинули полицейских на 100 метров, — предупредил он, — а то тебя первого кончим». Домингес позвонил, полицейских отодвинули, а вместе с ними и 28 карет «скорой помощи».

За все это время никто из заложников серьезно не пострадал. Погиб только Осо, щенок принадлежащей послу Японии овчарки Эммы. Он подорвался на мине на заднем дворе посольства. (Взрыв был заснят и показан по телевидению. Многие даже решили в этот момент, что начался штурм резиденции правительственными войсками.)

Герой и хозяин. Уже в самые первые минуты, когда растерявшиеся полицейские обстреливали резиденцию гранатами со слезоточивым газом, двое из заложников пытались успокоить и организовать остальных. Газ еще не рассеялся, а Мишель Минниг, новый глава представительства Международного комитета Красного Креста в Перу, уже представился и предложил свои услуги посредника в этой кризисной ситуации. «Это вышло само собой, — объяснял он позже корреспонденту «Ньюсуика», — в этом не было ничего героического, ничего заранее заготовленного». Вскоре «спасатель» из Швейцарии уже кричал что-то в мегафон, ведя переговоры с полицией. Минниг переговорил с террористами, затем с полицией и в течение трех часов сумел договориться об освобождении 280 женщин и пожилых людей, в числе которых были мать и сестра президента Фухимори. В течение следующих трех недель Минниг умудрялся обеспечивать заложников едой, водой, медикаментами и — что самое главное — походными туалетами. Именно через него общались MRTA и Фухимори. За это время он помог освободить еще несколько десятков человек; после этого в резиденции посла осталось всего 74 заложника.

Среди тех, кто остался, — посол Японии Морихиса Аоки, хозяин злополучного приема. Каждый день этот высокий седовласый дипломат навещает всех товарищей по несчастью, приносит им свои извинения и предлагает помощь, чтобы облегчить их участь. Аоки раздал практически все свои сигареты, одежду и одеколон. «Он раздает все свои личные вещи, как будто приносит покаяние», — сказал освобожденный после пяти дней заключения перуанский парламентарий, представитель оппозиции Хавьер Диес Кансеко. 30 декабря, на тринадцатый день пленения, Аоки даже спел для заложников, и это вызвало столь бурные овации, что репортеры, которые постоянно дежурят у ограды резиденции, были немало изумлены. Но щедрость Аоки не беспредельна. В какой-то момент он признался одному из заложников: «Я понимаю, когда люди пользуются моими рубашками, кремом для бритья, даже моим одеколоном. Но пользоваться моей зубной щеткой! Это уж слишком!»

Не падать духом. Когда миновали первые дни, стало ясно, что самое тяжелое в положении заложника — это невозможность ни на секунду расслабиться... и скука. Внизу читать было нечего, разве что песенный сборник караоке, японское издание «Ньюсуика» и сборник рецептов французской кухни. Тоширо Кониши, японец, владелец ресторана в Перу, которого продержали заложником пять дней, шутит: «Мы любили рассматривать картинки в кулинарной книге, мусоля свои жалкие куски хлеба». Наверху заложники, развалясь на подушках, смотрели по телевизору новости или футбол — но только когда две женщины-террористки отрывались от своей любимой мыльной оперы, очередной «Марии». Слегка шевельнув стволом своих «Калашниковых», завороженные сериалом, девицы без труда удерживали заложников от естественного желания переключить канал.

Анатомия террора

На дипломатическом приеме в японском посольстве в Перу присутствовали более 500 высокопоставленных лиц; раздался взрыв, и через несколько секунд все они превратились в заложников.

1. 17 декабря в 8 часов вечера около 20 повстанцев взорвали стену, окружавшую территорию японского посольства.
2. Одна группа террористов, вооруженных гранатами и огнестрельным оружием, расправляется с охраной у ворот.
3. Другая группа направляется к тенту, под которым проходит прием, и берет в заложники всех присутствующих.
4. Около 11 часов ночи отпускают женщин и пожилых людей, остальных рассредоточивают в здании посольства.

ВТОРОЙ ЭТАЖ
Здесь содержатся армейские офицеры и парламентарии
Здесь содержат дипломатов и парламентариев
Здесь держат членов Верховного суда и японских бизнесменов
Лестничная площадка
Ванная комната
Спальня посла
Ограда территории посольства заминирована изнутри по всему периметру
Служебный двор
Служебные помещения
ПЕРВЫЙ ЭТАЖ
Кухня
Столовая
Гостиная
Остальные заложники
Здесь заложники проводят свои «семинары»
Лестничная площадка
Здесь собираются заложники, чтобы посмотреть телевизор. Эта же комната используется террористами как штаб
Гараж
Колумбия
Венесуэла
Эквадор
Перу
Лима
Бразилия
Боливия
Тихий океан
Парагвай
Чили
Аргентина
Уругвай

ГРАФИК ОСВОБОЖДЕНИЯ ЗАЛОЖНИКОВ

18 дек.	9	26 дек.	1
20 дек.	38	28 дек.	20
22 дек.	225	31 дек.	3
24 дек.	1	1 янв.	7
25 дек.	1		

Список развлечений на этом не кончался. Серпа, например, всегда выказывал готовность поделиться своими взглядами на политику и на положение заключенных в тюрьмах. Но слушать это тоже быстро наскучило. В столовой, где обитали 42 человека, Ромеро Каро, главный редактор одной из перуанских газет, организовал регулярные часовые семинары, в ходе которых заложники рассказывали что-нибудь по своей специальности, от экономики и организации выборов до — в случае с Кониши — тонкостей андской и японской кухни. А служащий перуанской страховой компании привлек всеобщее внимание своим докладом о нюансах страхования от киднеппинга. Заложники даже поставили специального человека «на шухере» у двери, чтобы террористы не подслушивали. После семинаров заложники расслаблялись и рассказывали анекдоты. «Мы старались шутками снять напряжение», — говорит Франсиско Сагасти, эксперт по строительству, один из отпущенных заложников. Когда повстанцы в канун Нового года выпустили аргентинского генерального консула Хуана Антонио Ибанеса, заложники лишились своего самого остроумного товарища.

УПАКОВКА ПРОДУКТОВ ДЛЯ РОЖДЕСТВЕНСКОГО СТОЛА 104 ЗАЛОЖНИКОВ. ЗДЕСЬ ЖЕ И ЛЕКАРСТВА — У МНОГИХ ИЗ НИХ ОБОСТРИЛИСЬ ХРОНИЧЕСКИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Праздник вдали от дома. Чувство солидарности помогло заложникам пережить два праздника в этих адских условиях. Из-за перуанской летней жары в дневное время второй этаж посольства превращается в настоящую сауну. Но и прохладные ночи переносятся ненамного легче, поскольку большинству заложников не хватает одеял. Некоторые кутаются в пластиковые пакеты для мусора. Но по-настоящему кафкианский оттенок всему происходящему в течение этих долгих недель придает постоянная вонь из-за проблем с уборной. Мало того, что унитаз все время засоряется, — давно кончилась туалетная бумага, и несчастные вынуждены использовать для известных целей телефонный справочник «Лимские желтые страницы».

Но все же Рождество наступило, и на столе была жареная индейка, присланная дочерью Фухимори Кейко. Епископ Аякучо Хуан Луис Сиприани, принявший от Миннига эстафету посредника между повстанцами и правительством, отслужил мессу. «Это было настоящее Рождество, — свидетельствует посол Гондураса Хосе Эдуардо Мартел, освобожденный в канун Нового года. — Мы были лишены хлопот с подарками, но зато у нас было чувство почти семейной солидарности».

Милые террористы? Проведя столько времени бок о бок со своими тюремщиками, заложники начали испытывать к террористам что-то вроде симпатии. «Тупаки» по-прежнему выглядят, как «ходячие бомбы»: один из них как-то случайно обронил гранату, и несколько десятков заложников тут же бросились на пол и прикрыли головы. В то же время повстанцы, особенно сам Серпа и его молодой помощник по кличке Араб, стараются быть вежливыми и приветливыми. (Чего нельзя сказать про третьего главаря по имени Тито, но, может быть, тому виной пуля, засевшая в его ноге во время перестрелки в первую ночь.) Серпа позволял заложникам пользоваться сотовыми телефонами, пока не сели батарейки, но искренне развеселился, когда Аоки не мог соединиться с Фухимори. «Эх, господин посол, а вы еще поддерживали Фухимори на выборах, столько денег ему дали. Что вы теперь скажете о своем дружке?» Судя по всему, Серпа настроен балагурить, а не убивать; его речи — каша из левацких заявлений и прагматичной экономики. Но по одному вопросу он высказался совершенно определенно. Одному из заложников он сказал: «Послушай, мы пришли сюда физически и морально готовыми к длительной осаде, а вы все явились на коктейль». ■

Фото SIPA/SEL

Итоги 14 января 1997

Рождественский триллер

Высокопоставленные посетители резиденции японского посла в Лиме попали в плен к партизанам, о существовании которых сами перуанцы уже подзабыли

Анатолий Сосновский

ДЕКОРАЦИИ

Рождественский триллер, который наверняка войдет в историю мирового терроризма XX века, начался короткой и ожесточенной перестрелкой террористов с полицией. После нее представители «Революционного движения имени Тупака Амару» потребовали освобождения из тюрем свыше 400 своих товарищей и прибытия для переговоров лично президента Фухимори. В противном случае они обещали поочередно расстреливать высокопоставленных заложников, начиная с министра иностранных дел Перу Франсиско Туделы.

Впрочем, уже на следующий день — 18 декабря — партизаны поняли, что ожидать безоговорочного выполнения этих требований не приходится. Они начали переговоры с официальным представителем правительства министром образования Доминго Палермо (по слухам, реальным посредником стал не он, а личный друг Фухимори епископ Хосе Луис Сиприани). К Новому году в руках партизан оставалось 74 человека (более 300 было освобождено), в том числе лишь два иностранных дипломата: послы Боливии (где сидят в тюрьме несколько партизан) и Японии. С тех пор ситуация практически не меняется — видимо, правительства Перу и Японии (чьей территорией считается резиденция посла) с одной стороны, и партизаны — с другой исчерпали лимит взаимных уступок.

Кто под прицелом: Япония или Фухимори?

Захват заложников в посольствах можно считать классикой мировой террористической практики (см. досье), однако выбор в качестве мишени именно резиденции японского посла был продиктован отнюдь не случайным стечением обстоятельств.

После сенсационной победы на президентских выборах в 1990 году сына японских иммигрантов Фухимори торгово-экономические и политические связи Перу и Японии переживают бурный рост. Перуанский президент нанес шесть официальных визитов на родину предков — больше, чем любой его латиноамериканский коллега. Токио стал вторым после США финансовым донором для богатого сырьевыми ресурсами, но пораженного язвами нищеты, терроризма, коррупции, наркобизнеса государства. Японская помощь Перу за годы правления Фухимори выросла впятеро. Страна восходящего солнца ежегодно предоставляет своему привилегированному южноамериканскому партнеру несколько сот миллионов долларов в виде льготных кредитов, импортирует более чем на 500 миллионов долларов в год сырья из Перу, содействует попыткам Фухимори (пока безуспешным) пробиться в ряды Организации азиатско-тихоокеанского сотрудничества. Любопытно, что сотрудничество Лимы и Токио экономикой не ограничивалось: чего стоит одна только высылка из Перу в июне 1996-го боевиков левацкой «красной армии Японии», которые пытались реанимировать полуразгромленную перуанскую герилью.

В свою очередь Токио (в отличие, скажем, от европейских столиц) со сдержанным одобрением отреагировал на решение президента ограничить действие конституции в 1992 году ради борьбы с, казалось бы, всемогущей маоистской группировкой «Сендеро Луминосо». Не вызвала особых эмоций и перекройка конституции во имя переизбрания Фухимори на очередных президентских выборах в 1995 году, которые он выиграл уверенно, но, по мнению международных наблюдателей, отнюдь не безукоризненно. Все это, как считают в Латинской Америке, вполне могло побудить перуанских и японских левых экстремистов остановить свой выбор именно на резиденции японского посла.

Впрочем, сами захватившие заложников партизаны объясняют свои действия в иных терминах. Прежде всего они хотели бы привлечь внимание мировой общественности к «бесчеловечным условиям содержания политзаключенных и военнопленных» (партизан) в местных тюрьмах. Что же касается политического романа между Лимой и Токио, то последователи Тупака Амару квалифицируют его как «постоянное вмешательство Токио во внутренние дела страны». При этом они считают режим Фухимори «диктатурой, замаскированной под демократию», которая практикует «государственный терроризм и убивает народ голодом».

Можно по-разному относиться к политическому анализу, предложенному перуанскими леваками, однако фактом является то, что в справедливости первого из их требований никто в мире не сомневается. Бунты заключенных и кровавые расправы охраны над ними в перуанских тюрьмах десятилетиями фигурируют в докладах международных правозащитных организаций. Кроме того, в действиях лидера партизан Нестора Серпы присутствуют и личные мотивы — среди осужденных на пожизненное заключение находится и его жена, уже 10 лет отбывающая срок в тюрьме особого режима города Пуно. Эта деталь — лишь одно из звеньев порочного круга взаимного насилия элит и низов.

При этом захват заложников в Лиме вряд ли стоит считать предвестником новой эскалации партизанской войны. Скорее это жест

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ СЧАСТЛИВЧИКОВ, ОТПУЩЕННЫХ ТЕРРОРИСТАМИ ИЗ ЗАХВАЧЕННОЙ РЕЗИДЕНЦИИ ЯПОНСКОГО ПОСЛА (СЛЕВА)

ВЛАСТИ ОСУЖДАЮТ РАСТОРОПНОСТЬ ЖУРНАЛИСТОВ, СУМЕВШИХ ПОБЕСЕДОВАТЬ С ЛИДЕРОМ БОЕВИКОВ ДО РАЗРЕШЕНИЯ КРИЗИСА. ТЕМ ВРЕМЕНЕМ ВЕСЬ МИР ЗАЧИТЫВАЕТСЯ ИХ РЕПОРТАЖАМИ, А ТЕРРОРИСТЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПОЗИРУЮТ ПЕРЕД ФОТОКАМЕРАМИ

ДОСЬЕ

Заложник — оружие леворадикалов

Если в далекие годы карбонариев и «Народной воли» целями бомбистов были отдельные высокопоставленные, в том числе царственные, особы, то сегодняшние экстремисты взрывают ни в чем не повинных пассажиров авиалайнеров, метро, автобусов, берут в заложники детей, рожениц, послов дружественных стран. Вот хроника крупнейших захватов заложников леворадикалами.

21 декабря 1975 года. Вена (Австрия). 70 человек, в том числе 11 министров стран—членов ОПЕК, взяты в заложники отрядом движения «Рука арабской революции», которым руководил венесуэлец Карлос (Ильич Рамирес Санчес по кличке Шакал). В перестрелке погибло 3 человека. 23 декабря, после того как Алжир и Иран согласились выплатить выкуп, отряд укрылся в Алжире и освободил заложников.

23 мая 1977 года. Нидерланды. Два отряда бойцов фронта за независимость южных Молуккских островов (Индонезия) захватили 54 пассажира скорого поезда Амстердам—Гронинген и школу в Бовенсмильде, в которой находилось 105 учащихся и шесть преподавателей. Спустя 19 дней заложники были освобождены, в ходе операции погибли двое заложников и шесть террористов.

22 августа 1978 года. Манагуа (Никарагуа). Бойцы Сандинистского фронта освобождения захватили здание парламента, взяв в заложники 400 человек, в том числе 60 депутатов парламента. Погибли 14 человек. 24 августа правительство пошло на уступки повстанцам, которые освободили заложников и выехали в Панаму, где попросили политическое убежище.

27 февраля 1980 года. Богота (Колумбия). Боевики из движения «М-19» ворвались в доминиканское посольство и взяли в заложники 56 человек. 27 апреля после освобождения последних заложников отряд нападавших нашел убежище на Кубе.

11 сентября 1982 года. Сан-Педро-Сула (Гондурас). Повстанцы освободительной армии захватили здание Торговой палаты, взяв в заложники 105 человек. После их освобождения отряд нападавших укрылся в Панаме.

12 мая 1984 года. Сан-Сальвадор (Сальвадор). 5 бойцов «Фронта Клары Елизабет Рамирес» (одной из группировок фронта имени Фарабундо Марти) взяли в заложники 73 человека. Операция по освобождению заложников обошлась без жертв.

6 ноября 1985 года. Богота (Колумбия). Бойцы «М-19» оккупировали здание Дворца правосудия, взяв в заложники более 400 находившихся там человек. На следующий день полицейские при поддержке армейских частей предприняли штурм в ходе которого более 100 человек погибло и заложники были освобождены.

отчаяния зажатого, как в тисках, жесткими полицейскими акциями и теряющего почву под ногами из-за меняющейся социально-экономической реальности страны и утраты собственных (марксистских) идеологических ориентиров перуанского леворадикального движения. Нечто подобное происходит и в других странах Латинской Америки: последними примерами служат недавнее прекращение 30-летней партизанской войны в Гватемале и переход большей части колумбийской герильи от военных к политическим формам борьбы. Тем не менее в перуанском случае есть и своя специфика.

Потомки Тупака Амару выходят из тени

Перу — страна жестоких социальных контрастов и подспудной расовой напряженности между составляющим элиту общества европейским и японским меньшинством и подавляющим (около 80 процентов) большинством индейцев и метисов. Российской публике атмосфера «перуанской пороховой бочки» знакома по романам писателя Марио Варгаса Льосы (кстати, соперника Фухимори на выборах 1990-го от правых консерваторов).

Вплоть до начала 90-х годов все попытки реформировать крайне коррумпированную — даже по латиноамериканским стандартам — перуанскую политическую систему разбивались о сопротивление местной элиты. Так было при консерваторах и либералах, при социалистах и военных. Как признавались в 80-е годы в приватных беседах местные политики и американские экономисты и политологи, перуанская ситуация казалась тупиковой, а сама страна — «не поддающейся реформированию».

На этом фоне имеющее давние корни повстанческое движение достигло небывалых масштабов. В селах оно опиралось на связанное традицией круговой поруки индейское население, а в городах — на студентов, люмпенов трущоб Лимы и профсоюзы. По сути левая герилья стала для этих слоев единственно доступной формой политической борьбы за свои права. Свидетельством тому — беспрецедентная по массовости поддержка партизан сельским населением: в 80-е годы революционные группировки стали фактически параллельной властью в ряде горных районов Перу.

Самую громкую известность в те времена получила маоистская группировка «Сендеро Луминосо» («Светлый путь»). Сендеристы, игравшие не только на социальной риторике, но и на вековой ненависти индейского населения—«чолос» — к «белому» миру, в 80-е годы сумели добиться колоссального влияния в стране. Используя террор как основное средство убеждения, они контролировали университеты, ряд профсоюзов, местные органы самоуправления. Другие левацкие группировки, в том числе последователи Тупака Амару, в период расцвета герильи находились как бы в тени сомнительной славы «Сендеро Луминосо».

Сенсационная победа Альберто Фухимори по кличке Эль Чино (Китаец) на президентских выборах в 1990 году стала возможна именно потому, что благодаря «анкетным данным» (не белый и в то же время образованный, инженер-агроном) и редкостной хватке этот новичок в перуанских политических джунглях в корне изменил правила игры. Он заставил поверить в себя и массу крестьян-метисов, и ту часть белой военно-политической элиты, которая любыми средствами хотела вытащить Перу из перманентного кризиса,засилья терроризма и партийно-кокаиновой мафии. Жесткая, последовательная, хотя и неразборчивая в средствах политика Фухимори позволила не только обеспечить Перу невиданный за два последних десятилетия экономический рост (в 1992 — 1994 годах прирост ВВП исчислялся двузначными цифрами). Фактически предоставив карт-бланш военным и не церемонясь с конституционными правами, он разгромил казавшуюся непобедимой «Сендеро», перед которой трепетали перуанские спецслужбы. Все руководство движения во главе с лидером террористов Абимаэлем Гусманом оказалось за решеткой.

Досталось и младшим братьям «сендеристов». Созданное в 1984-м и второе после «Сендеро» по численности (до 1000 бойцов в лучшие времена) «Революционное движение имени Тупака Амару» (РДТА) к 1992 году потеряло в боях несколько сот боевиков, а около 400 его членов вместе со своим лидером Виктором Полаем попали в тюрьмы. Остальные «легли на дно». По оценкам экспертов, РДТА уже не представляло опасности (действовали якобы всего 30—40 партизан). Никто не мог и предположить, что возглавивший оставшихся на свободе партизан бывший профсоюзный лидер Нестор Серпа сумеет организовать столь масштабную акцию. События последних недель показали, однако, что слухи о кончине перуанской герильи сильно преувеличены.

НА СЕЙ РАЗ **СПЕЦАМ ИЗ ПЕРУАНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ**, КОТОРЫЕ РАЗГРОМИЛИ ВСЕСИЛЬНУЮ «СЕНДЕРО ЛУМИНОСО» В 1992–1993 ГГ. (ВНИЗУ), ПРОТИВОСТОЯТ НЕ ТОЛЬКО ПОВСТАНЦЫ. **ЖИТЕЛИ ЛИМЫ МОЛЯТСЯ** О ТОМ, ЧТОБЫ РЕШЕНИЕ БЫЛО МИРНЫМ

К тому же партизаны неплохо овладели искусством public relations и стали ориентироваться в своих акциях не столько на осязаемый результат (выкуп, освобождение товарищей и т.п.), сколько на пропагандистский эффект. Захватив занимающую целый квартал посольскую резиденцию, они тут же принялись распространять по Интернету свой ежедневный бюллетень, организовали через своего пресс-секретаря в Гамбурге интервью мировым телеканалам. Они даже умудрились прорвать организованную спецслужбами блокаду захваченной резиденции и устроили в ней 31 декабря импровизированную пресс-конференцию своего лидера и захваченного японского посла для группы иностранных журналистов. Все это вызвало ярость президента Фухимори: в результате большинство отвечавших за антитеррористическую деятельность чинов, включая попавших в заложники генералов, лишилось своих постов.

Тем не менее при всех пропагандистских успехах партизан ясно, что им не удастся сломить волю перуанского и японского правительств. Заключенные террористы останутся за решеткой (что вызвало бурное одобрение США). В Лиме прошли демонстрации в поддержку Фухимори, и, если не произойдет чего-то ужасного (вроде массовой гибели заложников в результате штурма в стиле Буденновска), то ни авторитет президента, ни японско-перуанские связи, ни даже привлекательность Перу для иностранных инвестиций не пострадают.

Сами же партизаны в лучшем случае могут рассчитывать лишь на беспрепятственный отъезд из страны и, как настойчиво поговаривают японские СМИ, на выкуп в несколько десятков миллионов долларов от крупных корпораций, сотрудники которых оказались в плену. Кстати, подыскать убежище для них будет нелегко, поскольку Куба, всегда служившая идеологическим маяком для РДТА, не горит желанием посредничать в разрешении кризиса (тем более что кубинский посол сам побывал в заложниках).

Как бы то ни было, пока хранящему молчание Фухимори удается сдержать стремление своих генералов покончить с проблемой заложников штурмом посольства. Скорее всего и заложники, и партизаны должны благодарить японское правительство, не давшее согласия на штурм, за сдержанность, столь нетипичную для латиноамериканских правительств. Однако перуанский президент вряд ли выполнит требования партизан: это будет означать для него если не политическую смерть, то утрату безоговорочной поддержки военных и, само собой, оживление повстанческого движения. С другой стороны, затяжной кризис с заложниками все больше привлекает внимание в стране и за рубежом к нерешенным социально-экономическим проблемам Перу, хроническим нарушениям элементарных прав человека, напоминает о проигранном пограничном конфликте с Эквадором в 1995-м. К тому же бурный рост перуанской экономики в последнее время сменился стагнацией, вызванной необходимостью расплачиваться по взятым страной в начале 90-х годов кредитам.

Кстати, тот факт, что и террористам, и правительству так долго удавалось удерживаться в цивилизованных рамках, заслуживает особого внимания. Именно в этой взаимной сдержанности и настойчивых попытках найти выход из кризиса — основная ценность уроков перуанского триллера для России, которая явно не к месту попыталась публично (устами своего президента) продемонстрировать мускулы. Слава Богу, такая помощь осталась невостребованной...

Новояпонская защита

Токио в поиске высоких политических технологий

ЯПОНСКИЙ РЕПОРТЕР, ПРОРВАВШИСЬ ЧЕРЕЗ ПОЛИЦЕЙСКИЕ КОРДОНЫ, УСТРЕМЛЯЕТСЯ К ОСАЖДЕННОМУ ПОСОЛЬСТВУ. ЕСЛИ БЫ ДИПЛОМАТИЯ ТОКИО БЫЛА СТОЛЬ РАСТОРОПНОЙ...

Константин Саркисов

ЗА КУЛИСАМИ

КРИЗИС С ЗАЛОЖНИКАМИ В ПЕРУ, ПОХОЖЕ, подтвердил правоту тех, кто скептически относится к претензиям послевоенной Японии выйти на первые роли в мировой политике. В отличие от прочих международных кризисов, когда Токио имел возможность спрятаться за чужие спины и не брать на себя всю полноту ответственности, рождественская драма с заложниками потребовала самостоятельных решений и смелых ходов. Подводя ее промежуточные итоги, можно утверждать, что японская элита оказалась к этому не готова.

Этот нерасторопный МИД

Большая часть упреков сегодня адресуется внешнеполитическому ведомству за его неповоротливость и недостаточную информированность о ситуации в Перу. Хотя из 184 представительств Японии за рубежом «точка» в Лиме считалась одной из горячих, вплоть до декабрьского инцидента японские дипломаты наивно полагали, что «Революционное движение имени Тупака Амару» прекратило существование. На проходившем в Токио семинаре по проблемам борьбы с международным терроризмом (по иронии судьбы он состоялся за несколько дней до захвата заложников) об этой организации вообще не вспоминали в ряду прочих террористических организаций Латинской Америки.

Чего стоит одна только деталь: корреспонденту японской телевещательной корпорации Эн-эйч-кэй, оказывается, удалось связаться с оказавшимся в заточении японским послом значительно раньше, чем сотрудникам специального штаба при МИДе. В здании на Касумигасэки никому и в голову не пришло, что с человеком, находящимся в плену, можно связаться по сотовому телефону.

В целом же инцидент в перуанской столице воспринимается рядовыми японцами как несчастный случай, жертвой которого стала их страна. Какие-то террористы, о которых в Японии слыхом не слыхивали, захватывают заложников в резиденции японского посла. Ситуация, порожденная проблемами не только далекого континента, но и другого века, который для японцев давно прошел. И поэтому их первым желанием было откупиться от террористов и поскорее забыть о случившемся.

В отличие от японских обывателей аналитики в Токио считают, что выбор резиденции японского посла для террористической акции не случаен. Из 23-миллионного населения Перу 80 тысяч — выходцы из Японии, главным образом с Окинавы. Это потомки японских эмигрантов «первой волны», которые в начале века переселились из бедной в ту пору Японии в Латинскую Америку в поисках лучшей жизни. Многие из них давно вошли в перуанскую элиту. Таким образом, акция против режима, установленного выходцем из семьи японских иммигрантов президентом Фухимори, косвенным образом поставила под сомнение роль японцев в жизни страны.

Уступать или не уступать

Вашингтон — еще одно главное действующее лицо во всей драме. После 22 декабря, когда из захваченного посольства были отпущены все семь американцев, страсти в США несколько поостыли. Проблема для американцев приобрела другой оттенок: из борьбы за жизни соотечественников она превратилась в борьбу за принципы. Важнейший из них — никогда и ни в чем не уступать террористам, не идти на компромиссы, поскольку уступки чреваты еще большими жертвами.

Японцы же в перуанском кризисе были склонны искать компромисс, который включал бы такие элементы, как выкуп заложников и предоставление террористам права эмигрировать из Перу. В отличие от американского японский принцип гласит: «Нет ничего значительнее и ценнее человеческой жизни».

Нужно отметить, что сегодня и в самой Японии появляется все больше сторонников американского подхода, убежденных, что пытаться применять традиционную систему ценностей для разрешения международных кризисов по меньшей мере наивно. Тем более что она не всегда срабатывает и в самой Японии. Например, помощник японского премьера по внешнеполитическим вопросам Юкио Окамото, рассуждая о путях урегулирования кризиса с заложниками, провел параллель с поведением властей во время драматического землетрясения в городе Кобэ. Он напомнил, что, когда в разрушенных кварталах вспыхнули пожары, идея их погашения методом бомбового воздействия была отвергнута, потому что ее реализация повлекла бы за собой неизбежные человеческие жертвы. В результате от пожаров погибло значительно большее число людей.

Сегодня японцы вынуждены учитывать и негативное отношение мирового сообщества к их поведению в кризисных ситуациях. Им до сих пор припоминают то, как они откупились во время войны в Заливе, предпочтя заплатить 13 млрд. долларов, но не посылать туда не только солдат, но даже медиков и саперов. Хотя потом японские вспомогательные военные соединения приняли участие в миротворческих операциях в Камбодже и в других местах, войну в Заливе им припоминают до сих пор. Помнят и о том, как японские бизнесмены предпочли заплатить за одного заложника, захваченного колумбийскими леваками, 2 миллиона долларов выкупа, а за другого 700 тысяч — его, правда, им передали уже мертвым.

Японцы начинают понимать, что принцип компромисса на основе уступок террористам может иметь крайне негативные последствия именно для их страны. Отлов японских заложников может стать излюбленным занятием международных террористов.

Когда в посредниках согласья нет...

Как считают в Токио, Фухимори находится между нескольких огней. С одной стороны, он вынужден считаться с позицией перуанских военных, от поддержки которых зависит успех его реформ. А военные, по японским оценкам, настроены крайне воинственно — их сдерживает лишь то, что среди заложников много иностранцев. Будь там одни перуанцы, они наверняка уже решили бы проблему в стиле своих колумбийских коллег, уложивших два года назад при штурме захваченного террористами здания Верховного суда более ста человек, в том числе и высокопоставленных заложников. Погибших тогда объявили национальными героями, и на этом проблема была исчерпана.

С другой стороны, к осторожности перуанского президента подталкивает и японская позиция, которая явно отвергает силовое решение, если оно будет стоить хотя бы нескольких жизней. Некоторые комментаторы уже предупредили японского премьера, что в случае освобождения ценой человеческих жертв он должен будет уйти в отставку. А без японского согласия невозможно осуществление силового варианта. Ведь территория резиденции — это территория японского государства.

Кажется, японцы, как на чудо, надеются на вариант предоставления террористам политического убежища в одной из стран (чаще всего фигурирует Куба). При этом они отказались от идеи выкупа заложников. Вместо этого вполне возможно удовлетворение такого требования террористов, как улучшение условий содержания в тюрьмах их соратников. Вопрос лишь в том, пойдут ли на этот вариант сами террористы, перуанские военные и их американские консультанты. ■

Токио

Выпавшие из гнезда

Рождественский всплеск терроризма напомнил цивилизованному миру о борцах за светлое будущее, которые по-прежнему творят историю на обочине прогресса

ЭТИ БОЙЦЫ ИЗ ДВИЖЕНИЯ **«КРАСНЫХ КХМЕРОВ»**, УНИЧТОЖИВШИХ МИЛЛИОНЫ МИРНЫХ ГРАЖДАН В КАМБОДЖЕ, НЕ СОМНЕВАЮТСЯ В ПРАВОТЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЛА

Сергей Строкань,
Дмитрий Мосяков

АНТИМИРЫ

В ОТЛИЧИЕ ОТ БОЛЬШИНСТВА ЛЕВЫХ ПОВстанцев в странах Латинской Америки, которые одинаково уверенно чувствуют себя как в городах, так и в деревнях, азиатские красные партизаны предпочитают отдаленные сельские районы. Здесь легче выдавать себя за мирных крестьян, вести пропаганду среди неграмотного населения, добывать оружие и снаряжение, нападая на немногочисленные полицейские участки и армейские гарнизоны, устраивать теракты. Тактика партизанской войны приучила красных террористов этого региона к суровой походной жизни, порою требующей преодолевать большие расстояния — от деревни к деревне и затем снова в джунгли, где находятся их учебные лагеря и опорные базы.

Называя своими врагами «реакционные правительства», «компрадорскую буржуазию» и «мировой империализм», они упорно шагают вперед с красными знаменами, самодельными бомбами и автоматами Калашникова наперевес — в Индии и Шри-Ланке, Камбодже и Бирме, Таиланде и Филиппинах (кстати, как в Колумбии и Гватемале), повторяя прочитанные или услышанные где-то цитаты Маркса, Ленина, Троцкого, Мао.

Джунгли для них нечто большее, чем часть природного ландшафта. В первозданных тропических лесах, вдали от цивилизации, они по-прежнему бредят мировой революцией, легче всего обращая в свою веру наивные местные племена, не подозревающие о последствиях марксистских экспериментов. Контролируя труднодоступные районы Азии, они не отказываются от дальнейшей экспансии. Многим леворадикальным движениям уже тесны национальные рамки, и они готовы участвовать в террористических актах во всем мире.

Индийские Робин Гуды

В джунглях центральной Индии все активнее разворачивается «народная война», которую ведут против местных и центральных властей так называемые «наксалиты» — боевые отряды одной из компартий — КПИ (марксистско-ленинской). За последние три года «наксалиты» не только сумели сохранить свои основные базы в штатах Махараштра и Андхра-Прадеш, но и заметно расширили сферу своих действий, уничтожая «прислужников режима» в других регионах.

В прошлом году от их рук погибло более двухсот человек. Свои цели лидеры «наксалитов» предпочитают определять классическими формулами: отдать землю тем, кто ее обрабатывает, покончить с неравенством и социальной несправедливостью. Путь к их достижению они видят в разжигании «народной

войны», руководствуясь известным тезисом Мао о том, что «освобожденные деревни должны окружить города», воспринимаемые как цитадели антинародной коррумпированной среды. При этом средства для своей борьбы они получают, облагая данью местных торговцев и коммерсантов. В отрядах «наксалитов» женщины воюют наравне с мужчинами, устраивая засады и атакуя полицейские посты. В этих акциях участвуют не только боевики, вооруженные автоматическим оружием, но и аборигены с луками и стрелами.

«Наксалиты» ощущают себя частью мирового леворадикального подполья. Они установили контакты с левацкими организациями северо-востока Индии в штатах Нагаленд и Ассам — Национальным социалистическим советом Нагаленда и Объединенным фронтом освобождения Ассама. Кроме того, известно, что террористы северо-востока Индии поддерживают тесные связи со своими собратьями по вере в соседних странах — Шри-Ланке, Бирме, Таиланде.

«Тигры» в роли наставников

Любопытно, что после разгрома в конце 60-х годов поднятого «наксалитами» крестьянского восстания у этого движения открылось второе дыхание, когда в лесах Андхра-Прадеш появились наставники из действующей на территории соседней с Индией Шри-Ланки тамильской террористической организации «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ). «В 1989 году наступил поворотный момент в нашей подготовке, — признался в интервью индийскому журналу Outlook один из лидеров «наксалитов». — Тамильские инструкторы обучали нас не только методам партизанской войны, но и укрепили нашу пошатнувшуюся веру в правильность идей Маркса, Ленина и Мао».

Более двадцати лет борющиеся за создание на северо-востоке Шри-Ланки независимого тамильского государства «Тигры Тамил Илама» придерживаются тех же, что и «наксалиты», леворадикальных формулировок, о чем свидетельствуют хотя бы клички известных полевых командиров — Кастро, Маркс. В основе их политической доктрины лежит тщательно проштудированная боевиками ленинская работа «О праве наций на самоопределение», кстати, в свое время переведенная на тамильский язык в Москве. Как и другие левые радикалы Азии, «тигры» отрицают социальное и национальное угнетение, неравенство и эксплуатацию. Отличают их, пожалуй, особая жестокость и непримиримость, фанатизм (они не сдаются в плен, нося в воротничках зашитые ампулы цианистого калия), высокая дисциплина, обширные связи с тамильской диаспорой за рубежом. В свое время пройдя подготовку у палестинских боевиков, «тигры» сумели переплюнуть своих учителей по масштабу террористических операций. От их рук пали премьер-министр Индии Раджив Ганди, президент Шри-Ланки Ранасингхе Премадаса и несколько видных политиков Шри-Ланки. Источниками финансирования ТОТИ остаются торговля наркотиками, рэкет среди местного населения, пожертвования из-за рубежа.

ТАМИЛЬСКИЕ ТЕРРОРИСТЫ, ДОБИВАЮЩИЕСЯ СОЗДАНИЯ В ШРИ-ЛАНКЕ СВОЕГО ГОСУДАРСТВА, СРАЖАЮТСЯ ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ, НА КОТОРОМ ВМЕСТО СЕРПА И МОЛОТА — ОСКАЛИВШИЙСЯ ТИГР

Многолетние попытки ланкийского правительства огнем и мечом уничтожить террористов ощутимых результатов так и не принесли. Очередное наступление правительственных войск в канун Нового года захлебнулось, как и десятки других. «Тигры» ушли на свои базы в джунгли, но по-прежнему готовы в любой момент нанести контрудар.

К революции на наркотиках

Тамильские «тигры» — далеко не единственные, кто зарабатывает средства для продолжения борьбы на торговле наркотиками. С их единомышленниками в Бирме и Таиланде, вкусившими однажды наркотик коммунистической идеи, произошла удивительная метаморфоза: они пришли к идее «революции на наркотиках». Ее суть в том, что подорвать силы империализма можно не только «красным террором», но и путем постепенного отравления враждебного мира поставками героина.

Действующие в подполье бирманская и тайская коммунистические партии контролируют знаменитый Золотой треугольник — холмистые, покрытые труднопроходимыми джунглями районы на стыке бирманской, тайской и лаосской границ. Здесь находится один из главных мировых центров по выращиванию опиума-сырца. Более 60 процентов мирового производства героина сосредоточено в Бирме.

Что движет ими сегодня — прежняя фанатичная приверженность коммунистическим идеям или огромные деньги, которые дает наркобизнес? На фоне растущей активности левых радикалов в соседних странах очевидна угасающая вооруженная борьба коммунистов Бирмы и Таиланда. Времена легендарного бирманского коммуниста Такин Тан Туна, в 60-е годы расстреливавшего своих соратников за торговлю наркотиками, давно миновали. Сегодня его преемники владеют роскошными особняками в наркостолице Юго-Восточной Азии городе Лашио на северо-востоке Бирмы. Борцы за светлое завтра больше не хотят бегать с «калашниковыми» по джунглям, цинично совмещая приятное с полезным. Заявляя о верности идее, они заваливают западный мир тоннами наркотиков, взамен получая миллионы долларов.

Похожие превращения претерпело и знаменитое движение «красных кхмеров» в Камбодже, долгое время служившее эталоном для левых радикалов Азии. Только вместо наркотиков свет коммунистических идей здесь затмили своим блеском сапфиры. Ближайший сподвижник кровавого палача Пол Пота Иенг Сари, контролирующий Пайлинское месторождение этих драгоценных камней, пришел к выводу о том, что благополучное настоящее лучше «прекрасного будущего» и пошел на соглашение с ранее проклятым

ИДЕИ МАРКСА, ЛЕНИНА И МАО ПЕРЕЖИВАЮТ ВТОРУЮ МОЛОДОСТЬ В ДЖУНГЛЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИНДИИ, ГДЕ АКТИВИЗИРОВАЛИСЬ «НАКСАЛИТЫ»

«капиталистическим режимом». В джунглях осталось немного тех, кто готов умереть за идею. Впрочем, им и нечего продать.

«Мы очень бедные, но очень прогрессивные»

«Конец истории», который, казалось бы, должен был наступить для азиатских левых экстремистов с распадом СССР и коммунистического лагеря и переходом Китая на капиталистические рельсы развития, так и не состоялся. Они как будто и не заметили этого, продолжая жить по собственным часам. Во всяком случае очевидно, что глобальные катаклизмы 90-х годов затронули их в самой малой степени.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. В далекие 30-е годы, когда Коминтерн пытался реализовать идею «восточного маршрута мировой революции», а Москва превратилась в Мекку международного терроризма (в Коммунистическом университете трудящихся Востока готовились кадры для азиатских компартий), кремлевская звезда действительно была для них единственной путеводной. Однако выпав из коммунистического гнезда, птенцы разлетелись по миру. В последние десятилетия КПСС оказывала значительную материальную и финансовую помощь главным образом легальным коммунистическим и левым партиям Азии, которые не выходили за рамки парламентской борьбы. Это было связано с тем, что поддержка леворадикальных террористических групп могла серьезно осложнить отношения Москвы с законными правительствами азиатских стран. Да они и перестали представлять прямой интерес для Кремля после краха идеи «восточного маршрута» революции.

В результате левым радикалам доставались лишь крохи от «пирога помощи» советских коммунистов братским компартиям. Придерживаясь тактики опоры на собственные силы задолго до краха мирового коммунизма, они были готовы к любым поворотам судьбы, и уже продемонстрировали феноменальную живучесть, пережив и годы репрессий, и утрату поддержки старших братьев по революционной борьбе. Их сегодняшняя сила — в неизменной привлекательности лозунгов уравнительности и антиурбанизма, ориентации на традиционные национальные ценности, антизападничества. Именно это и обеспечивает им поддержку беднейших слоев населения, убеждает в справедливости революционного дела. Им кажется, что именно они и творят историю, а все остальное — антиистория.

Однако они неуязвимы, пока бедны, пока глаза горят голодным блеском и можно с гордостью говорить о себе заезжим журналистам на ломаном английском «We are very poor, but very progressive» («Мы очень бедные, но очень прогрессивные»). Испытание богатством и благами цивилизации, как свидетельствует современная история, оказывается для них страшнее, чем пытки и застенки. ■

ИСТОРИЯ

Как мастерили «красные матрешки»

Идея о восточном маршруте мировой революции, заимствованная Коминтерном у Троцкого, послужила импульсом к созданию азиатского левого подполья

В рамках Коминтерна в 20-е годы началась целенаправленная подготовка террористических групп для многих азиатских стран, ставивших своей целью подрыв и свержение существовавших там режимов. Центром обучения стал созданный в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Здесь в обстановке полной секретности студенты штудировали марксистскую теорию и обучались террористическим и подрывным операциям. В Москве они получали новые партийные клички на русский манер: например, один из создателей Компартии Вьетнама Ле Хонг Фонг стал Литвиновым, другой известный вьетнамский коммунист Нгуен Тхань Тоан — Синицыным, а работавший в Коминтерне будущий первый президент Вьетнама Хо Ши Мин во всех документах фигурировал как Линов. В архиве Коминтерна можно встретить листки папиросной бумаги с директивами московского центра, которые специальные курьеры в условиях строжайшей конспирации развозили по разным странам. В них содержались приказы ликвидировать неудобных Кремлю политиков, создавать террористические и повстанческие группы, проводить подрывные акты. Во Вьетнам, например, в 30-е годы шли указания нападать на французские полицейские посты, создавать так называемые освобожденные районы, убивать сотрудничавших с французами политиков. Подобные же приказы направлялись в Индонезию и Бирму, где коммунистам удалось создать влиятельную подпольную организацию.

Агенты Коминтерна направлялись в Юго-Восточную Азию обычно двумя маршрутами: поездом до Владивостока, затем пароходом до Шанхая или Гонконга и далее в страны назначения. Другой путь пролегал через европейские страны, где коминтерновцы с поддельными паспортами часто выступали в роли коммерсантов или студентов.

Ядро студентов КУТВа составляли представители маргинальной интеллигенции стран Востока — люди, до этого получившие образование и не нашедшие применение своим знаниям и амбициям у себя на родине. Именно они, освоив вторую профессию в Москве, становились во главе террористических организаций.

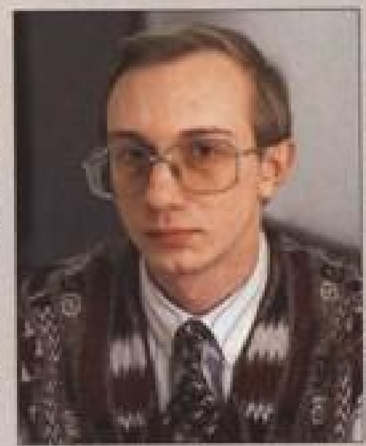
Расползание террористических организаций по миру было связано и с тем, что управление «процессом мировой революции» было построено в Коминтерне по принципу «матрешки», когда Москва контролировала деятельность крупных компартий (например, китайской, индонезийской), а те, в свою очередь, опекали более мелкие. Например, КПК совместно с ВКП(б) отвечала за успехи вьетнамских коммунистов, которые контролировали революционеров Лаоса и Камбоджи. При такой форме организации принципы и методы подготовки террористических групп, впервые апробированные в Москве, быстро распространились по всему миру.

Распад Коминтерна в 1943 году серьезно ослабил контроль Кремля над всемирным террористическим интернационалом. Позже, в условиях ожесточенного советско-китайского противоборства, появились новые центры обучения террористов в Ливии, на Кубе, в Северной Корее и даже в ГДР. В отличие от времен Коминтерна в них террористы готовились к самостоятельным действиям при отсутствии реального контроля со стороны «учителей». В результате многочисленные леворадикальные террористические группы оказались предоставлены сами себе, превратившись в особое явление сегодняшнего мира.

Д. М.

Зачем «российская помощь» перуанской полиции?

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Евгений Крутиков

Одного из самых именитых борцов с терроризмом — легендарного руководителя «Моссад» Исера Харела сгубила публичная политика. Произошло это в 1973 году, когда его агенты после неудачной охоты на палестинских террористов по всей Европе попали в руки норвежской полиции и поведали о методах, при помощи которых «Моссад» «убирал» организаторов убийства израильских спортсменов на Олимпиаде в Мюнхене. Масштаб разразившегося скандала заставил премьера отправить в отставку все руководство разведки.

Не стоит, впрочем, ругать спецслужбы. Борьба с терроризмом, по выражению Ле Карре, похожа на войну в Зазеркалье: в ней используются методы, которые у хорошо воспитанных членов общества вызывают содрогание. Во всем мире политики стараются либо дистанцироваться от спецопераций, либо не вникают в детали. Даже директор ЦРУ, который в отличие от кадровых сотрудников разведки является политической фигурой и сменяется президентом, по традиции не знает имен агентов.

Во всем мире политики стараются дистанцироваться от спецопераций разведок и контрразведок. У нас все немножко не так...

У нас все немножко не так. Человек, рассказавший Борису Ельцину сказочку про «тридцать восемь снайперов», которые не сводят прицелов с террористов Радуева, нарушил один из основных профессиональных принципов. Профессионал не имел права подставлять своего шефа-политика, посвящая его в детали спецоперации. История не донесла до нас и имени того «эксперта», который поведал президенту России о плане освобождения — с помощью подводной лодки, которая уже «прогревала моторы», — заложников с парома «Аврасия», захваченного «турецкими черкесами». Даже обладая знаниями о военно-морском флоте на уровне собственной ванной, можно понять, что подобное технически невозможно.

Идея «поучаствовать» в освобождении заложников в столице Перу, озвученная недавно президентом России, стоит, похоже, в том же ряду. Можно, конечно, предположить, что это наш ответ террористам, которые сами приглашали в посредники Ельцина или Кастро. Пока трудно судить, чего в этом предложении было больше: исторической инерции (революционные наследники древних инков могут нетвердо знать, чем нынешнее российское руководство отличается от советского) или политического расчета. Но они хотели посредничества, а не «близкого знакомства» с российскими штурмовыми подразделениями. В МИДе и Совбезе заявили корреспондентам «Итогов», что к авторству этой идеи отношения не имеют. Администрация президента и другие приближенные к главе государства круги устами пресс-секретаря Сергея Ястржембского попросили журналистов уделять этому не слишком много внимания.

В любом случае стоит задуматься, с чьей подачи был упущен шанс поднять международный рейтинг России через посредничество в сложнейшем кризисе. Больше того, идея посредничества трансформировалась в готовность командировать российских спецназовцев в Лиму, о чем Борис Ельцин поведал в виде письма лидерам стран «семерки». Вопрос стоит так: кто же из представителей влиятельных российских ведомств, имеющих прямой доступ к президенту, заинтересован в том, чтобы соглашениям по борьбе с международным терроризмом, заключенным в прошлом году на саммитах в Шарм-эш-Шейхе и Лионе, был придан характер силовых, а не политических обязательств? Если поставить вопрос таким образом, то долго гадать не приходится. Идеи, подобные «безвозмедной помощи» перуанским спецслужбам, уже неоднократно рождались в недрах Главного управления (сейчас Федеральной Службы) охраны, в составе которого с 1992 года с легкой руки генерала Коржакова сосредоточены практически все российские подразделения по борьбе с терроризмом.

Напомним, что в эту структуру по-прежнему входят спецподразделение КГБ «А» («Альфа»); бывшее подразделение КГБ «В» («Вымпел»); 27-я мотострелковая бригада особого назначения (МБОН) и многочисленные технические службы. В ФСО также передан Отдельный учебный центр бывшего Первого главного управления КГБ, расположенный в подмосковной Балашихе. Там же дислоцировалась и так называемая группа силовых зарубежных операций в мирное время «Б» («Бета»), ранее подчинявшаяся внешней разведке. Пресс-служба СВР по традиции отказывается подтвердить или опровергнуть факт существования таких подразделений, а тем более определить свое отношение к тому, что они были переданы в подчинение ФСО.

Все эти люди должны работать. Штурмовать деревянные домики на полигонах надоедает. Хочется размаха и неподотчетных командировочных в валюте. Хочется, наконец, оправдать доверие власти, которая, в свою очередь, жаждет успехов на ниве борьбы с «чужим» терроризмом. И неважно, что за все время своего существования советские и российские спецподразделения практически не совершали за рубежом успешных операций по освобождению заложников, да и на собственной территории их действия не всегда бывали успешными. Штурм дворца Амина в Кабуле («нештатные потери» среди личного состава), позорное отступление от южной границы Анголы почти до Луанды, сдача в плен чеченцам заблудившегося в горах под Шатоем десанта спецназа ГРУ, Буденновск и Первомайское — вот этапы большого пути спецподразделений, будто бы готовых протянуть «руку помощи» полиции Лимы.

Отечественным разведчикам, занимавшимся сбором информации о террористах, нельзя предъявить аналогичные претензии: умирающие перуанские левацкие движения по «внутрисоциалистическому разделению труда» относились к кубинской, а не советской компетенции. СССР как черт от ладана бежал от контактов с ними. С этой точки зрения участие России в разрешении кризиса с заложниками в Перу вообще бессмысленно, поскольку реальной помощи Москва предоставить не может. Если, конечно, не считать таковой превращение резиденции японского посла в некое подобие буденновской больницы...

Предложения о помощи должны были поступить по каналам спецслужб, а если уж очень хочется всемирной славы, то попозже можно было бы организовать утечку в прессу. Так, кстати, и поступили американцы, которым ничто человеческое не чуждо. Правила войны в Зазеркалье требуют определенного уважения к политикам. Никто из контрразведчиков не вправе принимать самостоятельные политические решения, они лишь механизм в руках политиков. Когда же ситуация воспроизводится с точностью до наоборот — высшие должностные лица государства становятся проводниками идей и нужд шпионов, — жди беды. Или хотя бы скандала.

«Хеврон не должна перегородить стена»

Один из ведущих идеологов ООП считает, что палестинцы и евреи могут жить вместе

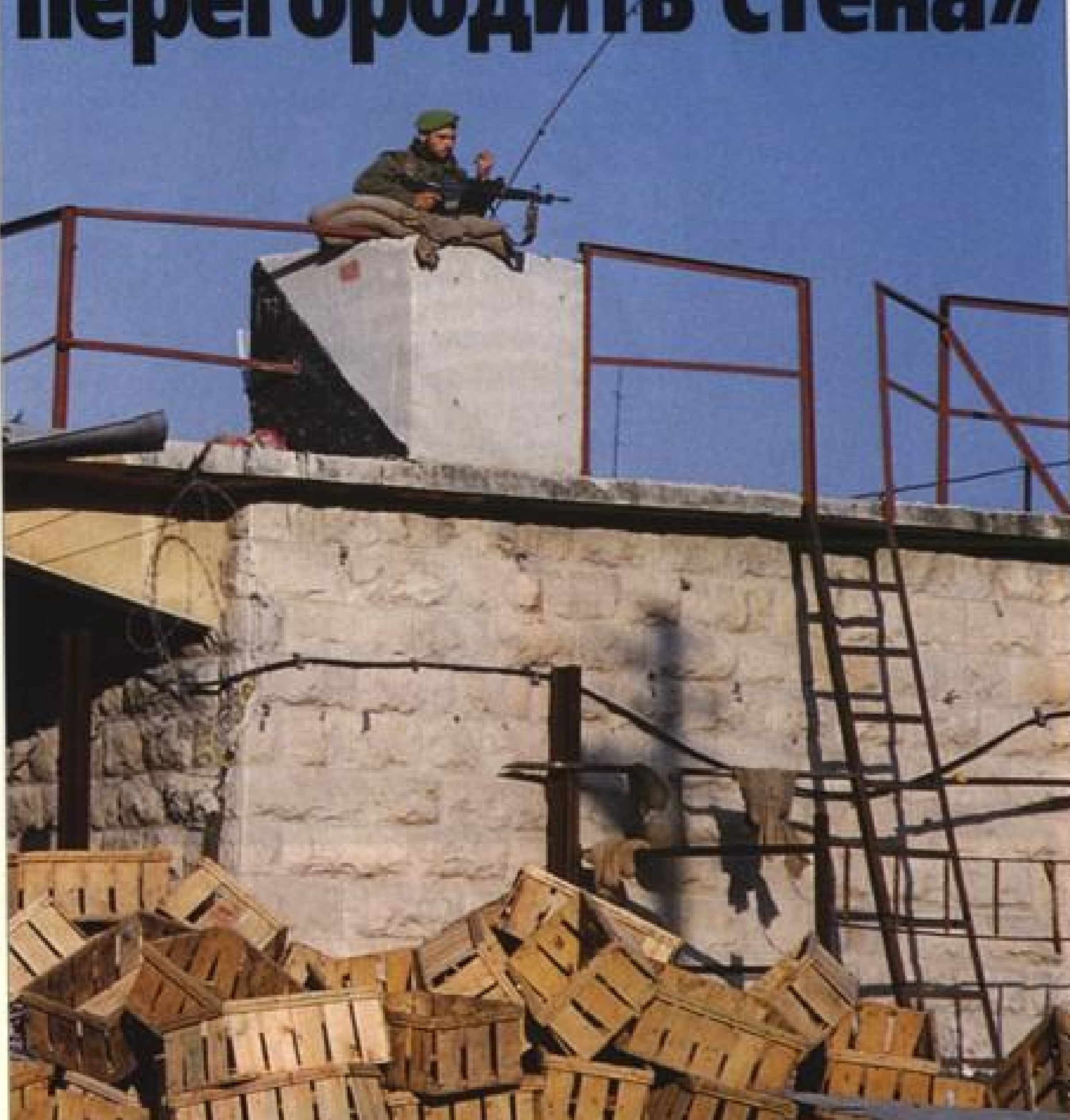
Сергей Цейтлин

ЭКСКЛЮЗИВ

Доктор Абдель Рахман Марам — генеральный директор департамента внешних связей Организации освобождения Палестины (ООП), где вырабатывается стратегия мирного процесса со стороны палестинцев. Выпускник филфака Ленинградского университета, сразу после возвращения в Палестину он вступил в ряды движения ФАТХ, главной боевой силы ООП. На вопрос, участвовал ли он лично в борьбе с израильской армией, доктор Рахман отвечает по-русски : «Конечно!»

— Чем вызвано ужесточение позиции Арафата на переговорах в последнее время, ведь соглашение по Хеврону практически готово?

— Наша позиция остается неизменной. Ведь Арафат в свое время уже достиг принципиальных договоренностей с бывшим премьер-министром Израиля Ицхаком Рабином. ООП готова подписать соглашение хоть завтра, но не в том виде, в котором хочет Нетаньяху. Отказ израильского премьера признать дату окончательной передислокации войск, намеченной на сентябрь, может подорвать весь ход мирного процесса.

РЫНОК В ХЕВРОНЕ. ИЗРАИЛЬСКИЙ ПУЛЕМЕТЧИК ОХРАНЯЕТ ПЛОЩАДЬ, НА КОТОРОЙ В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО ГОДА ПРОЛИЛАСЬ КРОВЬ ПАЛЕСТИНЦЕВ

ДОСЬЕ

Город преткновения

Город Хеврон на Западном берегу реки Иордан, в котором проживают 130 тысяч палестинцев и 400 еврейских поселенцев, превратился в одну из пороховых бочек Ближнего Востока. Взаимное неприятие представителей двух общин порой принимает чудовищные формы. Апофеозом глухой вражды между ними стал теракт, осуществленный два года назад еврейским поселенцем Барухом Гольдштейном, который перестрелял несколько десятков палестинцев. Поселенцы говорят о том, что их жизни находятся под угрозой, и ходят с оружием в руках. В свою очередь 30 тысяч арабов, проживающие в еврейском секторе Хеврона, вовсе не считают себя в безопасности, так как здесь размещены израильские войска. Поэтому руководство ООП настаивало на том, чтобы вместо израильских войск для обеспечения безопасности сюда были переброшены отряды палестинской полиции.

Несмотря на энергичные усилия американского посредника Денниса Росса, встреча израильского премьера Биньямина Нетаньяху и лидера ООП Ясира Арафата постоянно откладывалась. Сохраняющиеся серьезные разногласия до сих пор не позволили сторонам подписать окончательное соглашение по Хеврону.

Сегодня израильский премьер предлагает отсрочить на полтора года передислокацию войск на «контролируемых территориях» и завершить ее к середине мая 1999 года. К этому сроку согласно промежуточному соглашению по автономии должны завершиться переговоры об окончательном урегулировании, включая установление административных границ автономии, мест дислокации израильских войск и другие проблемы. Кроме того, Нетаньяху требует, чтобы к этому времени палестинская администрация выполнила свои обязательства: аннулировала в программном документе ООП — Хартии национальных действий — пункты об уничтожении Государства Израиль, нейтрализовала антиизраильскую деятельность воинствующих палестинских организаций и передала Израилю палестинцев, совершивших теракты против израильтян.

Позиция Нетаньяху вызывает несогласие Арафата, который продолжает настаивать на неукоснительном выполнении Израилем уже подписанных его предшественником Ицхаком Рабином соглашений о выводе израильских войск из районов Западного берега реки Иордан к 7 сентября этого года. Израильтяне опасаются, что выполнение этих требований лишит их возможности оказать давление на палестинцев еще до завершения переговоров об окончательном урегулировании.

Пока израильская и палестинская делегации на переговорах в Иерихоне согласились на шестимесячное присутствие в Хевроне (Западный берег реки Иордан) контингента миротворческих сил, который будет состоять из 180 представителей шести стран: Норвегии, Швеции, Дании, Италии, Турции и Швейцарии. Срок действия их мандата — шесть месяцев с возможным продлением. Основной задачей наблюдателей является контроль за соблюдением сторонами достигнутых договоренностей, включая реализацию экономических проектов в арабской и еврейской частях города. В интересах выполнения международными наблюдателями возложенных на них функций им предоставляется полная свобода передвижения по городу, а также возможность участия в работе различных совместных израильско-палестинских комиссий.

Большая часть Хеврона (за исключением еврейского квартала) должна была отойти под контроль Палестинской национальной администрации еще в марте прошлого года. Однако серия антиизраильских терактов сорвала претворение в жизнь двусторонних договоренностей. Пришедший к власти в июне прошлого года лидер правого блока «Ликуд» Биньямин Нетаньяху ужесточил израильскую позицию, выдвинув дополнительные условия по обеспечению безопасности еврейских поселенцев.

В свою очередь Арафат настаивает не только на обеспечении безопасности арабов в еврейском секторе Хеврона, но и на совместной охране израильтянами и палестинцами священной для иудеев и мусульман «пещеры праотцов» в Хевроне.

Рубен Бекназар-Юзбашев

— После недавних вспышек насилия с обеих сторон — убийства двух поселенцев в Бейт-Эле и теракта израильского солдата в Хевроне — кажется, что в городе царит неразбериха...

— Я серьезно опасаюсь новых столкновений. В случае продолжения провокаций со стороны Израиля мы будем вынуждены обратиться за поддержкой к международным организациям. Стрелять в мирных жителей из-за религиозных соображений или по иным мотивам никому не позволено.

— Насколько сильны в Хевроне позиции экстремистов из ХАМАСа?

— Арафат сумел навести порядок в автономии. Он практически справился с террором, и я думаю, что в Хевроне будет так же. Мы ведем серьезную борьбу с Хамасом.

— В интервью газете «Едиот ахронот» генерал Фатх Джаиди, командир палестинских сил безопасности в Хевроне, сказал, что палестинцы и поселенцы вполне могут мирно сосуществовать в городе.

— Если евреи хотят жить в палестинском государстве, пожалуйста. Мы вполне можем жить вместе на этой земле.

— То есть вы не выступаете за эвакуацию поселенцев?

— Нет, но мы против того, чтобы поселенцы продолжали контролировать территории на Западном берегу, которые должны отойти к нам по соглашениям в Осло.

— А как вы относитесь к идее Ариела Шарона (министр обороны Израиля в период вторжения в Ливан, ныне министр инфраструктуры — один из главных критиков соглашений в Осло. — «Итоги») **возвести в Хевроне стену, чтобы разделить еврейскую и арабскую части города?**

— Такие, как генерал Шарон, не признают за палестинцами никаких прав. Подобные призывы могут только дестабилизировать обстановку. Разве мы не люди, чтобы отгораживаться от нас?

— Как может развиваться мирный процесс?

— То, что премьер-министр Израиля Нетаньяху не хочет уступать в вопросе о передислокации армии, означает, что он и другие лидеры хотят попытаться закрепиться на территориях. То есть фактически продолжать политику колонизации Палестины, что может привести к новой волне кровопролития. Это равносильно тому, что палестинцы предъявили бы претензии на территорию Израиля. Мне непонятно, как некоторые лица в израильском руководстве могут придерживаться до сих пор идеологии «Великого Израиля». Ведь мы пришли в Осло к историческому компромиссу. Палестинцы никогда не согласятся на то, чтобы остаться бесправными беженцами в регионе.

Я все же надеюсь, что идеология «Великого Израиля», как и идеология полного освобождения Палестины (то есть уничтожения государства Израиль. — **«Итоги»**), будут отброшены. Трезвомыслящие политики должны найти общий язык. В противном случае нас ждет еще столетие бессмысленных войн. ■

Тель-Авив

Праздник непослушания как орудие классовой борьбы

Не удовлетворившись очередными уступками Слободана Милошевича, сербская оппозиция призывает своих сторонников прекратить оплачивать счета за электричество

Андрей Стахов

КАРНАВАЛ

Сербия вот уже без малого два месяца балансирует на грани гражданской войны. Семь лет назад на такой же проволоке через пропасть, отделяющую демократию от тоталитаризма, балансировала Чехословакия: «бархатная революция» здесь, к счастью, так и не стала «наждачной». А вот в соседней Румынии на грани гражданского согласия удержаться не удалось: за кровь восставших режиму Чаушеску пришлось расплачиваться кровью диктаторской четы.

Общественный всплеск в Белграде выбивается из этого ряда прежде всего своей невиданной продолжительностью. Сколько еще он продлится, сказать трудно. Анемия властей и поддержка манифестантов со стороны мировой общественности, конечно, подпитывают энергию протеста, но она явно небеспредельна. Правда, и полицейские, прячущие за плексигласовыми забралами симпатию к демонстрантам, тоже устали от многодневных конвоев.

Толпа стирает грань между революционным пафосом и веселым безумством. Избитый до полусмерти белградскими полицейскими и просидевший («за организацию общественных беспорядков») месяц за решеткой студент Деян Булатович, едва оказавшись на свободе, заявляет о готовности сшить новую тряпичную куклу президента Слободана Милошевича — на сей раз в арестантской робе. Однако пока юный революционер страдал в застенках режима, его товарищи ушли далеко вперед в области политического творчества: тряпичную куклу отца народа сменило изображение злобного птероящера по имени Слобозавр. Студенческий протест вообще силен тем, что хитер на выдумки, — это скучные лидеры оппозиции изо дня в день твердят о светлом демократическом будущем и бубнят заповеди из партийных программ. Двухсоткилометровый, по грязи и морозу, пеший марш из Ниша в Белград; конкурс на самый долгий «сеанс свиста»; выборы самой красивой демонстрантки; организация автомобильных пробок посредством чехарды на пешеходных дорожках; блокирование телефонных линий госучреждений беспрерывными звонками; новогодняя и рождественская ночи в скандирующей толпе — бесконечный протест превращен в бесконечный праздник.

Бокал шампанского, карнавальный колпак, рядом с тобой — друзья, объединенные той же решимостью добиваться победы. Против — темная сила, прячущаяся за парадными подъездами правительственных зданий. А разве вы не хотели бы ТАК встретить свое двадцатилетие — весь мир за вас, вы — борец за демократию, а замерзшая на морозе любимая смотрит на вас, героя, с неизменным восхищением?

Оказывается, в жизни современной Европы все еще есть место подвигу. В конечном счете именно таким вот ребятам обязан приходом к власти — через шесть с половиной лет после свержения диктатуры! — новый лидер румынской демократии Эмиль Константинеску. Точно так же от самосожжения пражского студента Яна Палаха, протестовавшего в 1968-м против советского вторжения в Чехословакию, цепочка протеста — через два десятилетия — протянулась к студенческим демонстрациям 1989-го, положившим конец и влиянию Москвы, и самому коммунистическому режиму. Белградские демонстранты пока лишь раз выстраивались в скорбную процессию — в конце минувшего года хоронили погибшего в ходе уличных столкновений Предрага Старчевича. Но кто поручится, что эта жертва — последняя? Сербские независимые еженедельники не случайно наводнены в последние недели статьями, сопоставляющими опыт восточноевропейских революций семилетней давности с тем, что происходит в Сербии. Затяжной характер протеста перевел в жанр размышлений даже оперативные отчеты западных агентств, обычно не склонных к аналитичности.

Политологи, также уставшие ждать развязки, тем временем пытаются поставить социальный диагноз. Многие пришли к схожим выводам: главное отличие несвершившейся еще сербской революции от чешской «бархатной» и иже с ней — не столь идеологизированный характер. Белград протестует в первую очередь против конкретной несправедливости — отказа властей признать победу оппозиции на законно выигранных ею муниципальных выборах, и лишь опосредованно — против власти как таковой. Милошевич для студентов, конечно же, «Слобозавр», однако студенты подносят к ступеням президентского дворца «караваи примирения», а не взрывпакеты. Они требуют признания президентской неправоты в рамках закона: участь Николае и Елены Чаушеску не угрожает Слободану Милошевичу и его супруге Мирьяне Маркович.

КУКЛУ ПРЕЗИДЕНТА МИЛОШЕВИЧА В АРЕСТАНТСКОЙ РОБЕ (ФОТО СЛЕВА ВВЕРХУ) **В БЕЛГРАДЕ УЖЕ СМЕНИЛ ПОРТРЕТ ПТЕРОЯЩЕРА ПО ИМЕНИ СЛОБОЗАВР. ОДНАКО ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ДЕМОНСТРАНТКИ** (ФОТО СПРАВА) **ПО-ПРЕЖНЕМУ ОХОТНО КОКЕТНИЧАЮТ С ПОЛИЦЕЙСКИМИ.**

Одно из любопытных объяснений причин массового протеста содержит недавнее интервью президента партии Гражданский союз Весны Пешич. Она так объясняет движущие причины массового протеста: к комплексу этнической неполноценности, навязанному сербам собственной властью и международным сообществом в последнее пятилетие, добавилось чувство гражданского унижения. А вынести и то и другое одновременно, уверяет Весна Пешич, нормальный человек не в состоянии.

Эта уязвленность национального сознания, обостренная войной, в которой Белград сражался неизвестно за что, накладывает на нынешний внутриполитический кризис в СРЮ особый отпечаток. Выстраиваясь в очередь, чтобы поочередно расцеловать приглянувшегося им полицейского, белградские студентки после объятий дружно советуют стражам порядка: «Ваше место — в Косово!» Мол, отправляйтесь усмирять непокорных албанцев, которые даже во сне мечтают о том, как развалить теперь уже малую Югославию, а не теряйте попусту время в защите столицы от ее жителей. Протест в Сербии — это главным образом протест законопослушных граждан, которым, как и всей стране в их лице, тычут в нос: вы — не европейцы; вы — изгои; вы — вне европейского цивилизационного потока и потому не можете рассчитывать на соблюдение прав избирателя в полном объеме. Даже румыны в конце концов довели свою революцию до конца... Проснитесь же, сербы!

Сербы-то проснулись, но разбудить сербские власти демократически настроенным гражданам пока не удается — не получается ни усовестить, ни разозлить в такой степени, чтобы искусственно спровоцировать разрешение кризиса. Потому-то все новые акции лидеров оппозиции и студентов, при всей их изобретательности, начинают все-таки утомлять. Приедается и лозунг, который вожди народа бросили в толпу еще в начале стихийных волнений: Сербия после массовых демонстраций уже никогда не будет такой, как прежде. Эта максима хороша лишь в том случае, когда на следующий день после ее публичного оглашения ситуация в стране меняется — а в Белграде эта ситуация, напротив, стагнирует.

Президент Милошевич под давлением остроумной оппозиции кое-как маневрирует, но неизменно показывая, что в рукаве у него остаются еще тузы. Периодически он то сбрасывает их на зеленое сукно, которое расстилает перед властями Сербии делегация ОБСЕ, то на парламентские скамьи, а то и просто тем «остаткам» народа, что еще не утратили веру в привлекательность власти. «И я люблю вас», — заявил Слободан Милошевич на контрмитинге своих обожателей, свезенных государственным автотранспортом из дальних сербских городов и весей.

Президент, как океан во время отлива, позиции сдает медленно, но при этом старательно делает вид, что происходит это по его собственной инициативе: разобрались, понимаешь... Принята отставка градоначальников Белграда и Ниша, правящая партия вынуждена будет потесниться в парламентах нескольких городов, в том числе в ряде местных общин столицы. Каждое из такого рода известий становится поводом для нового взрыва бурной радости демонстрантов. Но океан, который предстоит преодолеть вплавь белградским бунтарям, увы, еще слишком велик, и поэтому праздник непослушания — на грани трагедии и фарса — продолжается.

Долг в рассрочку

Замороженные на период бюджетного кризиса предвыборные обещания Бориса Ельцина начинают оттаивать

Андрей Владимиров,
Роман Строганов

ИНВЕСТИЦИИ

Так и должно было случиться. Когда в августе готовился указ «О неотложных мерах по обеспечению режима экономии в процессе исполнения бюджета во втором полугодии 1996 года», никто особого восторга не испытывал. Борису Ельцину пришлось отказаться от львиной доли своих предвыборных обещаний, розданных накануне — во время крестового похода против коммунизма.

Отказ от предвыборных обещаний, конечно, далеко не новое явление реальной политики. Когда американский президент незадолго до голосования говорит: «Следите за моими губами — повышения налогов не будет», или его российский коллега клянется в случае чего лечь на рельсы, аудитория делит эти слова на число, обратно пропорциональное оставшемуся до выборов количеству дней. И все же столь поспешное приостановление действия большинства затратных, и потому популярных, предвыборных решений оставило на душе у многих неприятный осадок. Между тем часть указов, подписанных Ельциным «на коленке» в ходе агитационных туров по стране, вызывала сомнения, а некоторые решения были просто порочными, так что их скоропостижная кончина даже вызвала у специалистов вздох облегчения.

Таковым был, в частности, замороженный в жарком августе указ «О мерах по восстановлению экономики и социальной сферы Чеченской Республики в 1996 году», цена которого составляла 16,2 триллиона рублей плюс миллиард долларов. Как раз в августе боевики в очередной раз и, кажется, навсегда захватили Грозный.

Смешанные чувства рождала информация о том, что президент, отложив осуществление указа «О мерах по повышению социального статуса работников образования и здравоохранения», сохранил жизнь своим решениям о «дополнительных социальных гарантиях спортсменам, работникам физической культуры, спорта и туризма» и о господдержке садоводов и огородников.

Однако исключения лишь подтверждают правило. Приостановлено было действие затратных решений, большинство из которых не мешало бы осуществить. Но вместо денег Минфин получил в августе в уплату налогов главным образом казначейские налоговые освобождения, которыми зарплату учителям и врачам не выдашь. К зиме усилия ВЧК и прочие налоговые зверства сделали свое дело, и в бюджете завелись деньжата.

Это обстоятельство позволило правительству задуматься о возрождении некоторых из перечеркнутых указов и постановлений. На последнем заседании Оперативного штаба (это тот самый, который в августе готовил указ о режиме экономии и оставался до создания ВЧК самым напористым фискальным органом) был рассмотрен вопрос о возобновлении действия одного из предвыборных обещаний — обещания предоставить городу Новороссийску инвестиционный налоговый кредит.

Отрицание отрицания

Приверженцы диалектического материализма могут найти в новороссийской истории замечательное подтверждение «единственно верного учения». В полном соответствии с законом «отрицания отрицания» февральское правительственное постановление 1996 года «О предоставлении инвестиционного налогового кредита организациям, расположенным на территории города Новороссийск» было сначала приостановлено в августе, а теперь вновь возрождается.

Инвестиционный налоговый кредит получил довольно широкое распространение как форма господдержки с тех пор, как Центробанк перевел печатный станок на малые обороты и у правительства не стало «живых денег» для кредитования экономики.

Как может помочь государство реализации того или иного проекта, не перечисляя сумм из бюджета? Оно может на некоторое время освободить от уплаты части федеральных налогов с условием, что эти средства будут израсходованы на заранее согласованные цели. Но, само собой, и на этот способ помощи сильно налегать не стоит, поскольку если раздавать налоговые кредиты всем нуждающимся, то федеральное правительство очень скоро останется без копейки.

Все налоговые кредиты поэтому можно разделить на две группы: хорошие и плохие. Плохие — выданные тем, кому особенно трудно живется (из жалости, под напором политических обстоятельств, лоббистов, коррупционеров и т.д.). Плохи эти кредиты потому, что безнадежно больные получатели их проедают и не возвращают.

Примеров тому множество, один из наиболее ярких — завод «Москвич». В этом контексте понятно, что хорошими, очевидно, следует считать те налоговые кредиты, которые инвестированы в теоретически окупаемые проекты. Новороссийский порт в этом смысле выгодно отличается от московского автомобильного завода. Через него идет нефть.

Труба зовет

По-настоящему эту гавань оценили только после распада Советского Союза. Раньше Новороссийск был знаменит главным образом как место боевой славы генерального секретаря ЦК КПСС. Малая земля — что с нее возьмешь? Зато когда Россия осталась без Одессы и Севастополя, выяснилось, что единственный ее глубоководный порт на Черном море — новороссийский. А благодаря тому, что к городу подходит трубопровод, Новороссийск приковал к себе внимание мировой нефтяной общественности. На глазах изумленной публики началось преображение провинциального города по плану, в свое время составленному Остапом Бендером для Васюков. Население стало увеличиваться. Приезжие завезли в Новороссийск болезнь роста.

«Новороссийск — крупный, но отсталый порт», — говорит заместитель главы администрации города Игорь Подколзин. В советские времена, утверждает он, инвестиции на развитие портовой инфраструктуры черноморского региона направлялись в Одессу. Там в отличие от Новороссийска есть оборудование для погрузки-разгрузки контейнеров. «Сейчас весь мир уже перешел на контейнеры, и контейнеры с российскими грузами идут через Одессу. Украина делает на этом колоссальные деньги — за счет портовых и таможенных сборов. Россия на этом огромные деньги теряет. В Новороссийске пока порт отсталый, кроме трубы. Труба у нас 30 миллионов тонн нефти качает, за счет нее мы и живем».

По подсчетам городской администрации, если построить новый портовый терминал, то налоговые сборы могут увеличиться втрое. Кроме портового оборудования, мэрия мечтает о реконструкции завода «Прибой» (на этом предприятии ранее мастерили подводные лодки, а теперь южнокорейская Hyundai ведет речь об организации здесь автосборочного производства), о реконструкции элеватора, строительстве объездной автодороги, электростанции и т.д. Плюс ко всему городу надо готовиться к гипотетическому переводу базы Черноморского флота из Севастополя.

«Будет Черноморский флот в Новороссийске или не будет — это не наше дело, — говорит г-н Подколзин. — Но если скажут, мы, конечно, его разместим». Зам. главы администрации пояснил, что в Новороссийске есть пять портов: рыбный, лесоторговый, торговый, нефтегавань и геопорт. Последний уже отдан под военно-морской район. «В любом случае там будет материально-техническая база тыла ЧМФ. У нас очень большая ремонтная база. Даже авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов» заходил в наш док и ремонтировался». Но прибывающие военнослужащие, по словам зам. главы, создают дополнительную нагрузку на социальную и коммунальную инфраструктуру города: детские сады, школы, транспорт, системы водо-, газа- и электроснабжения.

Денег на все сразу наше правительство, как известно, еще никому не давало. Февральским постановлением Новороссийску был дан инвестиционный налоговый кредит в размере 128,9 миллиарда рублей. Этих денег явно не хватало, чтобы сделать из Новороссийска Нью-Васюки, но по мере поступления налогов администрация принялась штопать дыры. Деньги пошли на обустройство коммунального хозяйства. Потому как город не может расти, если даже нынешнему населению не хватает воды и тепла.

«В городе хозяйство очень оживилось, — с ностальгией в голосе вспоминает г-н Подколзин. — Строительные предприятия были задействованы. В этих фирмах выросла зарплата, деньги пошли в торговлю и налогами вернулись в бюджет».

Приостановление кредита застало городские власти в весьма пикантном положении. Реконструкция коммунальной инфраструктуры — это как квартирный ремонт. Либо его делать до конца, либо не начинать вообще. К моменту, когда Москва перекрыла финансовый кран, одна из основных теплотрасс была заменена на четыре пятых. Близилась зима.

Чтобы достроить теплотрассу, пришлось взять коммерческие кредиты. Образовались долги. «Я считаю, не до конца продуманное было решение», — пеняет вице-мэр на августовский указ. Но то решение не перевело городское руководство в стан непримиримой оппозиции, и администрация Новороссийска признательна министру финансов Александру Лившицу, который председательствует на заседаниях Оперативного штаба, за то, что он поручил своему первому заму Андрею Петрову «изыскать возможность положительного решения вопроса о продолжении финансирования». Речь идет о неиспользованной части кредита, сумме сравнительно небольшой — 34 миллиарда рублей.

Когда готовился проект августовского указа, Лившиц как раз и призывал коллег, закрывая «черные дыры» типа расходов на чеченское восстановление, оставить в покое относительно дешевые, но полезные решения. Видимо, в той спешке не хватило времени разобраться с каждым постановлением. На отмене некоторых из них сэкономить удалось минимум, а раздражение вызвано большое. Теперь приходится брать на вооружение диалектику. Но движение по спирали — все-таки лучше, чем по кругу. ■

Государственная негосударственная монополия

Доля водочных денег в госбюджете едва ли в скором времени превысит несколько процентов

Ирина Розенберг

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Многократные попытки российского правительства навести порядок на алкогольном рынке до сих пор не дали сколько-нибудь ощутимых результатов. Указы и постановления, рождавшиеся в правительственных кабинетах в течение всего прошлого года, не только не изменили ситуацию к лучшему, а напротив, в большинстве своем создали условия для разного рода алкогольных махинаций.

Постановление правительства «О мерах по обеспечению устойчивой работы ликероводочной отрасли промышленности», принятое в феврале прошлого года и установившее минимальные цены на отечественную и импортную водку, было призвано защитить внутренних производителей и вытеснить с рынка подпольную продукцию. Разработчики документа всерьез надеялись на то, что подпольщики сами исчезнут с рынка из-за боязни проиграть в ценовой конкуренции легальному товару.

Однако заводы собственными руками срубили сук, на котором сидели, повысив цену на свою продукцию еще до вступления постановления в силу. Подпольщики же продолжают обогащаться — кто-то подтянул цены до установленного минимума, кто-то по-прежнему торгует по своему усмотрению. Благо наладить контроль за исполнением правительственных решений в нашей стране практически невозможно.

Постановление «Об акцизе на водку и ликероводочные изделия», с помощью которого правительство намеревалось пополнить бюджет, лишь усугубило положение отечественных производителей. Акциз в размере 80% взимается с себестоимости продукции, и стоит, например, предприятию улучшить оформление водки, ее цена моментально подскакивает, затрудняя и без того непростую реализацию. В результате налоговые поступления в бюджет от алкоголя не растут, а падают вместе с отечественным производством. По оценкам Минэкономики, за 9 месяцев 1996 года российские предприятия выпустили 52,3 млн. декалитров водки, что составляет 55,2 % к уровню того же периода предыдущего года.

Апофеозом явился закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции». Казалось бы, он должен стоять на страже интересов легальных производителей. Но на деле лишь способствует падению объемов качественной продукции. Вот яркий пример. Каждое ликероводочное предприятие закупает строго определенное количество спирта в соответствии с выделяемой ему квотой. Статья 9 пресловутого закона гласит: «Квоты на экспорт, импорт и закупку этилового спирта определяются в порядке и на условиях, которые устанавливаются правительством РФ, исходя из баланса производства и потребления. При этом общий объем квот на этиловый спирт, используемый для производства алкогольной продукции, не должен превышать аналогичный показатель предыдущего года».

Иными словами, если предположить, что какой-то завод вдруг выйдет из кризисного положения, он в лучшем случае сможет лишь стабилизировать производство, поскольку в соответствии с законодательством лишен права приобретать больше сырья, чем в предыдущем году. Но поскольку для выхода из кризиса предприятиям неизбежно понадобится время, то потенциальные возможности нашей промышленности будут ежегодно уменьшаться пропорционально снижению выпуска водки. Пострадают, разумеется, легальные производители, а подпольщики, не стесненные никакими квотами, смогут и дальше наращивать объемы производства.

Не изменили ситуацию на алкогольном рынке и постановление «О введении платы за выдачу лицензий на производство, розлив, хранение и оптовую продажу алкогольной продукции», и указ «Об усилении государственного контроля за оборотом алкогольной и табачной продукции импортного производства», и полная отмена льгот на импорт, и ужесточение порядка импорта подакцизных товаров — меры, принятые в первом квартале 1996 года.

Вопреки ожиданиям ярых защитников интересов отечественной ликероводочной промышленности, производство российской водки продолжает сокращаться, доля импорта и выпуск подпольной продукции — увеличиваться.

Не желая мириться с неприглядной действительностью, в последние недели прошлого года правительство предприняло новые попытки наступления на алкогольных анархистов. 26 декабря состоялось очередное заседание ВЧК, на котором было заявлено о введении госмонополии на производство, хранение и реализацию спиртного. За халатное отношение к своим обязанностям снята с работы Алла Вдовенко, руководитель госинспекции по контролю за рынком алкоголя. На ее увольнении «за допущенные промахи» настоял сам глава государства.

Как отметил на пресс-конференции, состоявшейся после заседания ВЧК, г-н Чубайс, из-за анархии, царящей на алкогольном рынке, госбюджет ежемесячно теряет не менее 2 трлн. рублей. Именно недопоступления от алкогольных налогов, по мнению президента, привели к катастрофическому состоянию Пенсионный фонд страны, который задолжал пенсионерам порядка 16 трлн. руб. Члены правительства, наверное, с ностальгией вспоминают старые добрые времена, когда водка ежегодно приносила госказне 30—40% доходов бюджета (теперь — не более 2%). В то время поступления от алкоголя не только позволяли исправно платить пенсии, но и с лихвой покрывали затраты на оборонную промышленность СССР.

Едва ли даже восстановленная ВЧК госмонополия на водку поможет залатать бюджетные дыры. Торговцы и производители алкоголя могут спать спокойно — никто не собирается немедленно национализировать водочную промышленность и открывать государственную сеть магазинов.

Как отметил в беседе с корреспондентом «Итогов» начальник департамента экономики федеративных отношений Минэкономики Аркадий Самохвалов, решение о введении госмонополии на алкоголь означает всего лишь «необходимость выполнения принятых в прошлом году законов и постановлений по водочной отрасли и более жесткий контроль за их исполнением». Так что ситуация на внутреннем алкогольном рынке вряд ли изменится.

БУДЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ ГОСМОНОПОЛИЯ НА ВОДКУ ИЛИ НЕТ, **НЕДОСТАТОК СПИРТНОГО РОССИЯНАМ НЕ ГРОЗИТ**

Ключевым моментом своеобразной государственной негосударственной водочной монополии станет введение на территории России специальной марки (соответствующее постановление вышло еще в августе прошлого года), которую с 1 января этого года обязаны наклеивать на свою продукцию все внутренние производители, имеющие лицензии. По замыслу законодателей, специальная марка поможет не столько пополнить бюджет (она стоит всего 100 руб.), сколько вытеснить с рынка всю подпольную продукцию, таковой марки, опять же по замыслу законодателей, лишенную.

Однако большая часть подпольной водки изготавливается не в подвалах и на чердаках, а на тех же легальных специализированных предприятиях (по оценкам правоохранительных органов, доля кустарной продукции в общем объеме неучтенной водки составляет не более 2%). С одной стороны, предприятия, уклоняясь от налогов, умышленно отражают в отчетности лишь часть своей продукции, с другой — многие заводы охотно сдают свои мощности в аренду сторонним фирмам, не всегда выполняющим требования закона. Поэтому «подпольщикам» не составит особого труда найти эти самые марки, договорившись с руководством предприятия — владельца лицензии. В конце концов, как предположили торговцы водкой, марки будут размножать путем ксерокопирования. Стоит также учесть, что, по оценкам независимых экспертов, примерно 40—50% производства подпольной водки сосредоточено на Северном Кавказе, где наладить контроль, понятное дело, еще труднее, чем в Центральной России.

Иными словами, количество нелегальной продукции вряд ли уменьшится, зато цены на российскую водку, как предполагают торговцы, повысятся через несколько месяцев примерно на 30% из-за затрат на дополнительное оборудование для наклеивания марок.

Вторым, по мнению законодателей, важным шагом стало введение сроком на год с 1 января этого года квот на импорт водки (в размере 10 млн. декалитров) и спирта (1 млн. декалитров). Решение о необходимости квотирования импорта алкоголя было принято Комиссией по защитным мерам при МВЭС в июле прошлого года на основании закона «О государственном регулировании внешнеэкономической деятельности». Квоты предполагается распределять через аукционы, которые должны проводиться на российских товарных биржах. Уведомления об аукционах следует помещать в средствах массовой информации не позднее чем за месяц до их проведения. Например, чтобы начать импортировать водку в январе, аукцион надо было проводить в начале декабря: для оформления необходимых документов импортерам требуется примерно месяц. Однако до сих пор ни одного аукциона по торговле алкогольными квотами в России проведено не было.

Получается, что по закону с 1 января этого года таможня имеет полное право не пропускать на территорию России водку и спирт без предъявления соответствующих разрешений, а импортеры не могут их получить, потому что аукционы по распределению квот не проводятся. Впрочем, не стоит пугаться. Хотя представители ГТК предсказывают перебои с импортным спиртным, не надо забывать о прозрачности российских границ с Белоруссией и Казахстаном, входящими в единый с Россией Таможенный союз. Именно через эти границы и поступает контрабанда.

К тому же не исключено, что в ближайшее время квотирование импорта алкоголя может быть отменено (возможно, этим обстоятельством и объясняется непроведение аукционов). Во всяком случае, МВФ уже высказал свое недовольство (напомним, кредиты МВФ Россия получает в том случае, если не будет возводить ограничительные барьеры на импорт).

Возникает вопрос: что же означает эта странная государственная негосударственная монополия на водку?

ПУТЕШЕСТВИЯ

Горнолыжное сердце разбито

Сентиментальное путешествие в Австрийские Альпы

Александр Баков

СТРАСТЬ

Звонят раз в неделю: «Вы такой-то сякой?» — «Такой». — «Осенью в Австрию забесплатно ездили с журналистской группой?» — «Ездил». — «А где публикация?» Каким, согласитесь, нужно быть эфиопом, чтобы в конце концов не проорать в трубку: «На, вот возьми ее скорей!»

В аэропорту нас встретила стройная высокая девушка, увенчанная крупной кошачьей головой.

«С прибытием в Вену». — Бибиревский говорок выдавал в ней соотечественницу.

«Все на месте? — Мы с солдатским единодушием закивали. — Тогда прошу к автобусу». Потянулись гуськом, но были остановлены. «Одну минуту. — Девушка окинула группу пастушьим взором. — Одного не хватает, ждем». Неловко сделалось за товарища. Поставили сумки и стали строить догадки, куда он запропастился. «Может, живот схватило», — предположил Ветеран, самый из нас старый и потому самый сострадательный. Но гипотеза не подтвердилась. Этот господин, видите ли, звонил австрийскому другу сообщить о своем прибытии. Его спокойствие и демонстративное нежелание следовать дворовому правилу «семеро одного не ждут» так всех возмутило, что вернуть расположение спутников бедному Экстремалу (имя, отчество и фамилию молодого человека без всяких на то причин не сообщаю) так до конца поездки и не удалось.

Посадка в автобус прошла организованно, только одна из девушек замешкалась у дверей. «Даша, — обратила она ясный взор на нашего гида, — думаю, тут надо заранее. Очень бы хотелось на обратном пути, когда будем в Вене, посетить Венскую оперу». — «Да, да, — встрепенулись остальные женщины, — безумно хочется». Даша отреагировала на просьбу, как человек приземленный: «Опера здесь удовольствие очень недешевое». — «Причем тут деньги, — вскинула плечи Летящая (так и будем звать меломанку). — Быть в Вене и не...» — «Я выясню», — купировала конец фразы наша опекунша.

Автобус втянулся в автобан и взял курс на Зальцбург. Вена в отместку за наше к ней невнимание выставила вдоль шоссе тусклую промзону. Хотелось чем-нибудь полюбоваться, но пока не получалось.

«Минуточку внимания. Я познакомлю вас с программой нашей поездки. — Даша была в меру торжественна. — Ее организовали известное в Австрии туристическое агентство «Мондиал» — я его представитель, и наш партнер, российская туроператорская фирма «Академсервис» — ее здесь представляет...» — Со своего кресла поднялся Эксперт (имя, поверьте, выбрано мною не случайно).

Вена наконец отстала от автобуса. Пошли холмы, такие же, как под Звенигородом, но без следов социалистического хозяйствования. Полноценные горы Австрия демонстрировать пока не спешила. Сумерки хоть и сгущались, но как-то бутафорски — оставляя различимыми все детали пейзажа. «Почвы в этом

районе по преимуществу кислые». — Эксперт методично сыпал на полусонных обитателей хлопья своих знаний. Совестно дремать, когда за окнами демонстрирует все мыслимые виды благоденствия страна, вовремя лишившаяся своих, как мы выражаемся, регионов.

Пробуждение почти сказочное: едем по набережной. Река не слишком широкая и настолько быстрая, что течение сносит вниз отражающиеся в воде огни. Соразмерные человеку дома по нескольку веков не меняли хозяев и потому чрезвычайно приветливы. Везде праздничный народ, тот же, что и полтысячи лет назад, только ради выходного нарядившийся в костюмы своих потомков. Автобус поворачивает на мост (он сам длиной с мост), снова выруливает на набережную, уже с другой стороны, и останавливается у отеля.

Бродим по вечернему Зальцбургу. Город ради пятницы чуть-чуть хлебнул и не думает ложиться. Везде свет, но не яркий, так что заполняет он, и то не доверху, только русло улицы. Косячки студентов выныривают из одних дверей и тут же вплывают в другие. Гогочут, толкаются — обычное юношеское безобразие, но пивного градуса. Почти каждая улица заканчивается площадью. Замечательно точно выдержана пропорция: улица — работа, площадь — праздник.

Потерялся Ветеран. Самому до отеля ему ни за что не добраться. Находит его опытная Даша у витрины с перочинными ножами. Стоит, озирается, сердечные клапаны стучат, аж слышно. «Ну что, устали?» — спрашивает тигроголовая. Дружно киваем.

Для пятизвездочного отеля нужна определенная подготовка. Мне все казалось, что сейчас нагрянут здоровые дядьки и спросят: «Есть у тебя заводы, дома, пароходы?» Ну и вытолкают взашей из этой огромной, роскошно убранной комнаты, вытащат мокрого из мраморной ванны. А так-то чем не рай. Дом, подумать только, современник Мамая — четырнадцатого века. В него волшебным образом вставили все возможные удобства века двадцатого. Шустрые, крошечные лифты на два обнявшихся человека устроены не иначе как в дымоходах. Лесенки, дворики — полное отсутствие топорной логики плоскостей и прямых. Пока до номера доберешься, долго и увлекательно плутаешь. К счастью, в этом «Альтштадте» мы провели только одну ночь, и привычка к роскоши во мне не укоренилась.

В горы

Дегустация Австрии — такое название должна носить эта поездка. Пригубили Зальцбург, и снова в автобус. Редкие пока горы, как коты, выгибают спины при нашем приближении. Взбираться на них не приходится — за то время, что Россия творила свою историю, австрийцы успели наделать в скалах множество дыр для машин и поездов, поэтому в смысле дорог Австрия страна почти равнинная.

Хотя поездка задумана как горнолыжная, кроме Экстремала, Эксперта и вашего слуги покорного, никто в группе к лыжам и горам не имеет никакого отношения. Устроители, надо думать, делали ставку на восторг первого обладания, который впоследствии будет двигать журналистскими перьями. Но они явно просчитались. Ни среди журналистов, ни даже среди писателей, которыми в отличие от харчей никогда русская земля не оскудевала, таланта, что справился бы с темой «горные лыжи», не сыскать. Тем более бесполезно браться за нее человеку, не пережившему счастья стремительного и благополучного спуска с горы, выше которой залетает только праздношатающийся орел.

Автобус приближался к известнейшему горнолыжному курорту Целамзее. Все спали, только мы с Экстремалом провожали глазами белые вершины и тихо повизгивали от нетерпения: завтра обещаны лыжи.

Нельзя понять, куда эти австрийцы девают котельные, отстойники, гаражи, мастерские, склады — все то, что в России можно найти на задах любой, даже правительственной, здравницы. Не городок — игрушка. Весь уместился на крошечном полуострове. С трех сторон озеро, с четвертой — горы. Когда все это завалит снегом и у ночных фонарей отрастут ресницы, когда расчистят озеро и оно превратится в огромный каток, когда заработают десятки подъемников, расходящихся лучами почти что от центральной площади, меня здесь не будет. Жаль, что нельзя получить горнолыжное убежище, по типу политического.

Утро началось с экскурсии по городу. Я плелся в хвосте процессии и проклинал все эти неземной красоты отели, бассейны, теннисные корты, площадки для гольфа и Бог знает еще для каких буржуазных игр. Лыжи, когда лыжи? То же, видимо, творилось и в душе Экстремала. Но имея по молодости несколько упрощенное представление о свободе личности, он в отличие от меня терпеть этой пытки не стал и объявил, что едет на ледник один.

«Нет, на ледник вы поедете с группой», — произнесла Даша с той мягкостью, с какой крупный представитель семейства кошачьих перешибает лапой хребет буйволу.

«Да вы назначьте время, и я точно буду», — настаивал Экстремал. «Еще раз повторяю, на ледник вы поедете с группой».

Я трусливо наблюдал за сражением, готовый присоединиться к победителю.

«Все-таки не понимаю, почему мы все время должны двигаться стадом». Экстремал на своем недолгом веку покорил множество вершин и от намеченной цели не привык отступать.

«Просто мы здесь в гостях и обязаны выполнять программу, предложенную хозяевами», — мягко заметила Даша. Экстремал покраснел и устремил на оппонента вопросительный взгляд. «Да-да, ты правильно меня понял, — от-

ветили ясные девичьи очи, — возят тебя по Австрии бесплатно, так нечего и капризничать».

Смирившись с тем, что лыжи откладываются, я посмотрел на город и увидел, что город хорош. Собственно, он и вчера был не хуже, но сегодня в озеро набухали синьки, по зелени склонов пустили золотые и бордовые пятна, горы залили солнцем и чуть отодвинули, чтобы дать немного простору домам, которые, кстати сказать, все поголовно здесь заняты в туристическом бизнесе и потому, сохраняя достоинство и вкус (белые стены, темное дерево, черепица, цветы), очень стараются понравиться публике, даже такой десятидолларовой, как мы.

«Дальнейшие планы такие: сейчас мы едем на Капрунский ледник. Там экскурсия, потом желающие могут минут сорок покататься на лыжах, далее обед в высокогорном кафе — его устраивает в нашу честь местный совет по туризму. Ровно в четыре садимся в автобус и отправляемся в Инсбрук». Тут даже моя заячья душа возмутилась: «К черту обед, кто хочет, пусть обедает, а мы будем кататься!»

Ледник

От Целамзее до Капруна 20 минут езды. Еще столько же на подъемнике, и вот она, верхняя станция. Мы с Экстремалом даем страшную клятву ровно в четыре быть в автобусе и на рысях направляемся к пункту проката. «Если что, своих же товарищей подведете», — кричит вдогонку Даша, сохранившая в чужой языковой среде коммунальную лексику в самых рафинированных формах.

Целебные свойства горного солнца отмечали еще древнекитайские ученые. В цинском трактате Кай-фуй читаем: «В поисках дао все силы следует употребить на соединение двух светлых начал: горных лыж и горного солнца. Порознь они врачуют тело, вместе — душу». О миг блаженства! Я стоял на снегу, вверх уходил ледник, и по нему, разбрасывая брызги, летел на меня поток газированной солнечной материи. Зажмурился, чтобы поберечь глаза, поставил ботинок в крепление, надавил пяткой. Щелчок — и подошва прилипла к плоскости лыжи. С человеком в этот момент происходит почти то же, что с утопленницей, когда ее превращают в русалку: ноги вдруг срастаются (не так чтоб полностью, но в значительной степени), и короткое время пребываешь в уверенности, что тебя разбил паралич. Однако скоро возникает восхитительное чувство: в новой среде обитания только такое устройство нижних конечностей и дает свободу движений.

«Это кто такой красивый дуги плавные ведет? Это я такой красивый дуги плавные веду!» — заливалась душа в такт грациозным движениям соприродного ей тела. Лыжи оставляли за собой идеально ровную змейку. Спуск был столь стремителен, что солнце едва поспевало пристраивать тень к моей фигуре. Глядя, с каким совершенством обитатель среднерусской равнины владеет географически чуждым ему искусством горных лыж, австрийцы только качали головами.

Внизу у подъемника меня поджидал Экстремал. «Вы, я вижу, после лета тоже как корова на льду».

Не устаю удивляться силе слов. Вкупе с юношеской горновосходительная прямота моего товарища в одно мгновение потушила солнце, затянула небо какой-то лягушачьей икрой, а Альпы превратила в люблинские поля аэрации. «Бросать надо к черту эти лыжи. С моей техникой только людей смешить», — думал я тоскливую думу, пока подъемник тянул нас на вершину. Но горные лыжи, даже если они просто надеты на ноги, лечат любые душевные раны. Когда мы с Экстремалом подъезжали к верхней станции, в снегу опять прыгали лучистоногие кузнечики и на своде не было ни единой морщинки.

Экстремал объявил, что без риска для жизни ему кататься скучно, и полез пешком на торчащую сбоку вершину. А мне скучно не было. Эти идеально выглаженные склоны, видимо, специально готовят для таких, как я, обывателей. Мало снега, подсыпят — почти везде имеются снежные пушки, что-то торчит, загородят сеткой. Я-то привык, что сложная трасса и опасная — синонимы, а оказалось, ничего подобного. И глядя на всю эту дружелюбную красоту, на залитые солнцем горы и расходящиеся к вершинам подъемники, я вдруг понял, что свою горнолыжную жизнь прожил зря и все ее радости были на самом деле мучением. Австрия, сама того не желая, разбила мое сердце.

«Что вы такой квелый?» — осведомился Экстремал, успевший уже спуститься со склона, по которому не ездят люди, живущие в странах с платной медициной. «Грущу, что попал сюда уже в преклонном возрасте». — «Да чего тут хорошего. Вот в Непале спускался я на лыжах с восьмитысячника, так действительно дух захватывало. До меня там двое разбились».

Очередной раз слетев к нижней станции, я встретил там всю нашу группу, которая после посещения смотровой площадки нежилась на солнце рядом с кафе в ожидании обеда. «Вам не страшно так быстро ездить?» — спросила меня Летящая, чуткая ко всему прекрасному — будь то горные лыжи или Венская опера (знаю случай, когда в ответ на точно такой вопрос мужчина прямо на склоне предложил женщине руку и сердце). «Разве это быстро», — возразил я, потупившись.

«Рожи у вас, как кирпич, — так приветствовал Ветеран наше появление в автобусе. — Поглядел, как вы там носитесь. Этак рать не видать, можно и шею свернуть». — «На австрийских трассах практически невозможно, — возразил Эксперт, — надо специально постараться». И он выразительно посмотрел на Экстремала.

Инструктор

Справедливость этого замечания я в полной мере оценил через два дня на Штубайском леднике. Когда нас туда привезли, внизу шел дождь, а наверху висела оптически непрозрачная туча. Кататься при такой видимости могут только мои соотечественники, а из австрийцев те, кто побывал на восточном фронте. И первый спуск я проделал со всей осторожностью, памятуя о семье, которая может потерять едока. На втором уже несколько осмелел. На третьем спросил себя: «А что тут видеть, при таком-то качестве трассы?» И дунул с обычной своей скоростью.

В этот раз на склон вывели всех, рассудив, что журналисты — это такого рода сочинители, которые свои сюжеты должны брать из жизни, а не из головы. Пока мы с Экстремалом, ровно буревестники, носились внутри тучи, остальные под руководством инструктора разучивали первые па на пологом выкате у нижней станции. «Советую вам посмотреть на этого мужика», — сказал Экстремал, когда в очередной раз наши траектории пересеклись. Я подъехал к группе. Прошел-то всего час, а они, к моему удивлению, уже вполне сносно поворачивали вправо-влево и даже палки держали правильно.

Инструктор, лишенный такого мощного инструмента обучения, как речь, только показывал. Самые простые, самые первые па, но начнешь смотреть — не оторвешься. Этот поджарый загорелый дьявол мало того что находился в полной гармонии со снегом и гравитацией, еще и обладал даром рифмовать движения. Всякое упражнение строилось у него по строгим законам версификации и потому мгновенно запоминалось. А с какой серьезностью он обучал своему искусству людей, которые через час снимут лыжи и почти наверняка их больше никогда не наденут! Эксперт, когда я потом делился с ним своими восторгами, был немногословен: «Это у него в крови. За неделю австрийский инструктор обязан поставить на лыжи любого».

Девушкам нашим катание понравилось, Летящей даже очень: «Обязательно приеду сюда зимой, если деньги будут». Я стал прикидывать, сколько мне понадобится на семью из четырех ч..........еловек, и кончилось это разлитием желчи. Лица спутников сделались все очень неприятными. А зачем о вполне симпатичных людях писать плохо. Лучше вовремя остановиться. Тем более что Штубайский ледник смешал все карты, всунулся в повествование без очереди. И ладно. Если двигаться по порядку, до него скорее всего вообще дело не дошло бы. Впереди Инсбрук, Райт, Зифельд. Места все райские. На них и более лаконичное перо истратило бы с десяток журнальных страниц. А Штубай — это все-таки лыжи, о которых тут и велся рассказ. Ну и о лыжниках. ■

Зима, тепло, фаранги прилетели...

Отмечена массовая сезонная миграция в Таиланд «нового среднего класса» и провинциальной «братвы» из России

Анатолий Елин

НЕГА

В СЕРЕДИНЕ НОЯБРЯ, КОГДА ВЕТЕР СРЫВАЕТ последние листья с московских деревьев, в Таиланде заканчивается сезон дождей. И наступает время перелетных туристов. Всех их, от датчан до чилийцев, местное население именует фарангами, что в переводе с азиатского английского, словарь которого был впервые издан в Сиднее в 1996 году, означает «иностранцы».

Присутствие наших соотечественников в пестрых стаях, ежедневно высаживающихся в аэропорту Бангкока, в этом году особенно заметно. Если дело так пойдет и дальше, то скоро период с ноября по февраль на побережье Сиамского залива и Андаманского моря придется именовать русским сезоном. А на популярном курорте Паттайя уже и сегодня процентов 70 отдыхающих — русские, о чем свидетельствует, в частности, жизнерадостное приветствие «давай-давай», которым вас встретят в любой здешней торговой точке.

Популярность Таиланда среди относительно кредитоспособной части российского населения объясняется удачным сочетанием нескольких факторов. Прежде всего экзотики и приятного зимнего (25–30 градусов) тепла. Кроме того, Таиланд все еще очень недорогая для путешественника страна. Первоклассный ужин из морских блюд обойдется (без спиртного) в 10–20 долларов, а поездка на такси в центральной части Бангкока — в 2–3. К тому же, несмотря на расстояние почти в 10 тысяч километров, из Москвы сюда легко добраться. Кроме регулярных московских рейсов, в Бангкок летают чартеры из нескольких российских городов. Обычный маршрут их пассажиров лежит через столицу в Паттайю. С декабря начались прямые чартерные рейсы и на южнотаиландский курорт — остров Пхукет. Стоимость стандартного недельного «пакета», включающего перелет, гостиницу с завтраком, трансферы и две-три экскурсии, колеблется в пределах 700–1000 долларов (на Пхукет — подороже). Крупные фирмы, организующие собственные чартерные рейсы, продают туры несколько дешевле.

Страна свободных, земля улыбок

Таиланд, ранее именовавшийся Сиамом, — единственное государство региона, никогда не бывшее ничьей колонией. Тайцы чрезвычайно гордятся этим обстоятельством, называя свою страну «муанг таи», «земля свободных». Укоренившееся в массовом сознании ощущение исключительности исторической судьбы Таиланда, несомненно, способствовало сохранению своеобразного национального характера, уклада и обычаев. Два краеугольных камня этого уклада — монархия и буддизм, в чем вы незамедлительно убедитесь, оказавшись в любом здешнем учреждении, — по обилию портретов королевской четы, и на любой центральной улице, — по вставшим на горизонте шпилям пагод и многочисленным королевским резиденциям.

ТЩАТЕЛЬНОСТЬ В РАБОТЕ — ЕЩЕ ОДНА ИЗ БУДДИСТСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

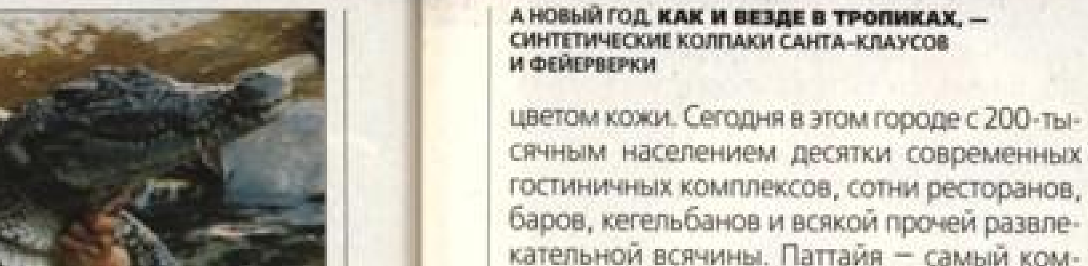
Присущие тайцам сдержанность и скромность, вежливость и терпимость непосредственно связаны с буддистским наследием, органично вошедшим в повседневную культуру страны. Эта культура делает путешествие по Таиланду легким и приятным.

Впрочем, правила поведения путешественника в Таиланде применимы к любой стране ми-

МОРСКАЯ КУХНЯ, ТАЙСКИЙ МАССАЖ, КРОКОДИЛЬИ ШОУ... **ВПРОЧЕМ, НЕКОТОРЫЕ ЛЮБЯТ ПОГОРЯЧЕЕ**

ра: минимальные меры предосторожности, вежливость и соблюдение местных табу. Категорически нельзя демонстрировать неуважение к атрибутам королевской власти и к изображениям Будды (скажем, в шортах или в чрезмерно декольтированном наряде посещать музей — Большой королевский дворец или садиться в буддистском храме, повернув ноги к алтарю).

Полное название многомиллионного Бангкока по-тайски занимает не меньше трех строк. Короткое местное название Крунгтеп в переводе означает «город ангелов». Попав в этот гигантский человеческий котел и услышав где-нибудь посреди километровой автомобильной пробки с пробирающимися через немыслимо узкие щели десятками мотоциклистов это название, восходящее к многочисленным храмам и монастырям города, начинаешь понимать, как много здесь изменилось за последние десятилетия. Другие расхожие наименования — «Венеция Востока» (благодаря многочисленным, ныне постепенно приходящим в упадок и засыпаемым землей каналамхлонгам), «Всеазиатская барахолка» и «Секс-столица мира» (благодаря «веселому кварталу» с шоу, девушками и юношами на любой вкус). Но все же более всего впечатляет грандиозное бангкокское дорожное и прочее городское строительство: эстакады, развязки, общественные здания, мосты. Благодаря им когда-нибудь Бангкок наверняка станет одним из благоустроенных городов Азии. Пока же заборы многочисленных строек, пыль и фантасмагорические пробки начисто отбивают желание проводить здесь больше времени, чем требуется для осмотра достопримечательностей (Большого дворца с храмом Изумрудного Будды, Храма Рассвета, ночных шоу и плавучего рынка) и совершения покупок.

Чтобы почувствовать очарование Бангкока с его узкими многолюдными улочками, лодками на стоячей воде, зелено-оранжевыми крышами дворцов и храмов (их более 300), надо выбраться из потных туристских орд, фотографирующихся на фоне чудовищ во внутренних двориках Большого дворца или созерцающих Изумрудного Будду в роскошных одеяниях, которые меняют трижды в год (на самом деле эта считающаяся чудодейственной 60-сантиметровая статуэтка, изготовленная примерно тысячу лет назад на Цейлоне и обнаруженная в Таиланде в 1436 году, сделана не из изумруда, а из красивой зеленой яшмы). И тогда, пройдясь по цветочному рынку или прокатившись с риском перевернуться на местном трехколесном такси-мотороллере «тук-тук», вы наверняка согласитесь с Сомерсетом Моэмом: нельзя не засмеяться от радости при мысли, что нечто столь фантастическое может существовать на нашей хмурой земле.

Русская тропа к Паттайе

И все же Бангкок — в основном перевалочный пункт на пути истосковавшихся по солнцу странников к вожделенному морю. Трехчасовой путь из столицы в Паттайю, мекку русского туризма в Таиланде, лежит вдоль каналов, рисовых полей и привычно безобразной панорамы промышленных зон. Обязательной остановкой на этом пути будет крокодиловая ферма с небольшим зоопарком и слоновьим шоу. Наивные крокодилы охотно берут в пасть, а потом возвращают дрессировщикам 20-, 50-, 100-батовые купюры (1 доллар приблизительно соответствует 25 батам, курс стабильный), которые бросают на арену наивные туристы. Практичные японцы предпочитают бросать крокодилам не деньги, а живых кур, и заевшиеся твари лениво идут на бартер «хлеб — зрелища», позволяя снимать себя на фото- и видеокамеры.

Тридцать лет назад Паттайя была сонной рыбачьей деревней. Ее судьбу изменила война во Вьетнаме. Неподалеку отсюда квартировали американцы. На живописном морском берегу для них была построена база отдыха. С нее и началась история всеазиатской столицы секс-туризма. Напоминание о тех временах — нет-нет да и встречающиеся среди местных жителей «американские» тайцы с черным

А НОВЫЙ ГОД, **КАК И ВЕЗДЕ В ТРОПИКАХ, —** СИНТЕТИЧЕСКИЕ КОЛПАКИ САНТА-КЛАУСОВ И ФЕЙЕРВЕРКИ

цветом кожи. Сегодня в этом городе с 200-тысячным населением десятки современных гостиничных комплексов, сотни ресторанов, баров, кегельбанов и всякой прочей развлекательной всячины. Паттайя — самый комфортабельный и самый «западный» курорт Таиланда. Здесь чуть ли не лучшие в стране рестораны и ночные клубы. Но главная достопримечательность Паттайи — «Стрип» — центр ночной жизни, километровый отрезок набережной с прилегающими переулками, сверкающий разноцветными огнями, оглушающий музыкой из баров и дискотек. И у входа в каждый бар, каждую дискотеку призывно машут руками, приплясывают или просто томно потягивают коктейль миниатюрные жрицы любви. Хватает здесь баров и шоу трансвеститов (одно из них, «Альказар», приобрело международную известность и входит в число наиболее профессиональных зрелищ такого рода в мире). Есть и целые «голубые» кварталы, где у входа в бары с поэтическими названиями вроде «Лунный свет» реклама предложит вам «самых нежных и сексапильных мальчиков». Хотя официально проституции в Таиланде не существует, в любом подробном путеводителе вы можете прочесть, что не менее 2/3 из 100-тысячного женского населения Паттайи зарабатывают на жизнь этим древнейшим ремеслом. Большинство — «свободные художницы», есть и «кооперативы». Наряду с профессионалками подрабатывают множество любительниц, в дневное время — официанток, продавщиц, массажисток (стоимость полного цикла услуг профессионалки или профессионала, включая ужин, колеблется от 100 до 150 долларов; любительницы нередко довольствуются ужином и подарками).

В последние годы звезда Паттайи как столицы эротического туризма несколько померкла. Сказалось то ли распространение СПИДа, то ли очередная «моральная революция» на Западе, то ли просто мода прошла. Но тут на выручку пришел «русский десант», практически полностью оккупировавший ныне гостиничный комплекс «Паттайя-парк» и другие крупные отели и пополнивший поредевшие ряды седых искателей тинэйджеровских объятий. Впрочем, среди нового контингента появилось немалое количество семейных пар, родителей с детьми и непривычных для Паттайи белых дам без кавалеров.

Рынок отреагировал мгновенно. Как грибы, растут парки водных аттракционов, кафе-кондитерские и закусочные fast food. Из «ночного города» Паттайя превращается в привлекательный приморский курорт для среднего класса. Среди развлечений внимания заслуживает занимающая полдня экскурсия в природно-этнографический заповедник Нонг Нуч (15 км от города, стоимость индивидуальной — на такси — или групповой поездки колеблется в пределах 18—20 долларов), где можно посмотреть ухоженный сад в японском стиле, прекрасный питомник орхидей, шоу слонов и этнографическую выставку. Есть неподалеку от Паттайи и буддистский комплекс, змеиная ферма и слоновья деревня. Если же взять напрокат мотоцикл или джип (соответственно 20 и 45 долларов в день) и не забыть о левостороннем движении, увидеть удастся еще больше. ■

Бангкок — Паттайя — Москва

Казни египетские

Российский туристический бизнес может быть опасен для здоровья

Андрей Быстрицкий

РЕАЛЬНОСТЬ

О пороках российского туристического бизнеса написано немало: и о том, что договоры, которые заключаются с туристами, как правило, не выдерживают никакой критики, и о том, что райские кущи, нарисованные словоохотливыми сотрудниками агентств, на деле часто оборачиваются убогими лачугами с отвратительным обслуживанием, и о том, что многие агентства, получив деньги с клиентов, благополучно забывают об их существовании, едва за ними закрывается дверь.

Конечно, у российского отдыхающего сохраняются некоторые шансы попасть в руки агентства, готового отвечать за свои обещания. Но, судя по всему, существуют и типологические особенности российского туристического бизнеса в целом. В сентябре прошлого года в Шереметьево-2 был проведен опрос (по случайной выборке) туристов, возвращающихся с отдыха. Три четверти опрошенных заявили, что фирма, отправившая их отдыхать, в том или ином отношении нарушила свои обязательства. Примерно половина жаловалась на задержки рейсов и неудобное время вылета. Судя по моему личному опыту, подобное недовольство достаточно обосновано.

Российские туристические агентства, как правило, составляют с клиентами договоры, по которым клиент лишен всяких гарантий. Чаще всего туристу выдается так называемая путевка, в которой записаны сроки поездки, обязательство доставить туриста от аэродрома до отеля и обратно, указаны название отеля и условия питания в нем. Иногда вписывают заранее заказанные экскурсии. И все.

Но зато всегда жестко и даже как-то пугающе подчеркивается, что если турист откажется от поездки, то он лишится или всех своих де-

нег, или их солидной части. Вместе с тем Антимонопольный комитет несколько раз указывал на то, что штрафы за отказ от поездки являются противозаконными.

В конце 1996 года несколько сотрудников редакции решили поехать отдохнуть в Египет. И обратились к внешне довольно солидному агентству «Москва-тур». Естественно, что ласковые барышни из агентства продали путевку, в которой содержалось все вышеперечисленное. Кроме того, в документе было сказано, что агентство не несет ответственности за перевозчика, в данном случае компанию «Российские международные авиалинии», и билеты почему-то обещали выдать прямо в аэропорту в шесть утра.

Когда мы исправно прибыли в аэропорт (правда, части туристов зачем-то назначили встречу в пять утра, и они провели довольно тревожный час в ожидании) и получили билеты, то с некоторым удивлением обнаружили в них штамп, согласно которому перевозчик возлагал всю ответственность за соблюдение условий полета на туристическое агентство. Так что мы оказались в весьма странном положении, имея на руках два документа, прямо противоречащих друг другу. Как выяснилось впоследствии, все это было не случайно.

Тем не менее мы благополучно и вовремя вылетели и не менее благополучно прибыли в Египет, и даже оказались именно в том отеле, что заказывали.

Некоторым другим туристам так не везет. В марте прошлого года, например, АО «Турист» просто не отправило 154 человека в Египет. Тогда этих несчастных полдня мотали по различным аэродромам, включая Чкаловский, в поисках какого-то мифического самолета, будто бы принадлежащего отряду космонавтов. Кончилось это мытарство встречей у ворот военного аэродрома с генералом, который назвал сотрудников агентства аферистами. АО «Турист» тогда свою вину признало и без особых колебаний не только вернуло деньги клиентам, но даже, не доводя дело до суда, выплатило им компенсацию. Вообще опыт показывает, что угроза судебного преследования действует на туристические агентства отрезвляюще, тем более что большинство исков туристов к ним удовлетворяется. Тем же, кто ленится самостоятельно ходить по судам, можно порекомендовать обратиться в Общество защиты потребителей, адвокаты которого могут взять на себя ведение дела.

Но вернемся к нашей истории. В общем и целом условия отдыха в Египте были такими, как нам обещали. За исключением одного обстоятельства: 1 января, накануне вылета домой, мы обнаружили в отеле объявление о том, что вылет откладывается на три дня «по техническим причинам». Понятно, что это произвело на нас сильное впечатление. Справедливости ради стоит заметить, что агентство «Москва-тур» без сопротивления продлило проживание в отеле. В незавидном положе-

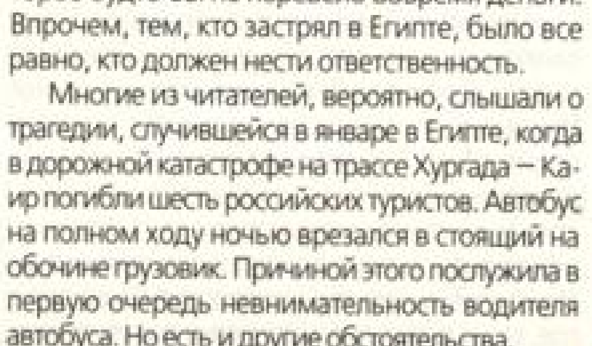
РАДОСТИ ЭКЗОТИЧЕСКОГО ОТДЫХА (ФОТО ВВЕРХУ) **МОГУТ БЫТЬ ОТРАВЛЕНЫ НАШИМ ТУРИСТИЧЕСКИМ СЕРВИСОМ** (ФОТО ВНИЗУ). **ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТУРА АГЕНТСТВА «КЛАССИК-ТРЕВЕЛ»**

нии оказались те, у кого кончились к этому моменту деньги: даже за «казенным» ужином нужно платить за любые напитки.

В аналогичной ситуации в августе этого года в Испании агентство «Классик-тревел» бросило на произвол судьбы своих туристов, многие из которых не знали иностранных языков и, следовательно, даже не могли объяснить в своих отелях, что их вылет откладывается. А тем, кто заплатил за лишние дни в гостинице самостоятельно, агентство отказалось даже компенсировать расходы. «Москва-тур» вела себя куда более достойно и в отличие от «Классик-тревел», которое до последней минуты скрывало от туристов, что вылет состоится в другие сроки, не врала. Сотрудники «Москвы-тур», во всяком случае, периодически появлялись и сообщали какие-то обнадеживающие вести: мол, самолет обещан, рано или поздно все улетим и так далее. Я думаю, что многие «граждане отдыхающие» были даже довольны таким поворотом дел и приняли дополнительные дни отдыха как подарок судьбы.

С чисто правовой точки зрения, впрочем, агентство выполнило лишь то, что ему полагалось: согласно международным законам об авиаперевозках, при длительных задержках рейсов перевозчик (в данном случае, организатор чартерного рейса) обязан содержать пассажиров за свой счет, платить за жилье и еду.

Упомянутый штамп в билете, кстати, проливает свет, в частности, на возможные причины столь длительной задержки рейса. Можно предположить, что на рейс 2 января агентство не нашло достаточно желающих лететь. С учетом того, что фрахт самолета стоит примерно 40—50 тысяч долларов, было дешевле содержать несколько дней туристов в отеле (тем более что номера выкуплены агентством на большой срок вперед), чем гнать пустой самолет. Когда же набралось достаточное количество пассажиров, аренда самолета сделалась более рентабельной. Во всяком случае, экипаж самолета утверждал, что дело не в «Аэрофлоте», а в агентстве, которое будто бы не перевело вовремя деньги. Впрочем, тем, кто застрял в Египте, было все равно, кто должен нести ответственность.

Многие из читателей, вероятно, слышали о трагедии, случившейся в январе в Египте, когда в дорожной катастрофе на трассе Хургада — Каир погибли шесть российских туристов. Автобус на полном ходу ночью врезался в стоящий на обочине грузовик. Причиной этого послужила в первую очередь невнимательность водителя автобуса. Но есть и другие обстоятельства.

Одно из них касается нещадной эксплуатации водителей. Часто шофер, весь день проведя за рулем, например, съездив с туристами в Луксор (500-километровый маршрут) и отдохнув всего 1—2 часа, в ночь опять выезжает с туристами в Каир (1200 километров в обе стороны). Как раз во время нашего пребывания в Египте одна группа российских туристов была вынуждена остановить автобус, поскольку водитель просто засыпал. Кто-то из умеющих водить большие машины сел за руль.

Другая причина — в принятой манере езды в Египте. Аварийные ситуации создавались у нас на глазах несколько раз, причем исключительно из-за лихачества. Поскольку турагентства склонны экономить на всем, то они, естественно, часто нанимают, особенно для коротких путешествий, водителей или очень молодых или недостаточно квалифицированных.

Только за те две недели, что мы провели в Хургаде, в ней случилось еще три дорожных происшествия с туристами (не считая трагедии с автобусом). В двух из них пострадали российские туристы. Слава Богу, дело в этих случаях обошлось без человеческих жертв, но в больницу кое-кто попал.

Дело, понятно, не исчерпывается дорожной безопасностью. По моим подсчетам, более половины наших соседей по гостинице страдали теми или иными желудочными отравлениями. В ряде случаев это было вызвано элементарной неаккуратностью, но часто причиной была и скупость агентств, которые для кормления туристов в поездках выбирали самые дешевые рестораны. Но, строго говоря, мающийся животом турист — не отдыхающий, а больной. За что в принципе тоже можно требовать компенсации от агентства.

Впрочем, роптать и сетовать бессмысленно. Единственный способ хоть как-то повлиять на состояние туристического бизнеса в России — не стесняться и не лениться подавать в суд на каждое нарушение заранее оговоренных условий отдыха. Повторю, что это достаточно действенный способ. ■

Фото автора

Ответственность чудотворца

Врач может отвечать только за свою работу

Денис Драгунский

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ

Вот две медицинские истории. Одна произошла в московской районной поликлинике, другая — в американском госпитале. В первом случае речь шла о пустяковой болячке, а во втором — о спасении человеческих жизней.

У одного моего приятеля стал нарывать палец на ноге. Промаявшись несколько дней, он пошел в поликлинику. Хирург, не проронив ни единого слова, побрызгал распухший палец обезболивающим спреем, вскрыл нарыв, вычистил гной, заткнул ранку ватным фитилем, наложил бинт и крикнул: «Следующий!» Однако через сутки палец раздуло еще сильнее. Из ранки, прошу прощения за подробности, все время что-то сочилось, а потом полезли какие-то темные кусочки. Началась беготня по частным врачам — вернее, не беготня, а ковыляние вприпрыжку. Оказалось, районный хирург вскрыл нарыв слишком рано. Гной еще не осумковался, не успел превратиться в четко оформленный комок, который только и можно чисто и безопасно удалить. Чтобы поймать этот решающий момент, не нужно высоких технологий или многолетней практики. Показанием служит сильная, до невозможности уснуть, дергающая боль в несчастном пальце. Именно после такой бессонной ночи и производится эта, с позволения сказать, операция. Врачебная ошибка на уровне фельдшерских познаний стоила моему другу двух лет упорной борьбы с начинающимся остеомиелитом. И все потому, что врач не спросил больного — где, как и давно ли у него болит палец. «Почему же ты дался резать?» — спрашивали все дальнейшие врачи — хирурги, физиотерапевты, гомеопаты и травники. Ответ был прост — больной верил в знания и ответственность врача. Молчаливая деловитость хирурга только укрепляла эту веру.

Слава Богу, все кончилось хорошо.

Все кончилось хорошо и в американской клинике, где хирург-акушер принимал патологические роды. В старые времена в таких случаях врач спрашивал мужа роженицы: кого спасать — мать или ребенка? Это был именно такой случай, но врач совершил почти чудо и спас обоих. Вернул мужу здоровую жену и подарил родителям здорового мальчика. Это случилось лет двадцать назад, но врачи и сестры этой больницы до сих пор помнят, как муж пациентки прилюдно стоял перед хирургом на коленях и целовал его руки.

Но ничто не длится вечно — ни нарыв на пальце, ни человеческая признательность. Мальчик вырос, окончил школу, но не смог поступить в хороший университет — не хватило баллов по математике. Кто виноват? Никем не доказанное влияние генов? Такая туманная материя, как талант? Или вполне конкретный хирург, который, извлекая младенца из родовых путей, вполне мог как-то не так ухватить его голову и повредить мозг. Поэтому отец мальчика подал на хирурга в суд за неправильное лечение, приведшее к тяжелым последствиям в виде невозможности продолжать обучение и сделать хорошую карьеру.

С чисто медицинской точки зрения это скорее всего абсурд — если бы мозг действительно был поврежден, то вряд ли мальчик смог бы окончить школу. О моральной стороне и говорить не хочется. Но в юридическом аспекте дело отнюдь не бесперспективное.

Разумеется, наш российский больной с искалеченным пальцем не стал подавать в суд, хотя истратил на исправление врачебной ошибки немало времени и денег и не имел никаких нравственных обязательств перед первым хирургом, виновником его мытарств. Не стал судиться потому, что у нас это как-то не принято. Тем более в таких несмертельных случаях.

Итак, в первом случае пациент проклинает себя за доверчивость и ненавидит врача за непрофессионализм. Во втором случае врач тоже проклинает себя за беспечность (надо было взять расписку!) и, наверное, ненавидит пациента за черную неблагодарность.

Взаимоотношения врача и пациента очень точно отражают сложившиеся в обществе отношения между людьми. На Западе врач — это прежде всего профессионал, в полной мере отвечающий за свою работу. Там, где отношения между людьми строго регламентированы, регулятором поступков в трудных случаях становится договорное право, а не движения души. Иск, предъявленный хирургу-спасителю, выглядит чудовищно. Вот она, американская бездуховность во всей своей неприглядной красе!

Но не все так просто. Мы почему-то считаем, что регламентация всего и вся свойственна тоталитаризму, а демократия — сплошная свобода. Это не совсем так — вернее, совсем не так. Успешно функционирующая демократия — это господство права, законов и норм на все случаи жизни, включая, разумеется, взаимоотношения врача и пациента. Американский врач обязан подробно и толково разъяснить пациенту, чем он болен (иногда для этого раскрывается анатомический атлас), рассказать о предстоящем лечении, предупредить о возможных осложнениях и предоставить больному право окончательного решения. Разумеется, и в Америке нет стопроцентной гарантии от врачебных ошибок или даже от поразительной врачебной халатности (известен случай, когда больному ампутировали не ту ногу). Хирург-акушер, о котором шла речь, был вынужден принимать решение сам и действовал на собственный страх и риск. В этот момент он был не профессионалом, чьи возможности всегда ограниченны, а чудесным спасителем. И, к сожалению, поплатился за это. Но здесь утешает одно — вся эта весьма неординарная ситуация разворачивается в строгих правовых рамках.

А тоталитаризм имеет самое отдаленное отношение к законности, к устойчивым нормам и правилам. Тоталитаризм — это метафора, отлитая в государственный чугун. В России все стремится выйти за предначертанные рамки. Поэт — больше, чем поэт. Врач — больше, чем профессионал лечебного дела. Друг, спаситель, герой, чудотворец, представитель самой благородной профессии... Смешно было бы специально оговариваться насчет своего уважения к врачам, тем более сейчас, когда большинство российских медиков работают за копеечную зарплату. Или подчеркивать, что врач — это все-таки профессионал особого рода, которому люди вверяют жизнь и доверяют тайны. Все так. Но речь о другом: неверное определение социальной роли врача создает массу тяжелых проблем и для пациентов, и для самих врачей.

В советскую эпоху медицина, как это ни печально, была частью тоталитарной системы. Не будем говорить тут об организации здравоохранения — это отдельная тема. В своих отношениях с пациентом врач воспроизводил тоталитарную систему ценностей.

До сих пор у нас принято считать, что врач отвечает за больного. Не перед больным или его близкими, а именно за больного. Как за несмышленого ребенка. От советских времен мы унаследовали врача-начальника, распорядителя здоровья, который думает и решает за нас, не унижаясь до подробных объяснений и лишних, с его точки зрения, разговоров.

Иногда это мотивируется соображениями гуманности (у нас не принято сообщать больному о возможности фатального исхода его болезни). Иногда — нецелесообразностью обсуждения с пациентом сложных проблем медицины. На деле и то и другое — отсутствие уважения к личности больного.

То, что данный человек в данное время болен, не исключает его из системы демократических правоотношений. Больной имеет право на всю информацию о своей болезни. Врач обязан говорить больному правду — другое дело, что он должен найти нужные слова, но на то он и врач. А решение по поводу лечения — будь это поездка в санаторий, курс дорогостоящей терапии или операция с неясным исходом — должен принимать сам больной. Дело врача — поставить правильный диагноз, назначить и провести адекватное лечение, при этом постоянно держа пациента в курсе дела. «Отвечать за больного» должен сам больной или его родные. А врач может отвечать только за свою работу — в рамках тщательно разработанных правовых норм.

Именно там, где «врач отвечает за больного» — то есть где общество передоверяет врачу частицу свободы, принадлежащей личности, — там безграничное доверие легко оборачивается паранойяльной подозрительностью. Мой друг, о котором я рассказывал в самом начале, теперь почти уверен, что районный хирург нарочно расковырял ему несозревший нарыв. Впрочем, недоверие к врачу — проблема не только российского, но и западного общества. Большое количество «врачебных» судебных дел в США нельзя списать только на активность адвокатов или на увеличение числа медицинских мероприятий, что, естественно, ведет к росту числа врачебных ошибок.

Бывает, что и врачи побаиваются пациентов. «За спиной врача стоит прокурор», — любили повторять советские медики. Но на деле эта угроза может исходить только от высокопоставленных или чрезвычайно агрессивных пациентов, что случается достаточно редко. На Западе в случае практически любой ошибки или непредвиденного осложнения врачу грозит судебное преследование. В результате в цену медицинских услуг закладывается стоимость возможных судебных издержек врача или медицинской корпорации, что приводит к их чрезвычайной дороговизне в США.

За все эти взаимные страхи в конечном счете расплачиваются больные — и врачи в том числе, поскольку любой врач хоть раз в жизни становится пациентом. ■

Совсем простая история

Репортаж с больничной койки

Маша Гессен

СТАЦИОНАР

Из командировки я привезла бронхит, впоследствии плавно перешедший в воспаление легких, а когда легкие уже шли на поправку, у меня вдруг распухла шея и появился кадык. Ни сглотнуть, ни дотронуться до шеи без боли было невозможно. Когда я (черт меня дернул!) обратила на свою шею внимание терапевта, она как-то странно засуетилась и всучила мне направление на ультразвук, а потом я непостижимым образом без очереди вошла к эндокринологу. Эндокринолог посмотрела через толстенные очки сначала на результаты УЗИ, потом на мою шею, потом на меня.

— Ну и как будем лечиться, дома или в больнице?

— Дома, — простодушно ответила я.

— В больнице, — констатировала эндокринолог и немедленно пресекла робкую попытку протеста с моей стороны. — Я же вижу, что дома вы не будете следовать предписаниям врача. — Это она, видимо, заключила из моего ответа на свой вопрос.

События разворачивались с умопомрачительной быстротой, и вот уже эндокринолог получила на меня наряд, и мне еле удалось получить у нее разрешение добраться до 67-й городской больницы своим ходом. Что такое «подострый тиреоидит», обнаруженный у меня посредством УЗИ, эндокринолог объяснять отказалась: в больнице расскажут. «Кружечку, ложечку и халатик», — были ее последние неласковые слова.

Начало

Поблуждав некоторое время среди темных недостроенных корпусов, я нашла нужное помещение. Там состоялся первый консилиум: эндокринолог и две медсестры оживленно обсуждали какой-то диван. Спустя некоторое время меня отвели в подсобку, где стояли высокий операционный стол и носилки на колесиках, — и там, и там уже лежали, а рядом — деревянная кушетка, обтянутая желтой резиной, поверх которой была постелена простыня с большими желтыми же пятнами. Кушетка, видимо, была сломана, потому что под нее был подставлен стул. Правда, ножки стула были значительно длиннее ножек кушетки, так что угол между кушеткой и стеной был не 90, а градусов этак в 30. Медсестра посмотрела на меня слегка смущенно.

— Завтра у нас для вас будет нормальная кровать, — пообещала она.

— Тогда я завтра и приду, — пообещала я в ответ.

Эндокринолог продиктовала мне заявление на имя зав. отделением: «Прошу разрешить мне отлучиться домой по семейным обстоятельствам до 10 утра». Почему «по семейным обстоятельствам», а не по причине отсутствия условий? Почему «разрешить» и «прошу»? Но за какие-то полчаса я успела вжиться в роль беспомощного советского пациента, да и очень хотелось домой, поэтому я безропотно написала все под диктовку.

Дома меня ждал факс из Америки, от знакомого врача: страничка из американского медицинского учебника. Там доступно объяснялось, что подострый тиреоидит — это достаточно заурядное для молодых женщин осложнение инфекций дыхательных путей, которое проходит само по себе. Только в самых тяжелых случаях, когда в щитовидке скапливается гной и человеку становится трудно дышать, рекомендуется лечение преднизолоном. Такого у меня точно не было: дышалось мне, дома во всяком случае, вполне свободно, к тому же заключение УЗИста гласило: «гноя нет». В подобных случаях заморский учебник рекомендовал бороться с болью обычным ибупрофеном. О госпитализации в учебнике ничего не говорилось. Еще бы — американцы не богачи какие-то, чтобы ложиться в больницу с болячками, которые проходят просто так. Я сама провела полжизни в Америке и привезла оттуда несколько идеальные представления о работе врачей.

Почему я вернулась в городскую больницу № 67, сказать затрудняюсь. Возможно, потому, что подписала заявление. И еще потому, что питаю извращенную любовь к общепиту, и мне грезилось, что каждый день меня будут кормить котлетками с жидким пюре, а между приемами пищи оставят в покое на неделю-две, и я, глядишь, отредактирую томящийся в столе перевод.

Быт

Насчет котлеток я горько заблуждалась. То есть заблуждалась, во-первых, эндокринолог в литфондовской поликлинике, велевшая мне взять с собой только «кружечку-ложечку» (от себя я добавила кипятильник). Посуды в больнице нет. Нет как таковой и

ПРИЙТИ В БОЛЬНИЦУ МОЖНО СВОИМИ НОГАМИ. ВОПРОС ТОЛЬКО В ТОМ, УДАСТСЯ ЛИ ВАМ ИЗ НЕЕ УЙТИ

столовой. По коридору провозят каталку с питанием, пациентки выходят с мисками по-оливер-твистовски и уносят шлепнувшуюся в посудину пищу обратно в палату. Сердобольная соседка по палате — одна из четырех — одолжила мне глубокую тарелку и ложку. Обед состоял из супа (соседки сказали, что горохового — как они это определили, не знаю), тухлой тушеной капусты и темного куска мяса примерно 4 сантиметра в диаметре. Мясо разрезанию не поддавалось, поэтому мои соседки хватали его передними зубами и рвали, помогая себе обеими руками. Я поковыряла пищу пару минут, прежде чем выбросить ее в ведро.

— Не понравилось? — спросила хозяйка моей тарелки. — Ничего, есть захочется — понравится.

Работать у меня не очень получалось — в палате было шумно. Полдня обсуждали, как добиться от сестры-хозяйки, чтобы та поменяла белье, на котором они лежали четвертую неделю. У одной из моих соседок был, как и у меня, подострый тиреоидит. Остальные три страдали диабетом, и им перед каждой едой полагался укол инсулина. Правда, до еды медсестра не всегда успевала. Пациентки на это внимания не обращали и ели, а укол получали после.

Одной из них два раза в дėнь ставили капельницу, и когда лекарство кончалось или когда игла, выскользнув из вены, начинала «дуть» и на руке женщины появлялась серая гематома, она принималась истошно звать сестру. За сестрой кто-нибудь бежал, через какое-то время та появлялась и начинала ругать пациентку — нечего было шевелиться.

Тихо в палате было только ночью, но зато душно и жутко холодно одновременно — отопление, несмотря на нулевую температуру, не работало. Так что заснуть удалось только к утру.

Лечение

Проспала я недолго — меня разбудил крик медсестры: «Гисина! К девяти в процедурную — кровь сдавать! Просыпайся!» Затем последовал тяжелый шлепок.

Так начался день анализов или того, что называется важным словом «обследование». Оно, по мнению многочисленных моих советчиков, оправдывало мое пребывание в больнице. Для начала ультразвук — дорогостоящая процедура, идентичная проделанной в поликлинике двумя днями раньше. «За эти деньги можно было меня раз десять прилично накормить», — подумала я, подставляя шею.

Далее — рентген легких и пищевода. В небольшом помещении толпилось человек 20 пациентов; некоторым явно было трудно стоять на ногах, но мест на деревянных банкетках не хватало. Время от времени в дверях рентгеновского кабинета появлялась медсестра и выкрикивала три фамилии. Как выяснилось, по трое вызывали для экономии времени: два пациента ждали своей очереди у аппарата, пока обследовался третий. Таким образом, каждый пациент получал втрое больше необходимой дозы облучения. «Я не буду здесь стоять и облучаться, — решительно заявила я, переходя в глухую оборону ради спасения своего здоровья. — Когда будете готовы меня снять, тогда и вызовите». Медсестра посмотрела на меня беззлобно, как будто не совсем понимая, в чем дело.

Я поняла этот взгляд чуть позже, когда она опять вызвала меня — теперь уже одну — на рентген. Работа этой медсестры заключалась в том, чтобы, стоя напротив меня у аппарата, скормить мне в нужный момент ложечку бария — вещества, которое «светится», проходя через пищевод. На медсестре тем не менее не было ни свинцового фартука, ни перчаток. И зачем ее поставили на смертельную работу, непонятно: пациент вполне может сам взять в руки ложку и по команде съесть барий в нужный момент.

Наконец, биохимия крови. Медсестра отсосала у меня из вены пять пробирок крови, аккуратно надписала их и протянула поднос мне:

— Значит, спускаешься на лифте в подвал, там обходишь лифт, поднимаешься в горку — и увидишь переход в соседний корпус. Там...

— Я не пойду. Я болею, я в пижаме. Несите сами.

— Мы не носим, — ответила медсестра с совершенно искренним недоумением. — У нас пациенты носят.

— А я не понесу.

— Тогда я вашу кровь вылью.

— Ну и пожалуйста. У меня еще есть!

Это был блеф. У меня низкое давление, и после суток практически без еды потеря пяти пробирок крови ослабила меня вконец. Я еле доползла до палаты и, упав на кровать, наконец заснула.

Вскоре меня разбудила врач: «Пойдемте к зав. отделением». Палатный врач, совсем молодая женщина, доложила о моем состоянии: легкие в порядке, пищевод в порядке, все вроде в норме, вот только щитовидка — хотя, кажется, тоже идет на поправку. Зав. отделением потыкала мне в шею пальцем, затем многозначительно кивнула в сторону врача.

— Значит, я прописываю? — спросила врач. Зав. отделением опять кивнула.

— Тридцать? — Кивок.

— Тридцать чего? — я попыталась вмешаться в беседу.

— Потом, — таинственно ответила моя врач. Потом она мне ничего не объяснила,

НАША МЕДИЦИНА НЕ ЖАЛЕЕТ НИКАКИХ СРЕДСТВ ДЛЯ БОРЬБЫ С БОЛЕЗНЯМИ ПАЦИЕНТА. КАК И С ЕГО ЗДОРОВЬЕМ

зато появилась очередная медсестра и отвела меня в кладовку, где отсыпала горстку белых таблеток.

— Это что? — спросила я.

— Что вам прописали, — удивленно ответила сестра. — Шесть таблеток по утрам.

— А что мне прописали? — поинтересовалась я. Пожав плечами, сестра достала бутылочку: преднизолон, сильнодействующий гормональный препарат, отравляющий печень, плохо влияющий практически на все человеческие органы и неизбежно вызывающий дурное самочувствие. Советская медицина всегда была готова угробить человека во имя победы над его болячкой.

— Я это не буду принимать, — сказала я.

— Ну хоть возьмите, — предложила медсестра для простоты.

— И не возьму. — Медсестра опять пожала плечами.

На следующий день врач принесла мне ибупрофен. Послушав нашу беседу с врачом, которая спокойно согласилась со мной, что подострый тиреоидит проходит сам по себе и лечить его гормональным препаратом в общем-то ни к чему, моя соратница по несчастью в палате спустила свой преднизолон в унитаз. По отделению прокатилась волна тихих отказов от лекарств — врачу ни одна из пациенток ничего не сказала. Мои увещевания, что резко бросать преднизолон еще вреднее, чем продолжать его принимать, никого, судя по всему, не впечатлили.

Последняя капля

Полутора дней хватило, чтобы убедить меня: дальнейшее пребывание в больнице может нанести непоправимый урон моему здоровью.

Дело врача

«Практика» — издательство для практикующих медиков

Борис Жуков

ПОСОБИЯ

И все же заставил меня удрать из больницы № 67 не здравый смысл, а экскремент. В четверг вечером на пороге нашей палаты появилась лепешка с отчетливым отпечатком резиновой подошвы. Точно такая же виднелась в облаке пара (почему-то там все время текла горячая вода) в уборной, где на двери было написано: «Женский туалет уважайте труд уборщиц соблюдайте чистоту». По моим наблюдениям, некоторые пациенты были не в состоянии соблюдать чистоту, и одна из них, видимо, не дошла до кабинки. А кто-то вляпался.

В пятницу в девять, когда меня со свойственной ей деликатностью разбудила сестра, лепешка была у двери на том же месте. В одиннадцать я, не выдержав, подошла к дежурной сестре, чей стол стоял прямо напротив нашей палаты, буквально в метре от лепешки. «Я здесь не убираюсь! — дежурная сестра возмутилась в ответ на мою неудачную попытку привлечь ее внимание к проблеме. — Здесь убирается уборщица». Часов в 12 кто-то сообразил положить поверх лепешки газету; не прошло и десяти минут как проходящая мимо медсестра подняла ее и аккуратно выбросила в мусорное ведро.

Я отпросилась домой на выходные. В понедельник утром экскремент по-прежнему лежал на пороге. Уборщица появилась во вторник со шваброй и громким криком: «Выходите из палаты! А то ишь расселись! Завтрак у них! Убирать буду!» К тому времени от лепешки еще оставался вполне отчетливый след: остальное, видимо, пациенты и медперсонал успели разнести по отделению. Этот же след остался и после уборщицы.

Мне наконец стало невмоготу. Я сбежала. Врач оставила несколько сообщений на моем автоответчике. Я к телефону не подхожу. И в литфондовской поликлинике не показываюсь. ■

Чего не хватает российской медицине, чтобы не испытывать комплексов перед медициной западной? Всякий скажет — денег. Кто-то посетует на нехватку современных медикаментов и оборудования — что, впрочем, сейчас тоже в основном сводится к финансам. Некоторые еще добавят что-нибудь о государственном внимании — мол, хорошо бы восстановить обязательные диспансеризации и т. д.

И вряд ли кто вспомнит иные отличия нашей медицины. Скажем, то, что в ней и до сих пор остается спорным вопрос о праве пациента знать свой диагноз. Или, например, такая ситуация: в кардиологическую клинику привозят больного с аортальным стенозом. Болезнь хорошо изучена, оперативное лечение дает неплохие результаты. Больному говорят: «Вам нужна операция». А он в ответ: «А зачем? Мне уже 60, я уже свое пожил». И самое удивительное — врач часто с ним соглашается: мол, в самом деле, зачем ему операция, все равно ему на пенсию...

Такое отношение к здоровью и жизни — и не только у врачей, но прежде всего у самих больных и общества в целом — не преодолевается ни денежными вливаниями, ни государственными программами. Оно — часть сложившейся культуры, образа жизни, который не просто меняется слишком медленно, но активно противится изменениям. Ускорить их может разве что постоянный и массовый контакт носителей этого образа жизни с иной культурой. Причем принадлежность к последней должна выглядеть престижной и вызывать зависть...

Обо всем этом совершенно не думал врач-кардиолог Максим Осипов, когда в 1991 году, получив небольшой грант, поехал работать в США. Работа была недолгой, но успешной, и одним из ее результатов стало руководство по клинической эхокардиографии, написанное Осиповым вместе с его научным руководителем профессором Шиллером и получившее признание в американском медицинском сообществе. Вернувшись в Россию, Осипов подготовил русское издание этой книги и выпустил ее в издательстве «Мир» (разумеется, не предполагая, какую популярность получит эхокардиография в России через несколько лет).

Однако в ходе подготовки книги к печати доктор Осипов сам неизлечимо «заболел» работой со словом. Собственно, и раньше, начиная со студенческих лет, он читал много англоязычных руководств и жалел, что на русском языке аналогичных книг нет. Подготовка собственной книги приохотила его к искусству перевода, а с другой стороны — обратила его внимание на тот чудовищный язык, которым обычно написаны многие переводные или обзорные издания.

Собственно, этот язык сейчас знаком всем, кто читает что-либо переводное или хотя бы смотрит видеокассеты с синхронным переводом. Противоестественный для русской речи английский строй фразы, усугубленный обилием пассивных залогов, возвратных глаголов, причастий и отглагольных форм («нахождение данного варианта имеет место изредка»), бесконечные «является», «имеется», «осуществляет» и т. п. Но если в романе Агаты Кристи самоуверенная замена незнакомого слова «таксин» (алкалоид тиса, именуемого по-латыни Taxus) на похожее «токсин» — всего лишь мелкая помеха, то в фармакологическом справочнике нечто подобное может лишить смысла целую статью.

Новый взгляд на медицинскую литературу и читательский успех «Клинической эхокардиографии» решили судьбу доктора Осипова. В том же 1993 году он вместе с несколькими друзьями — тоже медиками с хорошим знанием английского и вкусом к родному языку — создает собственное издательство. Его название — «Практика» — соответствовало поставленной задаче: издавать книги, которые будут нужны практикующим медикам. Причем с самого начала «Практика» ориентировалась именно на переводы.

Эмблема «Практики» выглядит как несколько наложенных друг на друга крестов. Тот, кто брался работать для этого издательства, и в самом деле возлагал на себя двойной крест. Нужно было точно, без всякой приблизительности пересказа, в ряде случаев (при переводе терминов) даже не прибегая к синонимам, передать содержание оригинала. И в то же время перевод должен быть написан хорошим русским языком, быть ясным и хорошо читаться.

Первоначально за такие переводы взялись сами основатели издательства — но издательские планы растут, а каждая рукопись должна пройти нескольких редакторов. В результате «Практика» регулярно объявляет конкурс переводчиков. Откликаются многие, но мало кто становится автором издательства. «И медицину вроде бы знают, и английский, — сокрушается г-н Осипов. — Некоторые работали за рубежом и знают даже жаргон. А переводы никуда не годятся!» Переводить-то надо не только с английского, но еще и на русский.

ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПРАКТИКА» МАКСИМ ОСИПОВ СЧИТАЕТ, ЧТО ВРАЧАМ ПОЛЕЗНЫ НЕ ТОЛЬКО РУКОВОДСТВА И СПРАВОЧНИКИ, НО И ВОСПОМИНАНИЯ А.Д. САХАРОВА

Проблема переводчиков — пожалуй, самая острая сейчас для «Практики». Ни власти, ни бандиты ее не беспокоят. Конкуренты? «За халтурщиками нам, конечно, не угнаться, — говорит г-н Осипов. — А с серьезными издательствами у нас хорошие отношения, мы друг другу не мешаем, хотя свои планы не согласовываем. Достойных книг очень много, все время выходят новые, так что работы хватит на всех. Издательству «Медицина» мы даже благодарны: оно продолжает содержать магазин «Медицинская книга», который берет наши книги и даже разрешил нам оформить свой стенд. Сами мы такой магазин пока потянуть не можем».

Вообще сбыт в «Практике» поставлен весьма нетривиально. Ее книгами торгуют только два магазина в России (уже упомянутая «Медкнига» и питерский Дом книги на Невском) и еще один на Украине. «У нас сложилась какая-то странная диктатура книготорговцев, — замечает г-н Осипов. — Издательство получает всего процентов тридцать от розничной цены книги. Я понимаю, что продать книгу — это труд, и он стоит денег. Но не вдвое же больше, чем труд всех, кто ее делал, вместе взятых!» И тут дело даже не в жадности. Книги «Практики» и так недешевы. Как правило, они велики по объему и требуют сложной верстки. Плюс покупка прав («Практика» считает делом чести платить даже за то, что опубликовано до присоединения СССР к конвенции об авторских правах), гонорар переводчику, сложное и оригинальное оформление. Если ко всему этому добавить обычные розничные накрутки, книгу вряд ли купят вообще и уж во всяком случае не купят те, для кого она выпускалась, — действующие врачи.

Обычно в таких случаях взывают к помощи государства. «Практика», конечно, тоже не отказывается ни от чьей помощи. Московский фонд обязательного медицинского страхования приобрел для столичных врачей пять тысяч экземпляров «Терапевтического справочника Вашингтонского университета» (издание на русском языке этого всемирно известного руководства «Практика» считает своим главным на сегодня достижением), Газпром спонсировал выпуск исключительно сложной по верстке «Кардиологии в таблицах и схемах» — спасибо им. Но полагаются «врачи-расстриги» все же на себя. И своими книгами торгуют в розницу сами. Конечно, не с лотка в подземном переходе, а по почте — наложенным платежом или по предоплате. Пачки писем-заказов, приходящих ежедневно в офис «Практики», радуют ее сотрудников не только будущими денежными переводами, но и подтверждением нужности их дела и правильности издательской политики. Известно, как сейчас живут провинциальные российские медики, и если уж они решаются купить книгу (хотя бы даже в складчину, одну на отделение) — значит она им очень нужна. Верно и обратное: если за два неполных года ушло 65 тысяч экземпляров того же «Терапевтического справочника» — значит в России есть десятки, а то и сотни тысяч врачей, которым не все равно, за что получать зарплату.

Опираясь на такое прямое признание, «Практика» может себе позволить не только не понимать намеков разных медицинских начальников («вы публикуете мою книжку, а я в ответ закупаю на бюджетные деньги вашу продукцию»), но и открыто подвергать сомнению некоторые общепринятые положения. «Вот говорят, что надо лечить не болезнь, а больного, — говорит доктор Осипов. — В принципе, конечно, это так, но когда человек приходит к дантисту, он ждет, что ему запломбируют зуб, а не расскажут про детскую психотравму, соматическим последствием которой стал кариес. Так что лечить-то приходится все-таки болезнь, и на это ориентированы наши книги». Так же непочтительно здесь относятся и к обычаям издательского цеха. Сейчас почти каждый издатель делит свою продукцию на «коммерческую» и «для души». А «Практика» считает, что все книги должны приносить прибыль, а дрянь не следует издавать ни при какой ее рентабельности. «Когда человек одной рукой издает порнографию, а другой — блаженного Августина, — иронизирует Осипов, — то и другое получается плохо. Уж Августин-то во всяком случае...»

Впрочем, издания «для души» тут все же есть. И если книги Ясперса и даже Юнга можно считать трудами по психиатрии (хотя изданные «Практикой» работы Юнга выходят далеко за пределы этой дисциплины), то сборник воспоминаний об академике Сахарове в концепцию издательства не вписывается никак. Просто очень хотелось помочь... Хотя как знать, может, «практикующим медикам» эта книга тоже будет полезна?

В сегодняшней России можно жить, не давая взяток, не нарушая законов и джентльменских соглашений, не клянча денег и не воруя. Можно издавать полезные книги по современной медицине — и они найдут читателя. И забота о совершенстве стиля может не мешать, а помогать спасению человеческих жизней.

«В свое время, — говорит доктор Осипов, — было такое настроение, сейчас, к счастью, уже выветрившееся: нужно было объяснять всем и в первую очередь самому себе, почему ты не уезжаешь из этой страны. И я тогда себе это объяснил так. Да, я мог бы работать и уже работал на Западе. Но там я делал бы то, что мне дали. А здесь я делаю то, что считаю нужным».

«Лондонский клуб» шпионов

Бывшие разведчики смирились и примирились, но не раскаялись

Николас Бетелл

ВЕТЕРАНЫ

Колокольчик председателя призвал присутствующих к порядку. По бокалам было разлито отличное виски, а одному из членов сделано замечание, что он явился в не подобающем случаю пиджаке и без галстука. Так началась очередная встреча членов «Лондонского клуба», на которую меня пригласили выступить в качестве гостя.

Этот московский клуб назван «Лондонским», но его члены не банкиры и не светские львы. Их объединяет другое. Все они бывшие советские гебисты, некогда работавшие в Лондоне под разными «крышами» и разоблаченные британской службой безопасности. (Лорд Николас Бетелл стал первым иностранцем, допущенным в клуб бывших советских разведчиков. — **«Итоги»**.) Это бывшие «коллеги» американского ЦРУ и британской Эм-Ай-6 (MI-6) эпохи холодной войны. В свое время по долгу службы они выучили английский язык и отменно усвоили английский образ жизни для того, чтобы успешно подавлять оборонную мощь Великобритании.

По меньшей мере двое из них пока не оставили эту древнюю профессию. Генерал-майор Юрий Кобаладзе и его заместитель полковник Олег Царев (тот, что явился без галстука) заведуют пресс-службой и связями с общественностью в Службе внешней разведки (СВР). Именно СВР предоставила «Лондонскому клубу» возможность проводить собрания в небольшом особнячке в Колпачном переулке.

В 30-е годы здесь была резиденция Виктора Абакумова. Страшные вещи творились за массивными черными дверьми с большим стеклянным глазком. У этого дома дурная слава; я слышал, что в нем водятся привидения и что москвичи, проходя мимо, переходят на другую сторону улицы.

В своем клубном спиче я сказал, что считаю холодную войну оконченной и поэтому не вижу причин, почему бы член британского парламента не мог выпивать и закусывать в обществе советских служащих, в том числе и бывших офицеров госбезопасности. У нас, у Запада и у Востока, много общих проблем, и мы должны сотрудничать с бывшими противниками. Но следует иметь в виду, добавил я, что на Западе многие считают КГБ преступной организацией, на которой, подобно СС в гитлеровской Германии, держался кровавый советский режим. Некоторые офицеры КГБ покаялись в том, что совершили. Недурно бы и остальным последовать их примеру.

В своих ответных выступлениях члены «Лондонского клуба» поспешили заверить меня в том, что сами они не имели никакого отношения к репрессиям. Они были разведчиками, а не карателями, и защищали Родину, добывая секретные сведения за границей, а вовсе не усмиряя непокорных сограждан.

«Наше ведомство было даже хуже СС, — сказал Михаил Любимов, известный писатель, председатель «Лондонского клуба». — В 20-е и 30-е годы НКВД уничтожил больше людей, чем Гитлер за все время пребывания у власти. И притом своих же. Но в наше время КГБ уже был другим. Мы оборонялись, мы вовсе не стремились нести марксистско-ленинские идеи по всему свету. И уж если кого и можно винить, то советское общество в целом, а не только сотрудников КГБ».

Я так и не узнал имени человека, который энергичнее других настаивал на том, что Советский Союз придерживался чисто оборонительной доктрины. Этот человек был безлик и безымянен; я дал ему свою визитную карточку, но он и не подумал дать мне в ответ свою. А когда мы все вместе фотографировались на память, он повернулся спиной к камере и надел очки задом наперед.

Однако другие, рассуждая о настоящем и предаваясь ностальгическим воспоминаниям о веселых деньках в Лондоне, разговаривали открыто и искренне. Валерий Майсарадзе, например, сообщил, что до высылки в 1983 году работал в Лондоне на ТАСС и, конечно же, на КГБ. Сейчас он возглавляет службу безопасности в крупной российской финансовой компании «Микродин», под его началом служат 800 человек, и его зарплата раз в десять превышает ту, что ему платил КГБ.

Он хотел бы снова бывать в Лондоне, теперь уже по делам бизнеса, но боится, что ему не дадут визы. Это его расстраивает. «Я оставил в Англии кусочек моего сердца. Я мечтаю о том, чтобы мне позволили опрокинуть пару кружек пива в пабе «Джек Стро» в Хэмпстеде, неподалеку от того места, где я раньше работал, — говорит он. — И потом добавить к ним еще пару виски в «Олд булл энд буш», рядом за углом».

СЛЕВА НАПРАВО НА ОБЩЕМ ФОТО:
ВИКТОР КУБЕКИН, БЫВШИЙ РЕЗИДЕНТ КГБ В ЛОНДОНЕ В 70-Е ГГ.
НИКОЛАС БЕТЕЛЛ, ГОСТЬ КЛУБА.
ЕЩЕ ОДИН ОФИЦЕР КГБ, РАБОТАВШИЙ В ЛОНДОНЕ, ИЗВЕСТНЫЙ КОЛЛЕГАМ ПОД ИМЕНЕМ **«САША»**, ОТКАЗАЛСЯ НАЗВАТЬ СВОЕ ИМЯ.
ЮРИЙ КОБАЛАДЗЕ, РАБОТАВШИЙ В ЛОНДОНЕ ПОД ЖУРНАЛИСТСКОЙ «КРЫШЕЙ», В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИИ.
МИХАИЛ ЛЮБИМОВ, ВЫСЛАННЫЙ ИЗ ЛОНДОНА ЗА ШПИОНАЖ В 1965 ГОДУ, В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.
«ИВАН СИДОРОВ», РАБОТАЛ В ЛОНДОНЕ В 1979 ГОДУ «ПОД КРЫШЕЙ» ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВХОДИТ В РУКОВОДСТВО КРУПНОГО РОССИЙСКОГО БАНКА.
ВАЛЕРИЙ МАЙСАРАДЗЕ РАБОТАЛ НА КГБ В ЛОНДОНЕ В КАЧЕСТВЕ КОРРЕСПОНДЕНТА ТАСС. ВЫСЛАН В 1983 ГОДУ. В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ РУКОВОДИТ СЛУЖБОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КОМПАНИИ «МИКРОДИН».
НА ФОТО ВВЕРХУ — **ОЛЕГ ЦАРЕВ,** БЫВШИЙ ЧЕЛОВЕК КГБ В ЛОНДОНЕ. ПОЛКОВНИК СЛУЖБЫ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ РОССИИ

«Ваши секретные службы MI-5 и MI-6 не раз пытались меня вербовать. Наслали на меня самую очаровательную английскую блондинку. Но их неправильно информировали. Мне нравятся только брюнетки. И я им отомстил, уговорив одного из членов вашего парламента, Рона Брауна, съездить в Кабул и положительно высказаться там о факте присутствия наших войск в Афганистане». Я заметил, что Рон Браун просто дурак. На что он мне ответил: «Ничего, пусть дурак. Зато это был самый большой успех моей деятельности в Лондоне».

«Иван Сидоров» просил не упоминать его настоящего имени. Он заместитель председателя правления одного из крупнейших московских банков, очень богатый человек и достаточно умен, чтобы не слишком распространяться о том, как в начале 80-х годов он занимался в Лондоне вопросами торговли, одновременно работая на КГБ. «Англичане многому научили меня, — говорит он. — Практически все, что я сегодня знаю о бизнесе, я узнал в Лондоне. И я не в обиде за то, что вы меня выслали. Это входило в правила игры. В то время я был удостоен чести выполнять секретную работу для моей страны, и я не вижу причин в чем-то каяться. Хотя я согласен, что режим, на который мы работали, был плох и неэффективен».

Майсарадзе по этому сакраментальному поводу высказывается осторожнее: «Теоретически идеи Маркса и Ленина должны были победить в холодной войне. Но практически они потерпели поражение».

«Сидоров» считает, что Западу лучше иметь дело с бывшими гебешниками, чем с «новыми русскими». «Мы были надежной дисциплинированной командой, хорошо знали языки. Мы были советской элитой, по крайней мере по части образованности, и к тому же в отличие от большинства советских граждан у нас был широкий взгляд на мир. Большинство из нас не были коммунистами. Мы просто работали на благо своей страны. Теперь же, когда все изменилось, мы — естественные союзники Запада».

Такова ирония судьбы. Они ехали в Лондон, чтобы, внедрившись в английское общество, подрывать его изнутри, красть наши секреты и использовать себе во благо слабости английских политиков. А кончилось все тем, что это мы подорвали их изнутри, и они если и не предали родину, то уж во всяком случае разочаровались в режиме, который в свое время послал их в Лондон.

За годы их шпионской деятельности Британия, по их собственному признанию, сумела найти тайный путь к их сердцам, да так, что они теперь ежемесячно собираются по восемь—десять человек, чтобы выпить нашего самого знаменитого напитка и посудачить о том, как славно они пожили в старой доброй Англии.

Больше всего их огорчает то, что, несмотря на окончание холодной войны, им, как правило, не дают визы, чтобы съездить в Англию туристами или по делам. Они совершенно искренне уязвлены тем, что мы не можем войти в их положение и забыть о прошлом.

Члены клуба неукоснительно следуют трем правилам. Во-первых, языком общения у них служит английский. Во-вторых, они никогда не пьют водку, только виски. В-третьих, они никогда не упоминают имя Олега Гордиевского. Воспоминание об этом самом ярком успехе английских спецслужб до сих пор страшно злит бывших коллег достопамятного перебежчика. В Англии офицер Ее Величества не станет упоминать имени леди в мужской компании, в России бывший гебист не упоминает имени Гордиевского, разве что после неумеренного потребления виски.

Он предал свое поколение, говорят они, и не будет ему прощения. Они не согласны с тем, что отважный Гордиевский рискнул жизнью за демократическую Россию. «Я думаю, что британские спецслужбы заполучили его не без помощи какой-нибудь датской красотки, — ворчливо заметил один из членов клуба. — Он предал наш корпоративный дух, испортил многим карьеру. Ваши люди нелегально по фальшивому паспорту вывезли его на автомобиле через финскую границу. Был вечер пятницы, и пограничники были уже пьяные». Сказав это, он погрузился в тягостные раздумья.

По другим вопросам они высказываются достаточно откровенно. Любимов рассказал мне, как его «застукали» в 1964 году, когда он пытался завербовать британского шифровальщика в пивнушке в Ноттинг Хилле (бедный район Лондона, населенный преимущественно иммигрантами. — **«Итоги»**). За соседним столиком оказались два офицера MI-5. Его взяли прежде, чем они с шифровальщиком ударили по рукам. С Лондоном связаны и самые приятные воспоминания его жизни: через весь город он мчался на автомобиле, чтобы посмотреть на новорожденного сына. Сегодня сын Александр стал популярным российским телеведущим. А родился он в Лондоне, в Ист-Энде.

Отставной полковник Любимов раскаялся, но сотрапезники его не поддержали. «Как тебе не стыдно!» — сказали они ему. «Хорошо, пусть мне будет стыдно», — ответил им Любимов, но остался стоять на своем. Собственно, это был основной пункт наших разногласий. Я говорил, что они служили прогнившему режиму, нелепой системе. Они мне возражали, что служили своей стране, что холодная война окончена и что нехорошо со стороны Запада так пристрастно относиться к людям, которые всей душой «хотят дружить».

«Мы были ничем не лучше и не хуже наших английских и американских коллег», — утверждал Виктор Кубекин, который в 70-е годы, до того, как его выдворили из страны, был резидентом КГБ в Лондоне. Он специализировался по лейбористской партии и профсоюзному движению. «Сейчас в Москве живут 42 бывших агента ЦРУ и семь бывших агентов MI-6, они занимаются бизнесом, используя свои знания нашей страны и языка. И мы ничего не имеем против. Ваши же спецслужбы просто помешались на агентах КГБ. В отличие от нас вы все никак не поймете, что холодная война окончена. Вот, например, поймали с поличным английского шпиона Платона Обухова. Почему бы вам не промолчать? А вы сразу высылаете из Лондона русских, которые никому ничего плохого не сделали. Или — американцы недавно взяли и арестовали бывшего гебешника за что-то, что он, кажется, сделал или мог сделать несколько лет тому назад, и целый месяц продержали его в тюрьме. И что вы думаете, Россия должна промолчать? Почему вы всегда ждете, что Россия будет вам уступать?»

Все эти люди слишком хорошо устроены в своей нынешней жизни, чтобы действительно желать возвращения прежних времен. Но они с ностальгией вспоминают дни, когда служили в «элитных частях» армии холодной войны — даже при том, что война эта ими проиграна, и сами они признаются, что, пожалуй, боролись не за правое дело.

Мир изменился, говорят бывшие разведчики, и теперь они снова хотели бы посетить свои «места боевой славы», перенести свой «Лондонский клуб» в Лондон, в уютный паб, где можно было бы, облачившись в элегантные костюмы и галстуки в полоску, под английское пиво и шотландское виски поболтать с ветеранами противной стороны о былых сражениях и новых возможностях. ■

Фото из архива Николаса Бетелла

Лорд Николас Бетелл — член палаты лордов британского парламента, член Европарламента с 1975 по 1994 год, писатель и журналист. Много и активно занимался проблемой прав человека в странах коммунистического блока, ЮАР и Афганистане в период советской оккупации. Статья была написана на английском языке специально для «Итогов».

World Wide Сербия

Читаем революцию в режиме реального времени

Маша Гессен

САМИЗДАТ

ПОЛТОРА ГОДА НАЗАД ПРОФЕССОР БОЖИдар Раденкович, бородач неимоверных размеров, демонстрировал достижения югославской государственной рабочей группы по интернетизации всей страны. «Вот это конференция по информатизации, — пояснял он, вызывая на экране бесконечный ряд одинаковых фотографий бородатых мужчин в серых костюмах. — Видите, это докладчики. Это очень интересно». Профессору Раденковичу, видимо, редко удавалось привлечь внимание журналистов, поэтому он постоянно приговаривал: «Это очень интересно». Время от времени добавляя: «Для вас».

Мне же все, о чем он рассказывал, казалось скорее комичным. Тогда еще действовали международные санкции против Югославии, изолировавшие ее от всего остального мира. Югославские «выходы» в международную сеть Интернет были перекрыты еще в 1992 году. В Белграде тогда действовала организованная кучкой энтузиастов — активистов антивоенного движения — система электронной почты, позволявшая белградцам переписываться, в частности, с жителями Загреба и Сараева. Система эта была вполне кустарная — все югославские сообщения скапливались в одном белградском компьютере, с которым два-три раза в день связывался по модему компьютер в Германии, который потом уже «сбрасывал» югославскую почту в Интернет. О том, чтобы работать прямо в Интернете, конечно, не могло быть и речи.

Для многих образованных югославов, переживавших изоляцию страны как свою личную трагедию, Интернет превратился в символ космополитизма, стал тождествен мечте о прорыве обратно в Европу. В 1994 году группа из 200 человек образовала Югославскую ассоциацию «Интернет» и впоследствии умудрилась даже получить статус государственной рабочей группы. Для начала интернетовцы без Интернета создали систему под названием «Ю-Интернет» — чисто югославскую сеть, которая во всем имитировала Интернет. Этакий виртуальный Интернет в границах отдельно взятой страны. Затем они принялись за WWW. «На факультете электротехники очень хороший WWW, — уверял меня Божидар Раденкович, забыв, видимо, что первые две W означают «всемирная». — Он доступен для всех 12 тысяч пользователей Ю-Интернета!» Вероятно, решила я тогда, в случае с югославами эти две буквы означают «We Want».

ЛИЧНАЯ ЭТО РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ИНТЕРНЕТОВСКАЯ? ПО ЗАПАХУ НЕ СКАЖЕШЬ

Странички протестов

Югославия получила возможность выхода в Интернет с началом смягчения международных санкций в конце 1995 года. А в декабре 1996 года один из лидеров студенческих протестов заявил: «Это не яичная революция! Это интернетовская революция!» Заявление сразу же подхватили ведущие американские газеты — в «New York Times» оно и вовсе выехало на первую полосу. Протестующие студенты и прочие активисты, встревоженные периодическими нападениями властей на независимые печатные издания и радиостанции, действительно тщательно «вывешивают» всевозможную информацию в WWW. Если учесть невразумительность репортажей корреспондентов — российских, западных, телевизионных, и печатных, — хотелось надеяться, что появилась возможность больше узнать о сути и значении протестов из югославской WWW, доступной ныне всему миру и предназначенной в первую очередь для него: больше половины того, что можно найти на различных югославских страничках, напечатано на английском языке.

Информации неимоверное количество: одна только «Официальная страничка студенческих протестов», созданная студентами математического факультета Белградского университета, печатает три разных ежедневных бюллетеня на анлийском языке. И если посвятить прочесыванию «паутинки» пару дней, можно узнать много интересного.

Например, как яростно студенты пытаются отстоять свою уличную автономию от сторонников оппозиционного блока «Вместе». Студенты утверждают, что их протесты не носят ни политического, ни тем более партийного характера, а добиваются они создания на каждом факультете студенческого парламента, который «имел бы право голоса при назначении экзаменационного периода, распределении студентов по общежитиям, выборах заместителя декана от студентов и представителей в общеуниверситетский студенческий парламент... Общеуниверситетский парламент будет заниматься такими вопросами, как выборы вице-ректора от студентов, уровень жизни студентов (питание, жилищные условия, стипендия и т.д.)». Это из ежедневной газеты студенческих протестов «BOOM» (http://www.mi.sanu.ac.yu/-prot).

Еще студенты требуют признания результатов местных выборов, на которых победили кандидаты от оппозиции. Не потому, что они поддерживают именно оппозицию, а потому, что волю народа надо уважать. Правда, при этом они требуют также и отставки президента Сербии Слободана Милошевича, тоже всенародно избранного.

Кое-кто из студентов призывает отказаться от иллюзии надпартийности протестов. В той же газете «BOOM» появилось такое воззвание: «Дорогие коллеги, сказка об аполитичности нашего протеста, столь лицемерно отстаиваемая нами, ровным счетом никого не может убедить. Пора понять, что наши родители, собирающиеся на площади Свободы каждый день в 15.00 (на митинги блока «Вместе». — **«Итоги»**), не являются активистами каких-то там политических партий и не ставят себе цели понравиться тем двум джентльменам и даме, которые обращаются к ним с импровизированной сцены. Они — граждане проснувшейся, образованной Сербии, во всяком случае так же, как и мы с вами, они сражаются за такую Сербию... Нам пора присоединиться к нашим родителям и не забывать более, что прежде всего мы люди и граждане, а не только студенты... Когда вы столкнетесь с разъяренной толпой с красными знаменами в руках и с самыми страшными оскорблениями на устах, вы пожалеете, что не взяли с собой своих родителей».

Судя по всему, это воззвание, напечатанное под оригинальным заголовком «Вместе мы выстоим», никакого влияния на студентов не возымело. Виной тому, вероятнее всего, недоверие к упомянутым «двум джентльменам с дамой» — лидерам блока «Вместе» Вуку Драшковичу, Зорану Джинджичу и Весне Пешич. Впрочем, это мое умозаключение. Попытки найти на югославских «страничках» какую-ту базисную информацию о политических позициях — студентов ли, политиков ли — обречены на провал. Высокотехнологичный самиздат югославских студентов напоминает своего советского машинописного предшественника тем, что, хотя и адресован окружающему миру, отражает скорее междуусобные споры, чем суть политических конфликтов. Зато теперь, посредством того же самого Интернета, можно сравнить заявления протестующих студентов с их отражением в международной прессе.

Некоторые политики равнее других

В чем нельзя отказать Интернету, так это в том, что он оголяет, делает почти прозрачным процесс создания масс-медиа. Сравнивая статьи на одну и ту же тему журналистов из разных стран, нетрудно догадаться, как формируется их отношение к тем или иным политикам. В Германии, например, любят Зорана Джинджича, самого, пожалуй, .одиозного из трех предводителей «Вместе». Джинджич последователен только в своем национализме. Приятель Радована Караджича, он единственный из лидеров оппозиции открыто осуждает Дейтонские соглашения и высказывается против выдачи обвиняемых международному трибуналу в Гааге.

В немецкой прессе, выставленной на страничке Демократической партии Сербии (выход через http://www.beograd.com), о Джинджиче пишут так: «С начала ежедневных демонстраций в столице лощеный 44-летний Джинджич, всегда одетый в черную водолазку, явно затмил собой Вука Драшковича... Если писатель Драшкович с его агрессивной риторикой представляет собой неумолимого реакционера, то седеющий Джинджич и его организация символизируют модернизацию бывшей Югославии» («Frankfurter Rundschau»); «На сегодняшний день Зоран Джинджич — единственный видный сербский политик, в значительной мере отвечающий западным представлениям о политической культуре. Если в обозримом будущем произойдет перемена власти, то из нынешних лидеров оппозиции он больше всего подходит на роль политика, способного вывести страну из кризиса» («Die Welt»).

Между тем газеты других стран — Англии, США, например, — пишут о Джинджиче не как о космополите и западнике, а как об ультранационалисте и политическом оппортунисте. Разница оценок объясняется, вероятно, тем, что Джинджич в совершенстве владеет немецким и ни слова не говорит по-английски. Ученику Юргена Хабермаса, философу, защитившему докторскую диссертацию в немецком университете, явно нетрудно очаровать немецких журналистов; англоязычным же репортерам, не владеющим сербскохорватским, приходится прибегать ко вторичным источникам, излагающим политические взгляды Джинджича сухим языком перевода.

Вот где Интернет незаменим: немец, прочитывающий в сети прессу со всего света, получает доступ к несравнимо большему количеству разных интерпретаций событий, чем рядовой читатель немецких газет. Хотя и тут существует достаточно ограничений. Во-первых, далеко не все ведущие западные газеты доступны через Интернет (тут, пожалуй, выгоднее всех выглядит «Washington Post», с бесплатным доступом к прекрасно организованному международному разделу: http://www.washingtonpost.com). Во-вторых, не все имеют равные возможности выхода в Интернет: сторонники Джинджича, например, подвешивают статьи из германской прессы, а у сторонников Вука Драшковича и Весны Пешич своих интернетовских страничек нет вовсе. Что не удивительно: ведь Джинджич преподает в Белградском университете, которому принадлежит один из нескольких существующих в Югославии выходов в Интернет.

Кроме Демократической партии Джинджича, своя страничка есть у Югославской левой партии, возглавляемой женой президента Милошевича Мирой Маркович (http://www.beograd.com/jul). Взгляды сербских властей выражает и страничка под названием «Serbian Action» (http://www.accent.net/bozidar), созданная, как это ни странно, совместными усилиями двух жителей Сербской Краины и самопровозглашенной Республики Сербской и соблюдающая официальный запрет на освещение демонстраций протеста. Единственная демонстрация, нашедшая отражение на этой страничке, — это организованный властями митинг в собственную поддержку. «Во время великолепного митинга в Белграде, — начиналась заметка, — президент Милошевич в очередной раз заверил более полумиллиона граждан со всех концов республики, что Сербия остается верна идеалам мира, демократии, свободы и независимости».

Эта страничка тоже преподносит уроки в прочтении зарубежных СМИ. Из газеты «Los Angeles Times» здесь приводится заметка о докладе ЦРУ, посвященном поддержке, возможно, оказанной Ираном боснийским мусульманам. А нью-йоркское телевидение (даром что маленький кабельный канал) транслировало интервью с профессором Радмилой Милентиевич, обличавшей коварных американских политиков. «Г-жа Милентиевич подчеркнула, что один из лидеров Демократической партии (США. — **«Итоги»**) недавно сказал, что белградские полицейские арестовали и избили одного студента, хотя он прекрасно знал, что на самом деле этот человек был мясником».

Хорошо, наверное, что создателям «Serbian Action» удалось пусть виртуально, но поправить безымянного американского политика. В этом тоже прелесть Интернета. Вот, например, недавно по каналу НТВ прозвучало заявление, что сербские студенты маршируют исключительно под американскими флагами, отказавшись от сербского, и тем самым отталкивают от себя страну. А на студенческой страничке 28 ноября участник демонстраций написал: «Героем всех дней протеста стала старушка на улице Иво Лола Рибара, которая, стоя на балконе и размахивая национальным флагом, бросала цветы в колонну демонстрантов. Демонстранты приветствовали ее аплодисментами и выкриками: «Бабушку в мэры!» Сегодняшнему митингу сопутствовал дождь, хоть и чуть слабее, чем в предыдущие дни». ■

Я сразу пишу избранное

Сергей Гандлевский:
«Поэт — это тот, кому сложнее со словами, чем остальным людям»

Лев Рубинштейн

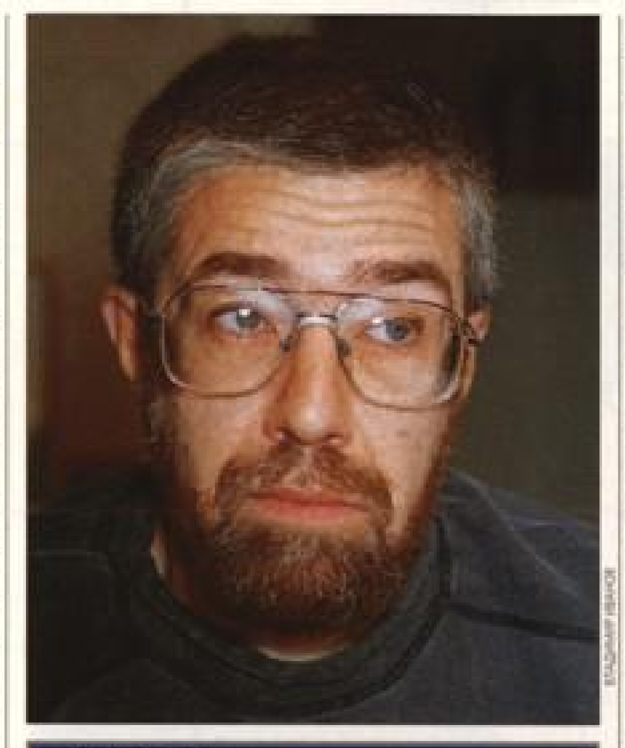
ДОРОГОЙ ГОСТЬ

— Сережа, позволь тебя поздравить с присуждением Букеровской премии за твою прозу. Но я тебя знаю прежде всего как поэта. Поэтому и хотелось бы поговорить о тебе как о поэте по преимуществу. Скажи, когда и, если сможешь вспомнить, почему ты стал сочинять стихи. Когда и при каких обстоятельствах ты решил, что будешь писателем?

— Я стал литератором, скажем так, в два приема. Я начал сочинять лет в девять. Когда на меня находило, я прогуливал занятия. Шел по утрам с родителями из дому до перекрестка, они сворачивали на работу, а я возвращался домой, в нашу коммунальную квартиру, и сочинял стихи. Так продолжалось года два. Первые стихи сохраняли какую-то детскую прелесть, с возрастом они стали чисто подростковой рутиной. Потом я собирался стать биологом, ходил в кружок в зоопарк. Отчетливо помню, что в восьмом классе я шел от учительницы английского вечером и вдруг ни с того ни с сего понял, что хочу быть писателем, хотя к тому времени уже ничего не писал. Решив стать писателем, я начал упражняться: придумывать разные эпитеты, чтобы ива, например, была не «плакучая», а какая-нибудь еще. С такими вот расплывчатыми намерениями и полным отсутствием интереса к филологии я поступил на филологический факультет университета. Там я сошелся с несколькими молодыми писателями.

— Об этом чуть позже. Пока же скажи, пожалуйста, каковы твои отношения с литературной традицией или традициями. Существенно ли для тебя понятие художественной преемственности? Были или есть авторы, которых ты считаешь своими учителями?

— Неоднократно замечалось — и я не вижу здесь оснований ерошиться и возражать, — что стихи мои отличает несколько диковинная по нынешним временам классичность. Но я не могу сказать, что моя поэтика — дело свободного выбора. Я пишу **такие** стихи, потому что это отвечает моим представлениям не вообще о хороших стихах, а о **моих** хороших стихах. Никаких осознанных ученических усилий мною сделано не было. А что касается влияний, я думаю, они непроизвольны и обыкновенны — поэтическая классика Золотого и Серебряного веков. Но у меня есть убеждение, что в молодые годы важнее не классические влияния, а восприимчивость к стихам друзей, к творчеству круга. Я всем начинающим авторам очень советовал бы обзавестись кругом общения, потому что в молодости важно бежать стайкой, читать друг другу, ревновать друг к другу. А с годами, когда это отходит на второй план и ты становишься уже сам по себе, важнее читать книги покойных, скажем так, мастеров, классиков и т.д. У меня нет каких-то особенно любимых писателей. Больше всего из поэтов я люблю Пушкина, и скорее всего привязанность эта пожизненная, а остальные общеизвестные мастера то отходят в тень, то, наоборот, становятся важнее прочих.

ДОСЬЕ

Гандлевский Сергей Маркович

Родился в **1952** году в Москве.
1970 — 1976 — студент филологического факультета МГУ.
Работал: учителем, гидом музея «Коломенское», рабочим сцены, разнорабочим в научных экспедициях (Памир, Кавказ, Чукотка, Средняя Азия).
В **70-е** годы публиковался в самиздате и в эмигрантских изданиях «Континент», «Эхо», «22» и других.
С **1988** года публиковался в литературных журналах и альманахах «Зеркало», «Личное дело» и других.
Книги стихотворений:
«Рассказ» (1989),
«Праздник» (1995) — премия «Незнакомка» («Антибукер») за **1996** год.
Повесть **«Трепанация черепа»** («Знамя», **1995**, №1) — премия «За утверждение либеральных ценностей» журнала «Знамя» за **1995** год. Премия «Малый Букер» за **1996** год.

— Имеет ли для тебя значение такая вещь, как поэтическая школа? Испытываешь ли ты необходимость причислить себя к тому или иному течению, направлению, к какому-либо «изму»? Или же для тебя просто существенно сочинять нечто с твоей точки зрения хорошее, и все?

— Конечно, второе. Я думаю, что писатель — не хозяин своим способностям. Сочинять — ты и сам прекрасно это знаешь — приятное занятие. Будь на то моя воля, я бы сочинял существенно чаще, чем у меня получается. Я совершенно безволен в отношении собственного писательства. Я не хочу сказать с романтической гордостью, что когда вдохновение снисходит, тогда я и хватаюсь за перо. Это просто состояние работоспособности. Когда оно есть, то вся та словесная абракадабра, которая постоянно крутится в голове, — какие-то там сравнения, рифмы, интонации — вдруг «бац!», и встает на место, и вроде бы все и получается.

— Для меня твое малописание вещь знаковая, значимая и вообще очень мне импонирует. Вполне возможно, что ты мало пишешь просто потому, что ты мало пишешь. Но мне кажется, что таким образом удельный вес каждого стихотворения существенно повышается. Многописание в современной культурной ситуации, если оно не является осознанным художественным принципом, мне кажется вообще делом несколько, как бы это сказать, неэкологичным.

— Если на то пошло, я сразу пишу избранное, стараюсь отличать «пораженье от победы». Внутри себя мы, разумеется, все время пишем. На то мы и писатели, чтобы дома и на улице непрестанно сопрягать какие-то слова. Но редко бывает, когда нравится. Я не ответил на твой вопрос по поводу «измов». Для меня этот вопрос праздный. Я в этом смысле совершенно не волен в своих поступках. У меня, например, бывают затяжные периоды, когда мне наскучивает моя собственная манера писать. Я рад бы писать что-нибудь совершенно другое. И когда мне кажется, что вот-вот, сейчас я это напишу, я оказываюсь в положении героя Ильфа и Петрова, который, решив сказать что-то неординарное, влез на бочку и слово в слово повторил предыдущих ораторов, что-то вроде «Позор Керзону!». В результате я говорю совершенно не то, что хотел бы, а то, куда меня сносит. Таков, видимо, склад моих способностей.

— Опыт каждого из нас ретроспективно связан с каким-то профессиональным кругом, кругом коллег, единомышленников. Познакомился я с тобой в то время, когда ты был участником группы, которая называлась «Московское время». Что для тебя значил этот период?

— Я подружился с людьми, стихи которых полюбил. Ничего еще не сочиняя, я сошелся с кругом молодых тогда поэтов. Это были Александр Сопровский, Александр Казинцев, Бахыт Кенжеев и Алексей Цветков. Все они уже писали. Я еще не писал.

— То есть ты был в роли младшего...

— Да. Я был в роли читателя, собеседника. Хотя по годам я младшим не был. И здесь мой подростковый литературный вирус попал в питательную среду. Через какое-то количество месяцев я начал сочинять стихи и, надо сказать, сочинял их совершенно не в том режиме, в каком теперь. То есть у меня портилось настроение, если я не писал стихотворения в неделю. И где сейчас все эти стихи? Скорее всего у нас была какая-то групповая эстетика. Она не формулировалась, мы не писали манифестов, больше пили водку и шлялись по городу. Я не берусь эту эстетику обозначить. Наверное, она была развернута к акмеизму, но с поправкой на советский быт. Потому что и тогда уже, помню, нам достаточно смешны были стихи, написанные так, как будто ничего не произошло. Сославшись на Ходасевича, можно сказать, что мы неосознанно пытались привить «классическую розу к советскому дичку».

— Литературные компании, как мы с тобой знаем, по разным причинам рассыпались, исчезали, возникали новые. Где-то на заре перестройки возникла еще одна литературная компания, которая объединила, например, тебя и меня. Ее деятельность была впоследствии документирована в виде сборника «Личное дело». Что значил для тебя этот опыт?

— Это был серьезный и неожиданный опыт. Тогда случилась, пожалуй, самая большая пауза в моем писании. Она заняла три года. И задним числом я думаю, что новые знакомства и новый круг были тому причиной. Потому что я встретился с людьми, творчество которых было больше ориентировано на живой язык, на улицу, на, скажем так, советскую речь. Мне не кажется, что я заложил руль на 180 градусов. Я, наверное, испытал чувство некоторой растерянности. Но это, надеюсь, пошло мне на пользу.

— Скажи мне теперь, как ты оцениваешь нынешнюю литературную ситуацию? Оцениваешь ли ты ее вообще как-нибудь? Сделал ли ты за последние годы какие-либо важные для себя открытия: имена, произведения, тенденции... Вообще какова, на твой взгляд, сегодня ситуация в словесности?

— Мне сейчас придется долго и виновато отступать и признаваться в своей лени и нелюбопытстве. Проще всего было бы сказать, что быт заедает и среда дохнуть не дает, но быт у всех один и тот же, но одни почему-то все читали и в курсе всего, а я живу совершенно на отшибе и, как бы это сказать...

— Я выдвину такое осторожное предположение. Может быть, ты отчасти утратил интерес, потому что культурные лакуны для тебя в каком-то смысле заполнены. Вроде таблицы Менделеева.

— Правильно. Я потерял интерес, но потерял его в самое неподходящее время, когда кто-то, например, журнал «Итоги», стал интересоваться моим мнением. Спросили бы меня лет 10—15 тому назад, возможно, я бы отвечал бойчее. Но меня никто не спрашивал. А сейчас время от времени мне задают подобные вопросы, а мне почти нечего сказать. Я скажу, может быть, самонадеянную вещь. У меня есть предположение, что чтение чтением и осведомленность осведомленностью, но все же я варюсь в этом котле более 25 лет. За эти годы через поры, что ли, входит какое-то знание литературы, которое, может быть, и называется словом «профессионализм».

— Понятно. То есть решительных для себя открытий ты за последние годы не сделал?

— В общем, нет. «Стара; тупеет разум, Таня...»

— Играет ли критика какую-нибудь роль в твоей литературной судьбе и вообще в твоем литературном «самочувствии»? В какой мере для тебя важно, как тебя воспринимают, как описывают?

— Критики я не боюсь. И вот почему. Пока что никто из критиков не говорил мне таких неприятных вещей, которые бы шли в сравнение с тем, что я сам себе говорю по поводу собственных стихов.

— А была ли такая критика, которая казалась тебе адекватной? Которая была для тебя радостной?

— Не вспомню. Бывают приятные, даже лестные отзывы... Но мне не кажется, что мне чему-то удалось у критиков научиться.

— То есть тебе на тебя никто глаза не открыл?

— Нет.

— Кто твой читатель? Как ты себе его воображаешь? Конкретное это лицо или некий сконструированный тобою образ?

— Здесь на самом деле существует известная авторская подвижность. Например, если ты, Лев Рубинштейн, будешь читать мое новое стихотворение, то я переключу свое зрение на твое, каким оно мне представляется, и буду радоваться за те строки, которые, как мне кажется, могут тебе понравиться, и «напрягусь», когда ты дойдешь до тех строк, которые, по моему мнению, тебе не должны быть близки.

— Но все же есть ли у тебя тот некий адресат, на которого ты ориентируешься в процессе писания? Я, например, про себя могу сказать, что, когда я сочиняю тот или иной текст, я всегда представляю себе двух-трех реальных людей, чьим мнением я дорожу. Когда я сам нахожу что-то удачным, я думаю, оценит ли это такой-то и такой-то.

— В таком случае — нет. Я стараюсь написать так, чтобы в каждом стихотворении как можно точнее совпасть с той интонацией, которая для меня в этом стихотворении желательна. Вот тот уровень требовательности, которому я стараюсь соответствовать. Я ответил на твой вопрос?

— Более или менее... Сережа, весь прошлый год мы с тобой занимались некоторой педагогической деятельностью. Я имею в виду преподавание в «Школе современного искусства», которая существует в Российском государственном гуманитарном университете. Что значило это для твоего писательского и человеческого опыта? Что тебе дает или давала преподавательская деятельность?

— Ну, во-первых, это обогатило мой гражданский, что ли, опыт и сделало мой взгляд на вещи более мажорным. Теперь я уже не возьмусь так запросто говорить, что «вся молодежь в ларьках», что «куда все девалось», что «культура погибла» и так далее... Нет, все прекрасно живо, и те, кому надо, становятся думающими людьми и знающими, кстати, больше нашего... Во-вторых, мне это было очень полезно, потому что часть своих убеждений — а я именно что излагал свои убеждения и делился недоумениями, возникшими у меня за 25 лет литературной деятельности, — так вот, часть этих убеждений я потрудился и сумел обосновать. От каких-то взглядов мне пришлось отказаться, потому что они оказались предрассудками, некритичным повторением чужих мнений.

Это было интересное время. Жаль только, что у меня так быстро кончились убеждения.

— Насколько я знаю, в юности ты зарабатывал переводами стихов. Судя по твоему хорошо заметному ответственному отношению к слову, это занятие дало тебе довольно много. Ты согласен со мной?

— Нет, я с этим не согласен, причем категорически. Перевод, как поденщина, совершенно внеположен поэтическому творчеству. Потому что поэт — это тот, кому сложнее со словами, чем остальным людям. Перевод не ведет в поэзию. Он ведет в «зеленый театр», в конферанс, в буриме — то есть в те области, которые рядом с поэзией не лежат. Перевод приучает к тому, чтобы «от зубов отскакивало». Я не потому пишу достаточно гладко, что я набил руку на переводах, — наоборот: я обратился к переводу, потому что у меня есть кое-какой навык версификации.

— Сейчас ты профессионально занимаешься редакторской работой в журнале «Иностранная литература». А это тебе что-нибудь дает, кроме зарплаты?

— А вот это хороший опыт. Я разделял свойственное писательскому цеху заносчивое отношение к редактору. Оно несправедливо. Хороший редактор — это профессия, заслуживающая уважения. Это раз. Второе. Я стал лучше видеть в собственных текстах лишние слова, пустопорожние обороты.

— Я начал с упоминания о твоей прозе. Этим хочу и закончить. Проза твоя на виду и на слуху, ее многие читали, о ней говорят и пишут. В ней ты сам много говоришь и о себе, и о своих родных и друзьях, и о своих стихах, и о ней самой — о своей прозе. Я еще раз порекомендую прочесть ее тем, кто ее еще не читал. А тебя еще раз поздравлю с тем, что она была оценена не только в знаках читательского внимания.

— Спасибо. Я неравнодушен и к знакам читательского внимания, и «не только» к ним. Скажу выспреннюю, но правдивую вещь, что все-таки главное удовольствие я уже получил, пока ее писал.

Вариации в поисках темы

В «Лебедином озере» Васильева сталкиваются не мечта с действительностью, а два кавалера из-за дамы

Ярослав Седов

ПРЕМЬЕРА

Музыку «Лебединого озера» Чайковский начал писать в 1875 году по сценарию директора московских театров Бегичева и танцовщика Гельцера. Композитор не ориентировался на определенное сценическое воплощение, в отличие от совместной работы с балетмейстером Мариусом Петипа над «Спящей красавицей» (1889) и «Щелкунчиком» (1892). Первая постановка «Лебединого озера» (1877, Москва, Большой театр, балетмейстер Вацлав Рейзингер) была признана неудачной. После смерти Чайковского в 1893 году Дирекция императорских театров решила в том же сезоне поставить «Лебединое озеро» в Петербурге. Петипа болел, и работа была поручена Льву Иванову, успевшему поставить в отпущенный срок только вторую картину — знаменитую сцену лебедей на озере. Петипа завершил постановку балета к 1895 году. В Москве эту редакцию не видели, поскольку в 1901-м Александр Горский поставил в Большом театре свое «Лебединое озеро». Фрагменты его версии, дополненные некоторыми танцами Иванова и Петипа, были сохранены во всех шести последующих редакциях Большого театра, вплоть до последней, осуществленной в 1969 году Юрием Григоровичем и Симоном Вирсаладзе.

Сергей Прокофьев вспоминает в «Автобиографии»: впервые услышав в детстве музыку Листа, он был так потрясен, что нарисовал на бумаге каракули, похожие на ноты, и принес их матери со словами: «Я написал рапсодию Листа». В подобной ситуации рискует оказаться каждый, кто на исходе XX века пытается создать новый канон постановки «Лебединого озера». Ведь ни один балет не имеет стольких сценических версий — от классического решения Иванова и Петипа, остающегося основой большинства редакций, до пародийной голливудской киноверсии Джорджа Баланчина, от хореографической поэмы Джона Ноймайера о грезах Людвига Баварского до спектакля Матса Эка, «пересказавшего» академический балет языком танца модерн. Новому постановщику легко попасть впросак, придумывая то, что, возможно, уже давно придумано. Тем более если именно Большой берется переделывать балет, признанный его «визитной карточкой».

В то же время «Лебединое озеро» словно дразнит хореографов, провоцируя их искать все новые решения. Прежде всего к этому подталкивают классические танцы Льва Иванова, оказавшиеся в прошлом веке истоком нового направления в балете. Иванов перенес основное внимание с самих движений на пластические и смысловые оттенки, возникающие «между строк». Он не стремился к абсолютной импровизации, но одна только поза лебедей, испуганно закрывающих голову рукой-крылом при виде принца, имеет несколько трактовок, ставших со временем каноническими.

Позже поисками новой пластики увлекся Михаил Фокин, чей «Лебедь», навеянный танцами Иванова, изначально не имел жестко закрепленного рисунка. Анна Павлова, для которой он был поставлен, исполняла его во многих вариантах. А в середине XX века хореографы Леонид Якобсон и Касьян Голейзовский, развивая поиски в этом направлении, создали новый танцевальный язык, где смысл увязывался с выразительными возможностями конкретных исполнителей.

Кроме того, со времен премьеры «Лебединого озера» в 1877 году постановщики по-разному решали, трактовать ли сюжет как сказку о невольном предательстве и искуплении или как трагедию героя, нарушившего закон гармонии мироздания, после чего развязка от самого героя почти не зависит.

Владимир Васильев в своей постановке «Лебединого озера», впервые показанной в конце декабря в Большом театре, решил все проблемы одним махом. Традиционную фабулу он изменил полностью. У главного героя — Принца (в разных составах Владимир Непорожний и Константин Иванов) — появился отец (Николай Цискаридзе и Дмитрий Белоголовцев), который тайком ходит по ночам на озеро и пытается соблазнить Принцессу-лебедь (Елена Андриенко и Анна Антоничева), испытывая к ней, как написано в либретто Анатолия Агамирова, «вожделенную страсть». Принц накануне выбора невесты тоже отправляется на озеро, где случайно встречает Принцессу и зовет на бал. Она приходит во дворец, но тут Отец хватает ее в охапку и несет обратно на озеро, чтобы наконец-то соблазнить. Там Принц настигает и, к ужасу зрителей, убивает папашу. Хотя в либретто и сказано о превращениях отца в демона, а девушек — в лебедей, это не меняет сути вполне бытового конфликта. В спектакле Васильева сталкиваются не мечта с действительностью и не противоречивые чувства в душе героя, а только два кавалера — из-за одной дамы. Кто она такая, зачем ей в этой ситуации перья и лебединые жесты, неясно, да и несущественно.

Мотивы поисков идеала, сомнений, выбора, предательства и искупления не вошли в спектакль, так что уцелевшие фрагменты лебединых сцен Иванова, где Принц ищет среди множества прекрасных девушек свою избранницу, а также танцы невест на балу, поставленные Васильевым, выглядят ненужным довеском. Не вошли в спектакль ни классическая фантасмагория подмены белого лебедя черным, ни даже тема любви героев. По либретто, да и по хореографии Васильева, Принцесса всего лишь «увлечена красивым юношей».

Зато у Принца появились навязчивые друзья и подруги, пляшущие до упаду под музыку сольных вариаций в первом акте, а также вариаций Одиллии и Зигфрида в третьем. Эта компания заслоняет главного героя и в переносном смысле, и буквально — она бесцеремонно оттесняет его от девушек, к которым Принц пару раз пытается приблизиться. Вопреки советам известного танцовщика и балетмейстера Петра Гусева, писавшего, что если в начале спектакля использовать много эффектов, то нечем будет заинтересовать зрителя в конце, Васильев сразу же заполняет сцену толпами танцовщиков, детьми, корзиночками, кубками, факелами... В одном углу у него может разыгрываться забавный мимический эпизод, а в другом в это же время исполняется виртуозный танец, так что не сразу и сообразишь, куда смотреть. С большей частью васильевских комбинаций артисты едва справляются, но чья тут вина — плохо подготовленных исполнителей или постановщика, переусложнившего танцы, — так просто не разобраться.

В программке создатели спектакля написали, что хотели очистить «Лебединое озеро» от штампов и подчеркнуть его «русский лиризм». Но в результате их постановка сильно смахивает на заурядные европейские редакции. Декорации и костюмы Марины Азизян в Большом театре стилистически не продуманы. Серые лоскуты ткани, символизирующие лебединые перья, слепящие глаза ярко-синие, фиолетовые, зеленые, золотые пятна костюмов на ярко-оранжевом фоне, черный «зеркальный» линолеум на полу напоминают разве что кабаре.

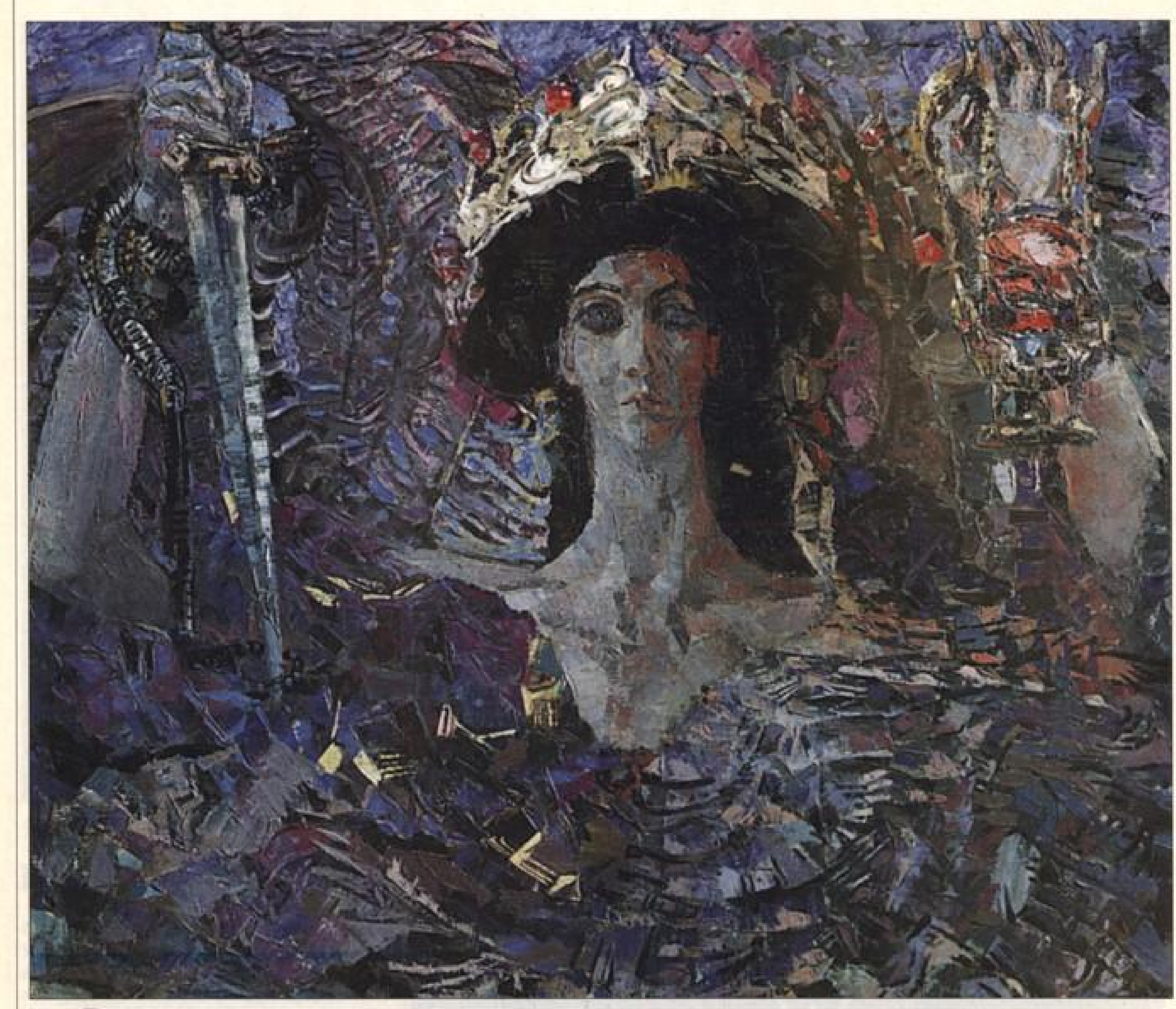
Забавнее всего, что постановщики, говоря о верности «духу и букве музыки Чайковского», перекроили его партитуру так, что нарушенной оказалась даже логика смены тональностей. Конечно, невозможно указать, какие движения на какие аккорды следует ставить. Но все-таки должно быть ясно, как соотносятся между собой звуки и жесты, иначе не разобраться, что именно хотел сказать постановщик. У Петипа с Ивановым эта логика ясна. Они услышали, что в партитуре Чайковского варьируются и перекликаются музыкальные темы лебедей, вальсов, рассказа Одетты и построили свою хореографию, варьируя определенные танцевальные комбинации. У Баланчина, Ноймайера, Матса Эка логика другая, может быть, спорная, но ее тоже нетрудно уловить. Можно не соглашаться с тем, что Григорович в своем «Лебедином» поставил невест из разных стран на пуанты, а Вирсаладзе одел их в одинаковые белые платья, но все-таки ясно, зачем это сделано: для Принца все девушки, кроме его избранницы, «на одно лицо».

У Васильева все движения и режиссерские находки выглядят произвольными. Сценическое действие теряет последовательность и выглядит набором случайных выдумок. Но постановщик предлагает считать, что это и есть «переосмысление столетиями складывавшейся концепции «Лебединого озера». Почти как в истории маленького Прокофьева с рапсодией Листа. ■

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПЕРСОНАЖИ, ВВЕДЕННЫЕ ВАСИЛЬЕВЫМ, ЗАСЛОНЯЮТ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ

Фото Дмитрия Куликова

Символизм, род недуга

На выставке в Русском музее зрители могут вволю насладиться лунными пейзажами, черепами и печальными женщинами

Николай Молок

ПРОЕКТЫ

Выставка «Символизм в России» — третий из серии амбициозных проектов петербургского Русского музея, посвященных важным этапам развития отечественного искусства (две первые выставки, «Агитация за счастье» и «Романтизм в России», прошли в 1995 — 1996 годах, готовится и четвертая — «Русский классицизм»).

На выставке представлено 350 произведений живописи, графики, скульптуры и декоративно-прикладного искусства: от «Богоматери над телом Спасителя» Павла Жуковского (1876) до «Судьбы» Василия Чекрыгина (1922). Но большинство экспонатов относится все же к 1900-м годам.

В отличие от двух предыдущих выставок, в экспозиции которых были включены романтические интерьеры с обоями в цветочек или советская танцплощадка с буфетом, устроители «Символизма» ограничились только развеской картин и рисунков. К выставке выпущен роскошный каталог-альбом в синем «символистском» переплете (в противоположность красным обложкам «Агитации» и «Романтизма»).

ПАВЕЛ ЖУКОВСКИЙ.
ПАМЯТИ БЕКЛИНА. НАЧАЛО 1900-Х

ВИКТОР ЗАМИРАЙЛО.
ОСЕНЬ. РАЗМЫШЛЕНИЕ. 1906

ИЛЬЯ РЕПИН.
ИДИ ЗА МНОЮ, САТАНО. 1895 (?)

В новогоднюю ночь из Москвы исчез Врубель. Одиноко болтающиеся веревочки на стенах его зала в Третьяковской галерее стали первым в новом году фактом художественной жизни столицы. Оказывается, картины, висевшие на этих веревочках, отправлены в большое зарубежное турне.

А чтобы посмотреть на Врубеля и его современников, стоит съездить в Петербург, где в корпусе Бенуа Русского музея открыта выставка «Символизм в России». Безусловное достоинство этой выставки в том, что на ней показаны работы, извлеченные из огромных запасников Русского музея. Основной объем экспозиции составляют не самые известные произведения Борисова-Мусатова, Врубеля, Петрова-Водкина, Рериха, Бенуа, Добужинского, а также работы «малых» символистов, чьи имена сегодня почти забыты: Виктора Замирайло, Николая Калмакова, Василия Денисова, Константина Богаевского. Самая заметная (в основном благодаря своим гигантским размерам — 2 на 4 м) картина на выставке — «Рождение Венеры» Николая Милиоти. В экспозицию включено и несколько хрестоматийных вещей, но в большинстве своем они остались в постоянной экспозиции русского искусства рубежа веков, расположенной в соседних залах корпуса Бенуа.

Отсутствие на выставке шедевров компенсировалось ее представительностью. Да и символизм гораздо более откровенен в неглавных вещах. В них он сразу бросается в глаза и значительно легче поддается систематизации. Вот черт, вот спящий мальчик, а вот фантастический пейзаж... Достаточно прочитать названия картин: «Змий» (Елены Поленовой), «Кащей» (Сергея Малютина), «Страх» (Марии Якунчиковой), «Ведьма» (Виктора Замирайло), «Жертва» (Микалоюса Чюрлениса), не говоря уже о «Зловещих» (Николая Рериха) и «Древнем ужасе» (Льва Бакста). И не нужно

СЕРГЕЙ ЧЕХОНИН. ВОЛЧОНОК. 1913

напряженных поисков ответа на вопрос, что же такое символизм в русской живописи.

Как ни странно, авторами выставки этот вопрос вообще поставлен не был. Посчитав свою выставку «первой монографической экспозицией» на данную тему (а ведь лет пять назад выставка под точно таким названием прошла в Фонде культуры в Москве), они просто решили показать «весь символизм», многогранный и разнообразный, очень неровный по качеству и не имевший, как сказано в каталоге, «единого стилистического потока». Вот и повесили рядом с изысканной живописью Артура Фонвизина салонные, с оттенком дурного вкуса картины Николая Калмакова, кстати, едва ли не самого популярного художника того времени. Разных художников объединяют на выставке одни и те же темы, а порой одни и те же названия (например, «Сон» Петрова-Водкина, Святослава Воинова и Петра Уткина). Оказывается, и у символизма были свои клише. И символизм можно было тиражировать.

Показать всё значит показать всех. Надо думать, авторы выставки избрали себе девизом известные слова Блока: «Искусства вне символизма в наши дни не существует. Символист есть синоним художника». Так попали на выставку не только «большие» и «малые» символисты, но вообще все художники, которые жили и работали на рубеже веков и чьи произведения нашлись в закромах Русского музея. Все свалили в одну кучу, получилась обширная выставка старых поступлений.

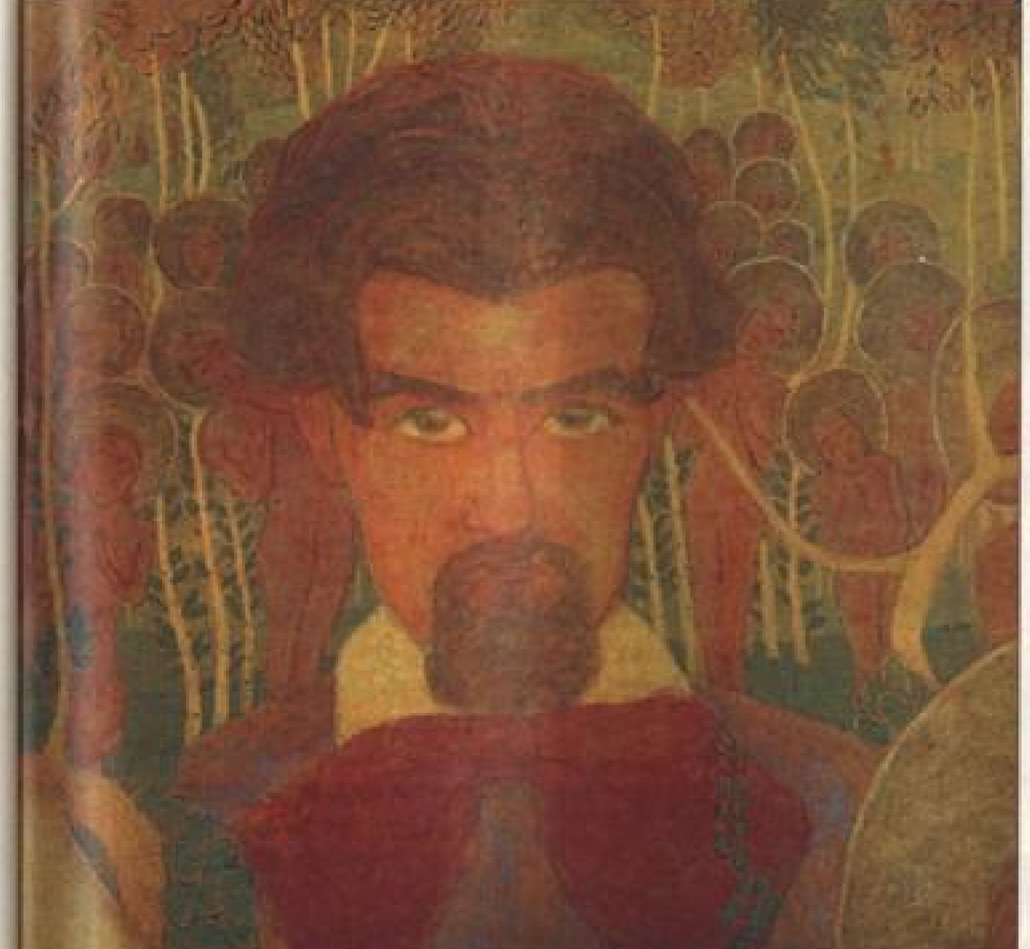
Не совсем понятно только ее название — почему символизм? С равным успехом ее можно было бы озаглавить «Модерн в России», или «Искусство серебряного века», или как-нибудь еще. Быть может, разгадку следует искать в каталоге? Но в каталоге принадлежность того или иного произведения к символизму определяется не искусствопониманием художников, а вторичным с точки зрения изобразительного искусства признаком — литературными сюжетами, в которых можно усмотреть хоть малейший намек на символизм: все те же демоны, спящие юноши, роковые женщины, религиозные сцены, фантастические пейзажи. Тематический принцип был положен и в основу развески выставки, но то и дело нарушался — сны путаются с реальными пейзажами, а женские образы — с демонами.

Владимир Круглов, автор вступительной статьи к каталогу, описывает картины исключительно с помощью эмоциональных определений. Врубель именуется здесь «классическим символистом, сделавшим символизм образом своей жизни». А почему, собственно? Да потому, что его картины «отмечены высоким горением духа». Это несомненно, но едва ли проясняет суть дела. Из каталога можно узнать, что картина Саврасова «Грачи прилетели» (поздний вариант) «чертами хрупкой нежности и своеобразной стилизации» предвосхищает символизм. Не терпится добавить, что грачи потенциально тяготеют к воронам, а ворон, как известно, птица зловещая (см. картину Рериха).

Саврасовских «Грачей» на выставке все же нет, зато есть «Сумерки» и «Закат» Архипа Куинджи — картины, конечно, эффектные и «полные таинственности» (сказано в каталоге), но именно реалистичные, даже натуралистичные, а вовсе не символистские. Общеизвестный факт, что у Куинджи учились многие символисты (в частности, все тот же Рерих), еще не обеспечивает ему места на выставке.

МИКАЛОЮС ЧЮРЛЕНИС. ЖЕРТВА. 1900

КАЗИМИР МАЛЕВИЧ. АВТОПОРТРЕТ. 1907
ВАСИЛИЙ КАНДИНСКИЙ. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ. 1911

В символисты записаны и Репин с Левитаном, и Филонов с Шагалом. Основание тому — их «предрасположенность» к символизму. Видимо, символизм представляется авторам выставки некой заразной болезнью, которой раньше или позже переболели все русские художники рубежа веков. Репина, например, к символизму «подвела нервная возбудимость и впечатлительная пылкость натуры» (опять цитирую каталог). Филонов, Кандинский и Кульбин символисты потому, что они — «художники-визионеры, провозвестники ими лично увиденного». Ранние произведения Малевича «густо замешаны на фольклоре». Тоже символизм. Картина Шагала «Зеркало» (кстати, по ошибке воспроизведенная в каталоге именно зеркально) «пронизана метафоричностью». Опять символизм. В «Синем гребне» Кандинского художник «мыслит космическими масштабами». Символизм.

А вот пепельница в виде головы то ли демона, то ли ангела. Чем не символизм? Или диван, на котором, наверное, любил сиживать какой-нибудь символист, погрузившись в свои символические думы. Но ведь зритель-то не присядет и не ощутит всей символической мягкости диванных подушек. Вообще присутствие на выставке предметов декоративного искусства и мебели представляется по меньшей мере спорным: ведь символизм вроде бы тяготился реальностью и бытом. Если пепельницы и диваны символичны, то что тогда символизмом не является?

Всем этим казусам можно найти вполне прозаическое объяснение: символизм — модное слово в искусствоведческой среде. Если на Западе аналогичные выставки прошли в 70-е годы, то в Советском Союзе тогда о символизме предпочитали не говорить. Теперь слово «символизм» реабилитировано. То, что привычно именовалось неоклассикой, «стилем модерн» и «русским стилем», нынче переименовывается в символизм. Не только романтики, но и передвижники объявляются предшественниками символистов, а авангардисты и все прочие — их последователями. Не так уж и давно мы наконец смогли оценить усилия художников русского авангарда, преодолевших символизм и создавших абстракцию. Сегодня, напротив, в цене их символистское прошлое.

Мало того, символизм теперь понимается вовсе не как направление в русской культуре рубежа веков, а как национальная особенность русского характера. В России символично все: грезы помещиков, религиозность крестьян, демонизм русского фольклора... Символично и всякое произведение русского искусства. Идеальная выставка под названием «Символизм в России» должна была бы начинаться, наверное, с икон, а заканчиваться современной живописью, скажем, фантастическими архитектурными пейзажами Валерия Кошлякова.

Вот и авторы выставки в Русском музее глубоко убеждены в том, что символизм не был принесен в Россию из Парижа или Мюнхена, но стал «результатом логики развития отечественной культуры в определенный момент ее эволюции». Видимо, по этой самой логике на выставке и оказалось так много «русского стиля». Для пущего подтверждения самобытности русского символизма на пригласительном билете (и в каталоге) картина Павла Жуковского воспроизведена лишь фрагментарно: немаловажная часть произведения — надпись «Памяти Беклина» — срезана.

Между тем само применение термина «символизм» к изобразительному искусству уязвимо. Русские художники в отличие от поэтов никогда не называли себя символистами и не писали символистских манифестов. Современное искусствоведение вывело абсолютно точную формулу: «Модерн это стиль, а символизм — эстетическая концепция». Символизм в русской живописи, определение его хронологических границ действительно требуют серьезного разговора. Однако выставка в Русском музее такого разговора не предполагает. О символистской живописи едва ли можно говорить без учета символистского опыта смежных искусств — литературы, архитектуры, театра. А они на выставке вообще не представлены, даже в портретах: таких, например, как знаменитый альтмановский портрет Анны Ахматовой, который, кстати, хранится в собрании Русского музея. Зато доверчивые зрители, давно привыкшие к разного рода сонникам, гороскопам и гаданиям, могут вволю насладиться лунными пейзажами, черепами и печальными женщинами. Не зря рецензент петербургской газеты «Смена» написал, что выставка получилась «очень душевная».

И все же хорошо бы «Символизм» приехал в Москву. Тем более что в Третьяковке есть свободные веревочки. ■

Санкт-Петербург

Серебряный сезон Авроры

Людмила Семеняка, одна из лучших балерин, выступающих сейчас на сценах всего мира, отмечает 15 января день рождения и начало 25-го сезона работы в Большом театре. Ее заметили все ведущие балетмейстеры, еще когда она училась в Ленинградском хореографическом училище, а зрители прозвали «длинноногим чудом». Сохраняя образцовую академическую чистоту танца, Семеняка исполняет самые виртуозные комбинации с такой легкостью и артистизмом, будто импровизирует. Она одинаково органична и в классических партиях, и в современных.

Оценив это, Юрий Григорович в 1972 году пригласил ее в Большой театр, где Семеняка сразу стала ведущей балериной.

Она выступала со всеми выдающимися танцовщиками второй половины XX века, такими, например, как Михаил Барышников, Александр Годунов, Владимир Васильев, Фернандо Бухонес. С ней работали все легендарные мастера-педагоги, в первую очередь Галина Уланова и Марина Семенова.

Сейчас Семеняка танцует все классические партии в разных редакциях, главные роли во всех спектаклях Григоровича, в постановках Баланчина, Ноймайера, Кранко, Макмиллана, Май Мурдмаа и других.

Свой юбилейный сезон балерина откроет «Щелкунчиком» в Большом театре. В ее планах большое гастрольное турне по городам России, где она хочет показать свои любимые роли. Маршрут пока не уточнен, но в начале февраля в Саратове Семеняка будет танцевать принцессу Аврору в «Спящей красавице» — роль, в которой она признана одной из лучших современных исполнительниц. ■

Я. С.

Заочный «Триумф» Кисина

В этом году 25-летний пианист Евгений Кисин невольно привлек больше внимания к премии «Триумф», чем другие почтенные лауреаты. В 1984 году его дебют произвел впечатление чуда. Казалось невероятным, чтобы ребенок мог выразить чувства, естественные для человека, прожившего целую жизнь. А за последующие два года пианист подготовил и сыграл в Большом зале программу, которая даже от взрослых требует незаурядных физических сил и мастерства — концерты Моцарта, Прокофьева и Шостаковича, пьесы Шопена, Рахманинова, Скрябина.

К счастью, Кисин избежал судьбы многих вундеркиндов, которые, теряя детское обаяние, так и не становятся серьезными музыкантами. Ему повезло с опытным педагогом Анной Павловной Кантор. Кисина поддержали Дмитрий Китаенко, Владимир Спиваков. Он играл с великим Гербертом фон Караяном. А в 1992 году Клаудио Аббадо вручил ему престижную американскую музыкальную премию «Грэмми». График концертов и записей Кисина составлен на много месяцев вперед.

В этом году музыкант стал самым молодым лауреатом премии «Триумф». Возникло лихорадочное обсуждение, приедет ли Кисин ее получать, ведь по возрасту он подлежит призыву в армию. Министр культуры Евгений Сидоров заверил, что добился от Министерства обороны специального приказа, освобождающего Кисина от воинской обязанности. Но оказалось, что время, на которое назначена церемония награждения, у пианиста давно занято. Об этом он написал в открытом письме, где поблагодарил жюри и пообещал вскоре приехать в Россию с серией концертов. ■

С. Б.

О доброте. Киновариант

Киноперсоной № 1 самой загульной недели года вновь стал Марк Рудинштейн. Партия тусовки получила от него традиционную возможность попить-поплясать в рождественскую ночь в зале «Россия». Возможность приятную, но всегда омрачаемую тем занудным обстоятельством, что, прежде чем поплясать, надо посидеть и поаплодировать вручению каких-то «Овенов». Кроме «Овенов» (призы людям нашего кино), на сей раз были розданы и «Юноны» (призы людям кино мирового, отличившимся в фильмах про любовь). Под это дело Рудинштейн заманил все еще легендарного Жана Луи Трентиньяна, а также братьев Тавиани, из коих, впрочем, прибыл один. Приуроченная к «Юноне» программа «фильмов о любви» тоже наделала шума, пообещав киноманам заведомо прекрасную «Рассекающую волны» Ларса фон Триера вкупе с заведомо скандальной «Эвитой». Правда, киноманам пришлось посторониться: оба фильма распределили в кинозал гостиницы «Рэдиссон-Славянская», где за каждый билет требовалось выложить дюжину баксов.

Как ни относись к «рождественским ночам» и ценам на билеты, ясно, что Рудинштейн расширяет сферы влияния. В декабре он объявил, что, помимо модного феста в Сочи, вознамерился проводить фестиваль «Лики любви», причем в Ялте. И что знаменитый «Фестиваль фестивалей» в Питере тоже переходит под его опеку. На той же пресс-конференции Марк Григорьевич обругал коллег-конкурентов, содержащих фестивали в Анапе и прочих злачных местах, что тут же вызвало реплики в прессе: Рудинштейн обнаглел, стремится монополизировать фестивальное движение.

Легко заметить странную закономерность. Любой мировой кинофестиваль развивается лишь в том случае, если его хозяин-идеолог является фанатом своего дела: распихивает конкурентов локтями, оттаптывает им ноги. Организаторы фестиваля в Гетеборге оттесняют от госкормушки устроителей фестиваля в Стокгольме. Главу каннского фестиваля не увидишь в Берлине. Противостояние двух крупнейших фестов Северной Америки — Монреаля и Торонто — тема и вовсе знаменитая, притчевоязыцевая.

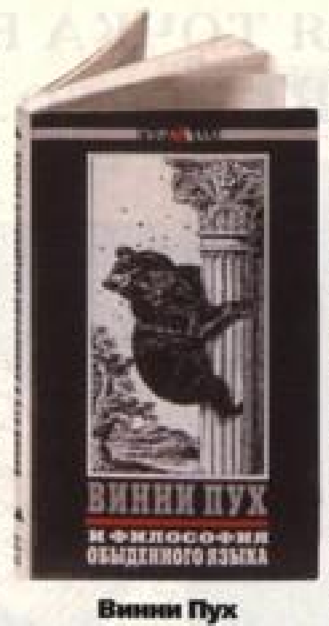
Стремление к монополии — признак того, что фестиваль затевается всерьез и надолго. Если фестиваль затевают на раз — с целью урвать денег и смыться, — то ведут себя иначе: поносят не конкурентов, а прессу, которая сует нос, куда не надо, и задает вопросы, способные настораживать правительство или инвесторов. Впрочем, киномир все же гуманен. Максимум, на что способны фестивальные боссы, — это (прикармливая сторонников) ставить соперникам подножки да прилюдно обвинять их в плохом вкусе и недобросовестности. Но киллеров (три раза тьфу) никто ни к кому не подсылает. ■

Юрий Гладильщиков

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ КНИГИ ВЫШЛО В 1994 году и стало интеллектуальным бестселлером. Оно, как утверждают авторы, разошлось столь же быстро, как «Москва — Петушки», правда, и «тираж был соответствующий». Второе издание вышло солидным по нашим временам тиражом 3000 экземпляров.

Книга написана в жанре научного стеба. Это смешная и точная пародия на «гуманитарно-научный дискурс». Авторы заявляют, что они будут рассматривать текст «Винни-Пуха» — ВП — с позиций «аналитического метода», выработанного на основе классического структурализма, постструктурализма (структурной поэтики и мотивного анализа), аналитической психологии «в широком смысле» (от психоанализа Фрейда до эмпирической трансперсональной психологии Грофа) и аналитической философии.

В общем-то ничего необычного в этом нет: и «Питер Пэн», и обе книги Льюиса Кэрролла про Алису удостоились самых разных интерпретаций в русле самых разных методов. И к «Винни-Пуху» подбирались. Ну а если уж авторы взялись исследовать мифологическое пространство «Винни-Пуха», например, то не могли не прийти к выводу о том, что структуру ВП «определяет одна из наиболее универсальных архаических мифологем — мировое древо, воплощающее собой архаический космос». А в главе «Северный Полюс» «происходит экспансия в новое пространство, и это новое пространство помечается огромным фаллическим объектом в качестве пространства Пуха. Пух утверждается как культурный герой». Обратившись к характерологии, остается только признать, что «Пух представляет собой выразительный пример циклоида-сангвиника, находящегося в гармонии с окружающей действительностью: смеющегося, когда смешно, и грустящего, когда грустно. Циклоиду чужды отвлеченные понятия. Он любит жизнь в ее простых проявлениях...» Несколько более неожиданно утверждение, что Пух — это Пушкин. А впрочем, почему бы и нет? Ведь «место Пуха и его поэзии в Лесу соответствует месту Пушкина как солнца русской поэзии в нашей культуре».

Винни Пух и философия обыденного языка.
Издание 2-е, исправленное и дополненное.
М.: Гнозис, 1996

Все эти и многие другие положения содержатся в статьях и комментариях Вадима Руднева к новому «аналитическому» переводу ВП, который он выполнил вместе с Татьяной Михайловой. Основная задача такого перевода — «не дать читателю забыть ни на секунду, что перед его глазами текст, переведенный с иностранного языка...» А рассуждения о том, что «поэзия — это дверь в иные возможные миры», позволяет «придать виннипуховской поэзии (а заодно и всему переводу) заметный (и желательный) постмодернистский оттенок».

Предсказуемость выводов — не вина авторов. Книжку вполне можно снабдить подзаголовком «Гуманитарные концепции века», поскольку это веселые поминки (традиционные поминки обязательно должны быть веселыми) по множеству «измов», родившихся в нашем столетии. Безусловно, все эти «измы» войдут «в мировую сокровищницу гуманитарного знания», но уже никогда не овладеют умами до такой степени, как в XX веке. Пусть библиотечные полки им будут пухом. К чему доказывать мифо-ритуальные корни еще не угадываемых версий виртуальной реальности? Мы знаем, что они столь же всепроникающи, как и Повсеместно Протянутая Паутина. А если мы заглянем в XXI век, то с неизбежностью обнаружим, что и постмодернизм мертв.

А Винни-Пух — еще нет.

Ольга Солнцева

ПОНЯТНОЕ ЖЕЛАНИЕ ХАПАТЬ ДЕНЬГИ, не отходя от кассы, расположенной в пределах Садового кольца, привело к тому, что система циркуляции книг на территории свободной России ныне крайне затруднена.

А между тем издательский процесс цветет, зреет, и в разных городах все еще огромной Державы выходят прелюбопытные, отнюдь не «провинциальные» издания.

Вот, к примеру, эта дивная антология детского творчества, выпущенная в Красноярске благодаря стараниям множества взрослых — писателей, художников, учителей, чиновников, меценатов... Богато иллюстрированная, объемная, *вкусная* книга.

Легко представить, какой мутью были бы наполнены страницы такого сборника в прежние времена: строительство БАМа или Красноярской ГЭС, изуродовавшей Енисей на протяжении нескольких сотен километров, детские упреки заокеанским «поджигателям войны».

А здесь вот читаем (о памятнике во дворе школы):

Скрипом ворота дворы оглашают,
И тополя тихо листья бросают.
Ты же стоишь горделиво над миром.
Как надоел ты мне, дяденька Киров.

Или (долганский мальчик, живущий на Таймыре):

В нашем маленьком поселке
Спирт и водку часто пьют.
Спекулянты приезжают
И спиртное продают.

Одновременно и нечто революционное, но на новый лад:

И мы вспомним семнадцатый год —
Был ноябрь, холодный и вьюжный...
Победил ли в России народ,
Поднимая оружие дружно?..

Но только не нужно думать, что школьники Красноярского края политизированы или социализированы сверх меры. Вот, например, какую драму переживает сибирская старшеклассница:

«Я уже не любила ее, но и ненависти не было тоже. Она убила во мне саму себя, оставляя пепел слова , который меня уже не тревожил».

Пегас ворвался в класс.
Стихи, рассказы, сочинения, сказки, афоризмы и рисунки школьников Красноярского края.
Красноярск: Гротеск, Издательский дом «Суриков», 1996

Ну и как же в таком сборнике без высокохудожественной детской чепухи, столь отличной от чепухи взрослой, злобной:

Антошка рисует,
Сережка поет,
Иринка играет,
А Васька жует.

И, конечно же, цитаты из школьных сочинений, беспроигрышный жанр:

Если бы Герасим не был так сильно закрепощен, то он утопил бы не Муму, а свою барыню.
Ермак — разбойник, который покорил Русь.
Бурлаки тянут баржу, работа нелегкая, ну что поделаешь — питаться на что-то надо.

И — опять почти политическое:

В начале 30-х годов единомышленники не могли прокормить наш народ.

Или — философское, не то от Даниила Хармса, не то от Андрея Платонова:

В течение зимы наступило лето.

Практически здесь в зародыше представлены все направления нынешней, а возможно, и будущей литературы: от кондового реализма через декаданс и авангард к постмодернизму, гиперреализму, литературе документа. А объединяет авторов одно: добродушное изложение всего, что им приходит в голову, — без агрессии, призывов, лозунгов, «вечного боя», «огня батарей». Кажется, юные авторы сумели усвоить то, на чем спотыкаются взрослые: оказывается, освободившись от единственно верной идеологии, необязательно тут же придумывать другую, тотальную, а можно очень даже хорошо существовать и в жизни, и в культуре, опираясь на факты, фантазию, смех и доброту.

Но это — дети. Дети действительно изначально добры и талантливы. Вот почему решительно непонятно, как из них вырастает та редкая сволочь, которую мы часто видим вокруг и иногда в зеркале.

Евгений Попов

ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО «нового романа» Ален Роб-Грийе родился в 1922 году. В 1953-м он опубликовал роман «Резинки», за которым последовали «Соглядатай» (1955), «Ревность» (1957) и «В лабиринте» (1959), ставшие классикой литературного течения, названного «новым романом». Заметное влияние на стиль писателя оказала работа в кино. В общей сложности Роб-Грийе написал четырнадцать романов и снял девять фильмов. Последние его произведения — кинофильм «Шум, сводящий с ума» (1995) и роман «Последние дни Коринфа» (1994).

«Новый роман», создателями которого критика считает наряду с Роб-Грийе Натали Саррот, Мишеля Бютора, Клода Симона и Маргерит Дюрас, задним числом был отнесен к постмодернизму, как только возник этот термин. В самом деле, здесь нетрудно найти зеркальное дробление пространства, декларативную вторичность эпизодов и игру с жанрами массовой культуры. В случае «Проекта революции в Нью-Йорке», написанного в 1970 году и повествующего о деятельности подпольной террористической группы, такая игра ведется с жанрами детектива и шпионского романа. Однако читатель, настроившийся на что-то вроде бестселлеров Умберто Эко (детектив для широкой публики, аллюзии и интертекстуальные игры для интеллектуалов), будет разочарован: роман Роб-Грийе (как и большинство «новых романов») практически лишен сюжета. Вместо него — несколько повторяющихся сцен, поданных в разных ключах: «революционный террор», «полицейский произвол», описание то ли обложки, то ли афиши...

Ален Роб-Грийе
Проект революции в Нью-Йорке
Перевод Елены Мурашкинцевой.
М.: Ad Marginem, 1996

В мире Роб-Грийе нет разницы между сознательной фальсификацией и плодом фантазии персонажей. Сами персонажи довольно условны: они бесконечно превращаются друг в друга, меняясь масками. Статус повествователя подорван — мы так и не узнаем, один рассказчик у «Проекта революции в Нью-Йорке» или несколько. Роб-Грийе описывает включенный магнитофон, завитушки двери, ключ, падающий на столик, крысу или паука столь же подробно, как революционеров, шпиков, жертв и провокаторов, добиваясь того, что его герои становятся частью предметного мира книги и воспринимаются как манекены. В результате настоящей «жертвой» революции, свершенной «новым романом», оказывается сама реальность. Блестящий стилист, Роб-Грийе доказывает: языку по силам создать альтернативную действительность, не менее зачаровывающую, чем та, что привычна нам.

Расчленение «сюжета» на ряд взаимоотражающихся эпизодов или фабульных линий и «перетекание» героев друг в друга свойственны и другим произведениям Роб-Грийе. Однако «Проект революции...» отличает повышенная жестокость: повторяющиеся сцены на этот раз оказываются сценами пыток и изнасилований.

Текст романа предваряет предисловие Михаила Рыклина, а завершают издание «Приложения» статьи Мориса Бланшо, Ролана Барта и Мишеля Фуко, посвященные Роб-Грийе.

После прочтения романа Роб-Грийе любой текст как таковой перестает вызывать прежнее доверие, и читатель вправе задаваться вопросами о том, являются ли герои критических текстов и автор «Проекта революции в Нью-Йорке» одним и тем же лицом? А если нет, то сколько существует различных Аленов Роб-Грийе? Являются ли авторы статей теми самыми Михаилом Рыклиным, Морисом Бланшо, Роланом Бартом и Мишелем Фуко, которые знакомы нам по другим текстам? И, закрыв книгу, не обнаружим ли мы на задней обложке изображение одной из только что описанных кровавых сцен, а за окном — перекресток 42-й улицы и 8-й авеню вместо московского пейзажа?

Сергей Кузнецов

Пушкинский музей
Фирма «Шарк»,
1996

CD-ROM'ы музейных коллекций становятся в последнее время популярны даже в нашей стране. Уже появился диск об Эрмитаже и готовятся «лазеры» по другим крупнейшим музеям.

CD-ROM «Пушкинский музей» задуман как экскурсия по залам музея и различным эпохам. Можно просмотреть документальные фотографии, иллюстрирующие этапы развития самого музея и некоторых его коллекций, увидеть около ста экспонатов из более чем 600-тысячного музейного фонда, а также совершить виртуальную экскурсию по залам французской живописи рубежа XIX – начала XX веков – визитной карточки и одновременно козырной карты музея.

Справочный аппарат диска состоит из разделов «Хронология», «Персоналии» (биографии мастеров, представленных на диске), «Словарь» (искусствоведческие термины) и «Индексы» (имена художников и названия воспроизведенных шедевров музея).

Однако CD-ROM, призванный проиллюстрировать историю мирового искусства от древнего мира до XX века, довольно уныл и оставляет ощущение некоторой необязательности: ста произведений все же слишком мало, чтобы составить представление о втором по значению музее страны. К тому же и отбор их не всегда точен. Комментарии, написанные сотрудниками музея, выглядят безадресными: детям они скорее всего будут скучны, а для профессионалов или даже просто любителей искусства недостаточны. К тому же набраны они неприятным желтым шрифтом, который читается с трудом.

Неновая, но сама по себе небесполезная идея сделать экспонаты Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина достоянием всех, кто не может посетить его лично, натолкнулась на недостаток опыта фирмы-производителя, видимо, не слишком знакомой как с музейным делом в целом, так и с самим предметом своего интереса. Кстати, на обложке перепутаны инициалы директора музея Ирины Александровны Антоновой. ■

Андрей Толстой

Не всякому художнику CD-ROM «пойдет» так, как Николаю Константиновичу Рериху. Масштаб сотворенного им столь велик, что не вмещаем ни книгою, ни альбомом. А кроме того: переплетение живописи и литературы, искусства и политики, философии и сокровенного учения – все это требует возможности плавного перехода из раздела в раздел (из огня в полымя, из тени в свет, из пустого в порожнее), которую только компакт-диск и может дать.

«Николай Рерих»
ЗАО «Лаборатория оптической телеметрии»,
1996

Впрочем, «осидиромен» Рерих одним из первых среди русских художников вовсе не поэтому. И не потому, что фирма «ЛОТ» («Лаборатория оптической телеметрии») так уж его любит. Просто именно Рерих давал возможность сделать диск на совершенно законных основаниях. А вошло сюда свыше 500 картин (музеи от Нью-Йорка до Риги и Воронежа, включая, конечно, Третьяковку, Русский и коллекцию Бойлинга), фотографии, библиография, тексты двух книг и 282 очерков (три с половиной тысячи страниц из них можно распечатать), Пакт Рериха и документы Гаагской конференции, наконец, биография художника, написанная канадкой Жаклин Дектер и переведенная специально для «ЛОТа».

Из приятных сюрпризов отметим то, что программа написана одновременно и под IBM, и под Macintosh, из неприятных – отсутствие «адресов» картин. ■

Никита Шустов

«Из жизни Христа. Евангельский цикл Василия Поленова»
Государственная Третьяковская галерея совместно с АООТ «Торгфин»,
1996

Почему успение (смерть) Богоматери – грустное с бытовой точки зрения событие – считается в христианстве праздником? Где располагался древний город Иерихон, известный по популярной присказке про иерихонские трубы? Что символизируют венцы, которые надевают на голову жениха и невесты во время венчания? Почему «блаженны нищие духом»?

Далеко не все люди, считающие себя христианами, могут ответить на подобные вопросы. Традиции нарушены. Вещи, которые для наших прадедов были естественны, как явления природы, ставят в тупик не только сельских бабушек, но и людей с вузовскими дипломами.

Возможностей восполнить пробел множество. Одна из них – компьютерная программа «Из жизни Христа. Евангельский цикл Василия Поленова».

(Особенно соблазнителен этот путь для детей и подростков, норовящих таращиться в мерцающий экран с утра до вечера.)

Василий Дмитриевич Поленов (1844–1927), известный сейчас скорее как пейзажист, «главным трудом своей жизни» считал картины на сюжеты Священной истории. Несколько раз – в 1881–1882 и 1899 годах – художник ездил в Палестину. Многочисленные зарисовки с натуры легли в основу пятидесяти шести полотен евангельского цикла. Все они были выставлены в Санкт-Петербурге в 1909 году.

Сейчас местонахождение ряда картин неизвестно, другие малодоступны. Однако существует альбом цветных литографий, составленный самим художником.

В компьютерной программе очередность поленовских произведений соответствует тексту Нового Завета. Получается что-то вроде жизнеописания Христа в картинах классика XIX века.

Возможен иной вариант знакомства с материалом – географический. Пользователь может «побродить» по Палестине времен Иисуса, узнать, что происходило в Капернауме, Вифании, Вифсаиде...

С помощью раздела «Персонажи и термины» легко выяснить, как сложилась судьба апостола Андрея, что такое хлебы предложения и какая разница между героинями по имени Саломея и Саломия. Программа позволяет «взглянуть» глазами живописца на древнюю Иудею и ее обитателей. Все произведения Поленова сопровождаются текстами, написанными самим художником.

История их появления весьма любопытна: в 1909 году маэстро решил показать евангельский цикл зрителю. По правилам того времени, отдавая произведения на выставку, любой человек (даже автор) должен был подтвердить свое право собственности на них. Поленов составил описания полотен и заверил их у нотариуса. Документ хранился в архиве Третьяковской галереи. Это его первая публикация.

Во время просмотра программы звучит музыка Рахманинова, Чайковского и отрывки из Евангелия. Диск двуязычный (русский/английский). По-английски Новый Завет читает священник-американец.

Впервые программа «Из жизни Христа» была показана на выставке Поленова в Третьяковской галерее. И весьма успешно. Видимо, поколению, воспитанному на живописи передвижников, реалистические полотна Поленова понятнее икон, полных условностей и символов.

И еще один существенный момент. Поленов так представлял себе Спасителя: «В евангельских сказаниях Христос есть настоящий живой человек, или Сын Человеческий, как Он постоянно Сам Себя называл, а по величию духа Сын Божий, как его называли другие...» Художник стремился «...в искусстве дать этот живой образ, каким он был в действительности». Разве это не созвучно желанию многих наших современников ощутить, прочувствовать христианскую традицию не как книжную догму, а как собственный опыт? ■

Анна Капитанова

Операция «Церетели»

На телемарафон гостей собрали вовсе не для того, чтобы они разговаривали, а для того, чтобы помолчали

Семен Файбисович

СВИДЕТЕЛЬСТВО

28 ДЕКАБРЯ ТОЛЬКО ЧТО ОТОШЕДшего года на канале МТК в программе «Телемарафон «Московское время 850» обсуждались проблемы московской культуры: положение музеев, театров и библиотек, реставрация памятников, качественное содержание телепрограмм и так далее.

Больше всего времени было уделено творческой деятельности художника Зураба Константиновича Церетели в городе Москве и других местах. Обещание открытой дискуссии на эту тему в прямом эфире позволило устроителям привлечь для участия в пятичасовой программе представителей прессы и руководства Союза художников, отдельных независимых критиков, художников, галеристов, поэтов и других заинтересованных граждан, составивших вместе значительную часть аудитории. Дискуссии, однако, не случилось. И, как постепенно становилось ясно собравшимся, не могло случиться — гостей собрали вовсе не для того, чтобы они разговаривали, а для того, чтобы помолчали.

Площадка совести

Москвичам была показана другая «дискуссия», организованная в личных апартаментах господина Церетели в бывшем посольстве ФРГ на Большой Грузинской. Ее участников пригласил сам художник. Пришедшим же в «Останкино» для откровенного разговора не только не дали слова, но даже не дали посмотреть и послушать, что происходило и говорилось в гостиной Церетели. Когда собравшиеся в студии наконец увидели на экране долгожданный сюжет о художнике, на эстраде перед экраном появилась необъявленная девочка, одетая как беременная женщина, и начала выполнять перед микрофоном странные голосовые упражнения, заглушавшие голоса из гостиной Церетели. Последнее, что услышали собравшиеся в студии, был свистящий шепот ведущей Ларисы Кривцовой: «Уберите звук, быстро уберите звук. Картинку можете оставить, а звук немедленно уберите».Через несколько минут пропала и картинка.

Предшествовавшая сюжету о Церетели часть марафона оставила ощущение вполне сюрреалистическое. Помост со столом президиума был с трогательной наглостью назван ведущей «площадкой совести». Совесть на ней олицетворяли, например, Илья Глазунов, Владимир Ресин, отец Питирим, Феликс Кузнецов... Должны были присутствовать, но не смогли и поговорили о духовном в записи Станислав Говорухин и Никита Михалков. К концу марафона на площадке начала торжествовать политкорректность, и микрофоны оккупировали Наталья Дурова с Роксаной Сац.

«ПЛОЩАДКА СОВЕСТИ» НА МТК И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

Пожалуй, лишь председатель комитета по средствам массовой информации правительства Москвы Анатолий Лысенко и министр культуры Евгений Сидоров пытались выглядеть в этой компании нормальными людьми, но в конце концов и их скрутило, так что первый стал объяснять возвращение зрительского интереса к советским фильмам тем, что они несут общечеловеческие ценности, а второй обвинил культурную общественность Москвы в запоздалом («минут на пять») реагировании на негативные явления, происходящие в городе. Это когда обозреватель «Эха Москвы» Татьяна Невская умудрилась-таки вклиниться с вопросом: как, дескать, уважаемый министр относится к тому, что часть галерей Гостиного двора, построенного Джакомо Кваренги, рухнула в результате «реконструкции» с надстройкой этажа, выполненной по приказу Юрия Лужкова, несмотря на предупреждения и сопротивление реставраторов. После ответа министра автор этих строк минут двадцать тянул руку, прося слова, но не получил его.

Многократно анонсированную устроителями марафона «открытую площадку» на станции метро «Пушкинская», предназначенную для желающих высказаться по любому из намеченных к обсуждению вопросов, в последний момент вдруг заменила труднодоступная точка в каком-то магазине немецкого бытового электрооборудования на Шереметьевской улице, куда были собраны заранее приглашенные люди. Голоса с «площадки совести» изредка перебивались голосами с этой «открытой площадки», однако даже при такой постановке дела не обошлось без прокола. Одна пенсионерка рассказала о своей мизерной пенсии и тяжелой жизни, о том, что несмотря на это она увлекается историей Москвы. А потом вдруг предположила, что если Москву в свое время вычеркнули из списка городов-памятников, находящихся под охраной ЮНЕСКО, из-за деятельности партийной и архитектурно-художественной номенклатур, то теперь, после церетелиевского насаждения зверушек и прочих красот у Александровского сада, вычеркнут и пока охраняемые Красную площадь и Кремль. «Все, все, спасибо, этого не надо, об этом у нас специальный сюжет», — перебила пенсионерку ведущая «открытой площадки», и у пожилой дамы был немедленно отключен микрофон.

Специальный сюжет

Хроникальный материал о Церетели, предшествовавший «дискуссии» в его дворце, включал сюжет, где президент России Борис Ельцин с гордостью сообщает потрясенному президенту США Биллу Клинтону, что оригинал 126-метрового памятника Колумбу, стоящего перед ними в виде уменьшенной копии, уже установлен в Майами. Присутствующий здесь же автор памятника, по-своему трактовав потрясение американского президента, подсказывает нашему, что установленный монумент — подарок. Ельцин делает два шага назад, «обменивается» с кем-то, затем делает два шага вперед и заявляет: «Товарищ Билл, это вам в дар!»

Таким образом, если верить своим глазам и ушам, был осуществлен самый дорогой в истории человечества рукотворный подарок в виде самого высокого в той же истории нефункционального сооружения. Утерлись и чудо света — родосский Колосс (который к тому же служил маяком), и Вавилонская башня. Достоин упоминания в Книге рекордов Гиннесса и тот факт, что этот дар преподнесла самой богатой стране мира нищая Россия.

После показа видеоматериала студийную «площадку совести» повели «перекусить», а остальным предложили временно покинуть помещение и выключили свет.

«Площадка совести» в доме Церетели востребовала политического карикатуриста сталинской эпохи Бориса Ефимова, поэта хрущевской поры Андрея Дементьева, брежневского архитектора Юрия Платонова и других героев советской культурной сцены. Они дружно осудили травлю мастера, организованную в средствах массовой информации, как проявление злобы, «напоминающее тридцать седьмой год»:

— Чья-то злая и очень коварная рука поворачивает рубильник, — сообщил Юрий Платонов и добавил: — Я всегда мечтал бы, чтобы в Москве было меньше серых ошибок и больше ярких, бесконечных, разных, сумасшедших...

Известного левого критика застойной поры Марию Чегодаеву «настороживало», что никогда прежде «Москва не проявляла такого бурного рвения и такого волнения по поводу своего облика, как сейчас». Она пояснила, что «Петра не приемлет кондовая, реакционная Москва». Было сказано много добрых слов о величии Церетели, о том, что «победителей не судят», что «свыкнется-слюбится», что Эйфелеву башню тоже сначала отвергали.

«ПЛОЩАДКА СОВЕСТИ» В ДОМЕ ЦЕРЕТЕЛИ (ВВЕРХУ)

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО...

Хозяин дома и автор нового монументального убранства столицы также поучаствовал в дискуссии, сообщив, что «пока не закончено — нельзя мнения». Когда ведущая спросила, как художник относится к входящему в обиход термину «церетелизация», тот пришел в восторг и сказал, что назовет так трехтомный альбом о своей деятельности в США, России и Грузии. О себе рассказал, что «немножко верующий» и собирается в «серьезном месте» в Нью-Йорке установить очередного Колумба, которого «наше руководство передало официально».

Посмотрев и послушав то, что творилось в первой студии «Останкино» и в особняке Церетели, а до этого несколько раз наткнувшись на выступления по государственным и муниципальным каналам телевидения первого вице-премьера Москвы Владимира Ресина в поддержку и защиту травимого Церетели, хочу заявить следующее:

1. Акция, осуществленная МТК в отношении оппонентов Церетели, напомнила мне, художнику андерграунда, 15-суточные превентивные посадки диссидентов, практиковавшиеся КГБ перед ответственными мероприятиями типа приезда в Москву Никсона или Олимпийских игр.

2. Сравнение Эйфелевой башни с церетелиевым Петром некорректно, поскольку первая отпугивала современников своей новизной, а вторая пугает, помимо прочего, призраками прошлого.

3. Что касается сетований министра культуры по поводу пятиминутного запаздывания общественного мнения, то для исправления этого недостатка надо, во-первых, не затыкать общественности рот (а именно в этом мероприятии принимал участие уважаемый министр), во-вторых, властям следует широко оповещать общественность о своих «задумках» и приглашать ее для их экспертизы и обсуждения до их осуществления, как это принято в цивилизованных обществах, а не устанавливать порядок «пока не закончено — нельзя мнения», а в-третьих, политическая и административная власти должны в принципе отказаться от курирования и попечения искусства, передав эти функции общественным институтам и фондам, а также частным благотворителям (предварительно создав для этого соответствующие законы и законные льготы).

4. Ведущая «дискуссии» вместе с Церетели долго и наглядно опровергали точку зрения недоброжелателей, что памятник Петру и многочисленные Колумбы одинаковы — «только голова отличается». Действительно, они не одинаковы, а всего лишь весьма похожи, а вот конные Георгии у здания ООН в Нью-Йорке и на Поклонной горе в Москве *идентичны*.

5. Учитывая, что московский канал в просторечии зовется лужковским, хотелось бы, чтобы мэр Москвы прояснил конкретную степень своего участия в том, что его любимый автор устроил сначала в художественном пространстве нашего родного города, а теперь и в эфирном.

6. В случае, если «товарищ Билл» и другие товарищи по всему миру получают церетелиевскую гипербижутерию стоимостью в сотни миллионов долларов США как подарки лично от товарища Зураба, хотелось бы знать, к примеру, какие налоги платит нищей госказне один из самых богатых, как видно, людей планеты? Если же само государство, не способное вовремя выплачивать мизерные пенсии и зарплаты своим гражданам, с поразительной настырностью одаривает их и весь остальной мир баснословно дорогими поделками одного человека, то хотелось бы привлечь всеобщее внимание к этому очень интересному феномену.

7. Хотелось бы также уразуметь, является ли, например, виза президента России, появившаяся на проекте памятника Петру до его представления на худсовет, законным этапом «одобрения всеми инстанциями» (информация об этой визе получена не из передачи, а из компетентных источников). Или, может быть, эта подпись как раз то, что в видеоматериале названо «предварительным конкурсом»?

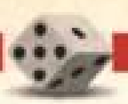
8. И так далее... ■

P.S. После того как статья была уже сдана в номер, мне позвонили с МТК и стали извиняться по поводу произошедшего. Сказали, что их в последний момент поставили перед выбором: либо делать то, что велят, либо снимать с эфира передачу, которая готовилась полтора месяца. Искренние, как мне показалось, извинения искренне же и принимаю.

Съемка с экрана телевизора

«ТОВАРИЩ БИЛЛ, ЭТО ВАМ В ДАР!» (СЛЕВА)
«НАШ РУЛЕВОЙ»

Поверить **алгеброй** гармонию

ПРЕФЕРАНС

Среди множества способов убиения досужего времени в нашем отечестве одним из самых распространенных был преферанс. Умение «писать пулю» считалось едва ли не обязательным для каждого обывателя, не сторонящегося умственных упражнений и развлечений. Последние годы многое изменили в нашей жизни, открывшиеся новые возможности и разыгравшиеся страсти на время преферанс потеснили. Сожалея об этом забвении, мы открываем новую рубрику для тех читателей, которые разделяют нашу ностальгию по преферансу — этой замечательной «гимнастике ума».

Несмотря на разнообразие систем записи, тактика и стратегия игры во всех случаях остаются практически неизменными. Хотя каждый преферансист имеет собственное мнение о том, какая система записи справедливее, математический расчет показывает, что эти различия носят исключительно косметический характер. Со временем мы осветим эту тему более детально, а пока, дабы не путать читателей разнообразием цифр, будем приводить все записи к «сочинским» вистам.

Главное, принцип стратегии преферанса, в отличие, например, от бриджа, состоит в том, что «садиться» не стоит ни при каких обстоятельствах. Даже самый малый ремиз не окупается тем, что вы не дали сопернику сыграть восьмерную игру. Для тех, кто все-таки сомневается, приводим в таблице 1 величины возможных выигрыша и проигрыша (в «сочинских» вистах, полуответственный вист).

ТАБЛИЦА 1

Шестерная			
Выигрыш		**Проигрыш**	
7 взяток	Своя игра	Без одной	Без двух
10,64 (3 игрока)	5,33	27,33	46,67
11,5 (4 игрока)	7	31	54
Семерная			
Выигрыш		**Проигрыш**	
8 взяток	Своя игра	Без одной	Без двух
18,67 (3 игрока)	14,67	50,67	89,33
22 (4 игрока)	18	54	96
Восьмерная			
Выигрыш		**Проигрыш**	
9 взяток	Своя игра	Без одной	Без двух
34 (3 игрока)	28	70	128
39 (4 игрока)	33	81	150
Девятерная			
Выигрыш		**Проигрыш**	
10 взяток	Своя игра	Без одной	Без двух
56 (3 игрока)	45,33	85,33	162,67
70 (4 игрока)	52	100	244

Как видим, проигрыш во всех случаях существенно перевешивает возможный выигрыш. Так что же, следует ли всегда ожидать худшего, закладываться на четвертого валета, или стоит рискнуть? Большинство игроков руководствуются интуицией и опытом. Но невредно все-таки более отчетливо представлять себе вероятность некоторых типичных раскладов карт у вистующих. Приводим их в таблице 2 (значком «+» обозначается «фоска», то есть любая не фигурная карта).

ТАБЛИЦА 2

Второй (третий или четвертый) король (из К+++)	0,88
Второй (или третий) король (из К++)	0,75
Второй король (из К+)	0,5
Третья (или четвертая) дама (из Д+++)	0,5
Вист в масти (ДВ++)	0,5
Третья дама и три карты (из Д+++ и ++++)	0,31
Третья дама (из Д++)	0,25
Третья дама и второй король (из Д+++ и К+++)	0,22
Третья дама и второй король (из Д+++ и К++)	0,19
Третья дама и три карты (из Д+++ и ++++)	0,16
Порог для выбора «семь или восемь»	
Две третьих дамы на одной руке (из Д+++ и Д+++)	0,13
Третья дама и второй король (из Д+++ и К+)	0,13
Четвертый валет (из четырех карт)	0,13
Порог для выбора «шесть или семь»	
Две третьих дамы на одной руке (из Д+++ и Д++)	0,06
Второй король и четвертый валет(из К+++ и В+++)	0,05
Третья дама и четвертый валет (из Д+++ и В+++)	0,03

Какой практический вывод можно сделать из всей этой бухгалтерии? На что стоит закладываться, а что предоставить «Фортуне»? Математика утверждает, что в ситуации «верные шесть либо проблематичные семь» рисковать стоит лишь в том случае, если вероятность неблагоприятного расклада меньше 0,067 (для трех игроков) и 0,096 (для четырех). Проглядите еще раз таблицу 2 и проверьте, насколько ваше интуитивное представление было точным.

Другим, может быть, неожиданным выводом из наших подсчетов будет такой: при выборе между «верными семью» или «рискованными восемью» можно позволить себе быть большим оптимистом (большинство преферансистов убеждены в обратном). Так, четвертый валет должен приниматься в расчет как вероятный расклад при переходе к семерной игре и не учитываться при восьмерной, то же относится к возможности двух третьих дам на одной руке (из Д+++ и Д+++). В следующей таблице 3 приведены пороговые значения риска для пули втроем и вчетвером.

ТАБЛИЦА 3	Для 3 игроков	Для 4 игроков
Проблематичные 7	0,067	0,096
Проблематичные 8	0,153	0,1
Проблематичные 9	0,089	0,091

Обратите внимание, что математика советует нам использовать разные тактики в зависимости от числа игроков. Приведенные критерии справедливы только для случая действительно верных 6 и возможных 7, поскольку существование варианта расклада, в котором вы берете только 5 (или 9), может существенно изменить значения рисков. Например, вариант «третья дама из трех и три карты из пяти» нужно учитывать при ваших картах ♣ТКВ++ и ♦ТК+ (проблематичная пятая взятка в козырной трефе, с возможностью достачи третьей бубной).

Все рекомендации, основанные на вероятностных расчетах, справедливы только для достаточно большого числа повторений, то есть вы можете проиграться в пух прежде, чем теория подтвердит свою правоту. Поэтому, если вам недавно крупно повезло в любви, сделайте соответствующую поправку. ■

Страница Дмитрия Генина

Ответ на задачу №1

Розыгрыш:
1) ♥10, ♥7, ♥К; 2а) ♣К, ♣Т, ♣7;
3) ♥8, ♥Т, ♥Д; 4) ♥7, ♠Д, ♣8;
♠10 — старший козырь (своя игра).
2б) ♣К, ♣Т, ♣8; 3) ♥8, ♥Т, ♥Д;
4) ♥8, ♠Д, ♣Т; 5) ♣8, ♣7, ♣К;
♠10 — старший козырь (своя игра).

27/8238 - 23

27/8239 - 23

HAPPY SPORT

27/8236 - 23

27/8239 - 22/11

27/6177 - 22

БЕСЦЕННЫ

27/6137 - 23

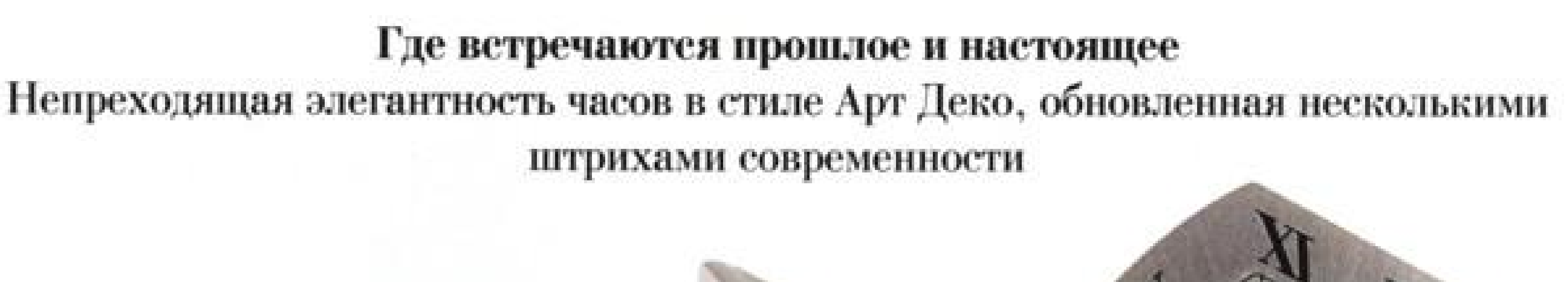

27/8239 - 42

27/6180/401

ВСЕГДА

27/6137-22/11

МУЖСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ВРЕМЯ И ТРАДИЦИИ

Где встречаются прошлое и настоящее
Непреходящая элегантность часов в стиле Арт Деко, обновленная несколькими штрихами современности

Сплав характера и изысканности

Бесспорный шедевр среди мужских часов Chopard, этот хронометр с вечным календарем собран как минимум из 437 деталей, отполированных вручную. Часы выпущены ограниченной партией по 50 экземпляров в каждой из трех серий — в корпусе из платины, желтого и розового золота.

Преемственность традиций

"Музейная" модель с удвоенной продолжительностью хода. Снабженные маленькой секундной стрелкой и индикатором даты, эти часы были созданы под влиянием дизайна Chopard образца 30-х годов, получив тем самым второе рождение.

HAPPY SPORT

БЕСЦЕННЫ

ВСЕГДА

27/8238 - 23

27/8239 - 23

27/8236 - 23

27/8239 - 22/11

27/6177 - 22

27/6137 - 23

27/8239 - 42

27/6180/401

27/6137-22/11

только от Chopard — »HAPPY DIAMONDS«
уникальная коллекция, ставшая классической

20/6211 - 21

20/6212 - 23